

SERIES MINOR

К.Р. Кобрин
Средние века:
очерки о границах,
идентичности
и рефлексии

К.Р. Кобрин Средние века: очерки о границах, идентичности и рефлексии

К.Р. Кобрин

Средние века:

очерки о границах,
идентичности
и рефлексии

Центр гуманитарных инициатив

Москва – Санкт-Петербург
2016

УДК 94(100-87)(09)

ББК 63.3(0)4

K55

Серия MEDIAEVALIA
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ
ФЕНОМЕН.

[series minor]

Основана в 2015 г.

Составитель и главный редактор А.К. Гладков

Кобрин К.Р.

K55 Средние века: очерки о границах, идентичности и рефлексии. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. — 218 с. (MEDIAEVALIA [series minor])

ISBN 978-5-98712-644-8

Книга К.Р. Кобрин «Средние века: очерки о границах, идентичности и рефлексии», открывает малую серию по средневековью (series minor). Книга посвящена нескольким связанным между собой темам: новым подходам к политической истории, формированию региональной идентичности в Средние века (и месту в этом процессе политической мифологии), а также истории средневековья XX века в политико-культурном контексте современности. Автор анализирует политико-мифологические сюжеты из средневекового валлийского эпоса «Мабинион», сочинений Гальфрида Монмутского. Особое внимание уделено жизни и трудам знаменитого средневекового автора, церковного и государственного деятеля Геральда Камбийского (1146—1223). Наряду с детальным изучением валлийского средневекового материала, автор также исследует судьбы средневековья в XX в. — на примере работ М. Блока, Э. Канторовича и О.Г. Эксле.

Книга адресована историкам, философам, филологам и культурологам, а также всем тем, кого интересует средневековье и интеллектуальная история XX века.

© Кобрин К.Р., 2016

© Гладков А.К., составление серии, 2016

© Центр гуманитарных инициатив, оформление, 2016

Оглавление

О чем эта книга.....7

Глава I. Политические мифологии в региональном контексте: средневековый Уэльс

Об одной зарытой и выкопанной голове: эксгумация в бриттской политической мифологии 13

«Политический» XI век в Уэльсе (1039—1100) 31

Глава II. Идентичность в средневековом региональном и общеевропейском контексте: Геральд Камбрийский

Геральд Камбрийский: идентичность, политика и историография второй половины XIX—XX в. 73

Имперские книги Геральда Камбрийского.....103

Геральд Камбрийский: границы родины, граница как родина. 123

Глава III. Медиевистика: несколько случаев рефлексии

Эрнст Канторович над историей: дробящиеся тела власти.....139

Как важно читать медиевистов.....175

К истории одной апологии (Марк Блок между историей и исторической антропологией) 186

О чем эта книга

Статьи, вошедшие в эту книгу, писались в течение 15 лет. Каждый текст сочинялся отдельно, и автор не предполагал, что рано или поздно все они окажутся под одной обложкой. Сейчас, когда благодаря любезности и энтузиазму составителя и главного редактора серии «Mediaevalia. Средневековые как историко-культурный феномен» А.К. Гладкова это произошло, я вижу, что в каком-то смысле получился набросок моей собственной биографии как историка. Если убрать неуместные здесь персональные детали, то дело обстоит примерно следующим образом.

Первая и вторые главы посвящены сюжетам, связанным с историей средневекового Уэльса. Эта тема не очень популярна в русской историографии, так что представленные здесь очерки политической и идеологической истории региона сохраняют определенную актуальность для отечественного гуманитарного знания. Вводя более двадцати лет назад данную тему в российскую историографию, автор надеялся, что — учитывая рост интереса к региональным исследованиям, изучению национальных, социальных и культурных идентичностей, а также к новым подходам к

политической истории — валлийские штудии окажутся интересными для коллег. Увы, за небольшим и важным исключением, этого не произошло. Надежда же осталась, так что в публикации статей, составивших первую и вторую главы, я и сейчас вижу определенный смысл.

Третья глава состоит из очерков, посвященных не медиевистике, а ее историографии. Переход автора от истории Уэльса к этим темам стал следствием нескольких причин — от чисто биографических до академических. В качестве одной из последних можно назвать своеобразную «исчерпанность» — и без того скромной — источниковой базы изучения средневекового Уэльса. Практически все, что удалось обнаружить исследователям в последние 150—170 лет, на сегодняшний день опубликовано, прокомментировано и проанализировано. Отметим также серьезные изменения в самой области знания о прошлом, которые заставляют задуматься, прежде всего, о собственных основаниях этого знания. Так, в фокус внимания автора вошел XX в. — столетие, когда в историографии произошла настоящая революция, поставившая под сомнение существование самой историографии. Данное столетие было временем сразу нескольких революций, так что велико искушение обнаружить связь между переворотом в знании о прошлом и в прочих областях культуры, жизни, политики, технологий и проч. Собственно, очерки, вошедшие в третью главу книги, посвящены именно этому.

Таким образом, пусть даже и почти случайно, в книге возник метасюжет. Сначала на примере истории малоизученного региона делается по-

пытка понять, как же на самом деле можно сегодня описывать средневековую историю, прежде всего, в ее политическом и идеологическом аспекте. Немалое место уделяется и столь горячей в современном мире теме, как проблема идентичности. Фигура Геральда Камбрийского, в данном случае, является очень важной. Он, в отличие от большинства средневековых авторов, много писал о своей жизни; эти книги сохранились, к тому же, некоторые из них имеют несомненные литературные достоинства. Так что изучать их было интересно — я надеюсь, читатель простит столь неакадемическое определение; однако вряд ли стоит заниматься чем-то, что не вызывает интерес.

Затем от средневекового Уэльса и его самого известного описателя мы переходим к более широкому контексту. Речь идет о медиевистике прошлого века в связи с прочими дисциплинами и областями знания. Труды Марка Блока, Эрнста Канторовича и Отто Герхарда Эксле подвергаются анализу, которому они сами подвергали тексты своих средневековых героев. Социокультурный, политический и биографический контекст жизни этих ученых новейшей эпохи накладывается на их исторические работы и взгляды с тем, чтобы попробовать набросать общую картину, в которой историография XX столетия является важной частью происходившего с западным обществом в тот период. Именно поэтому в названии книги есть слова «границы», «идентичности», относящиеся к первым двум главам, и «рефлексии», отсылающие читателя к третьей.

В академическом сообществе — и не только в нем — принято благодарить коллег и близких, без ко-

торых данная работа не появилась бы на свет. Мой список был бы слишком длинным. Но невозможно не сказать спасибо Евгению Васильевичу Кузнецову, который открыл для меня средневековый Уэльс, Рису Дэвису, Ральфу Гриффитсу, Тони Карру и, конечно же, моему замечательному другу Александру Фалилееву. Галина Бабак сделала эту книгу книгой.

Глава I

Политические мифологии
в региональном контексте:
средневековый Уэльс

Об одной зарытой и выкопанной голове: экзгумация в бриттской политической мифологии

Важнейшим источником по ранней валлийской (и шире — бриттской) истории и мифологии является сборник древних легенд Уэльса «Мабиногион». Сборник, включающий в себя 11 легенд, дошел до нас в составе двух рукописных сводов древней валлийской литературы: так называемых «Белой книги Риддерха» (ок. 1325 г.) и «Красной книги Хергеста» (ок. 1400 г.)¹. Их тексты несколько отличаются друг от друга, что доказывает заимствование из общего, более раннего источника. Название «Мабиногион» дала им первая переводчица на английский Шарлотта Гест, издав в 1838—1849 г. в Лландовери книгу, озаглавленную «Мабиногион из Красной книги Хергеста и других древних валлийских рукописей»².

«Мабиногион» — множественное число от «мабиноги», хотя лишь первые четыре повести сборника носят название «Ветви Мабиноги» и связаны общим сюжетом и общими героями. Само слово «мабиноги» переводится обычно как «повесть о юности» (от валлийского “*maib*”, или “*ap*”, или “*uab*” — «юноша», «отрок», «сын»), однако смысл такого наименования не совсем понятен и потому является предметом дискуссий³.

Язык отдельных легенд и сюжеты первых четырех «мабиноги» относятся к разному времени, но большинство специалистов считает, что они были записа-

ны не ранее XI и не позже XII в.⁴ От себя добавлю — первые четыре ветви «мабиноги» записаны до 1134 г., т.е. до того времени, когда была создана «История бриттов» Гальфрида Монмутского.

В «Истории бриттов» можно уловить влияние этих ветвей. Остальные семь легенд записаны, на мой взгляд, значительно позже, т.к. в них уже чувствуется воздействие «Истории бриттов» и некоторых последующих сочинений «артуровского цикла». Столь подробное рассмотрение текстологических проблем необходимо для того, чтобы уяснить, как из одного текста в другой движется магистральный сюжет — «магическая эксгумация», и как этот сюжет соотносится с общим контекстом бриттской (позже — валлийской) политической мифологии.

Начало данного сюжета лежит во второй из четырех ветвей «мабиноги» — «Бранвен, дочь Ллира». Бендигейд Вран, сын Ллира, король всего острова Британия, был смертельно ранен в ногу отравленным дротиком в битве с ирландским королем Матолхом. Британцы победили, но в живых их осталось всего семеро⁵. Умирая, Бендигейд Вран приказал отрезать ему голову: «Возьмите мою голову, — велел он, — и отнесите ее на Белый Холм в Лондоне и похороните там лицом к стране франков. И вы должны долгое время провести в дороге. В Харлехе вы будете пировать семь лет, и птицы Рианнон будут петь вам. И моя голова должна быть с вами, как будто она на моих плечах. И в Гуэлсе в Пенфро вы должны находиться четыре по двенадцать лет, и вы останетесь там, пока не отомкнете дверь в Абер-Хенвелен и Корнуолл. И когда вы отомкнете эту дверь, вы отправитесь в Лондон и похороните там мою голову»⁶.

Здесь стоит сделать ряд пояснений. «Бендигейд Вран» переводится как «Благословенный Вран». Это фигура символическая и в смысле мифологических ее истоков (вторая часть его имени — «Вран» — относится к божеству потустороннего мира; ср. также с ведическим «Варуном»), и в смысле политической мифологии. В древнейшей валлийской литературе существует такой жанр как «триада», где имена и события группируются по тройкам. Триады имеются и на бытовые сюжеты, и на легендарные. Последние объединены в «Триады Острова Британия». Так вот, в 16 «триаде острова Британия» говорится о том, что Бендигейд Вран вместе со своим сыном Карадаугом был взят в плен римлянами и 7 лет прожил в Риме, где обратился в христианство и принес эту веру на остров, за что и был назван одним из Трех благословенных правителей⁷. Его важнейшее место среди мудрых и могучих правителей Британии подтверждают и другие триады. Антрополог-структуралист сказал бы, что Бендигейд Вран выполняет функции «первопредка».

Итак, голова одного из Трех благословенных правителей была захоронена на Белом Холме в Лондоне (кстати, позднее на этом холме был выстроен Тауэр). Зачем? Ответ на этот вопрос «мабиноги» не дает. Зато в 37 «триаде острова Британия» читаем следующее: «Три счастливых погребения и Три злосчастных выкапывания Острова Британия. / Голова Брана Благословенного, сына Ллира, зарытая на Белом Холме в Лондоне лицом к Франции. До тех пор, пока она оставалась там, как ее положили, саксонская напасть не приходила на этот остров»⁸.

Мы видим, что голова Бендигейда Врана, ведущего свое мифологическое происхождение от потустороннего мира, «благословенного» правителя Британии,

связанного с Римом и принесшего (судя по 16 триаде) христианство на остров, стала гарантом безопасности Британии от саксонского вторжения. Магическая функция такого рода захоронения очевидна. Однако следует отметить, что триады (как и «мабиноги») создавались тогда, когда саксы *уже пришли* на остров и оккупировали бóльшую его часть. Почему же не спасла зарытая в Белом Холме голова? Ответ можно найти все в той же 37 триаде. Среди Трех злосчастных выкапываний Острова Британии есть следующее: «Артур же выкопал из Белого Холма голову Брана Благославленного, ибо не желал, чтобы чья-то сила защищала этот остров, кроме его собственной»⁹.

Итак, магическая сила захороненной головы уничтожается эксгумацией. Здесь важны два обстоятельства. Во-первых, не кто-нибудь, а именно Артур, защитник христианской Британии от язычников-саксов, хранитель бриттского единства, сделал это. Можно двояко оценивать его действия.

С одной стороны, логично считать, что он выкопал голову Брана (или Врана), побуждаемый гордыней («ибо не желал, чтобы чья-то сила защищала этот остров, кроме его собственной»), за что был наказан и сам, и вся Британия — почти полным подчинением саксам. Но, с другой стороны, — действия Артура справедливо расценить как символическую замену, символическое перенесение функций правожда, властелина всей Британии, защитника бриттского христианства, с Бендигейда Врана на себя. Иными словами, с эксгумации врановой головы именно Артур становится ключевой фигурой бриттской политической мифологии.

Второе важное обстоятельство заключается в самом появлении в триадах имени Артура. Почти все

«мабиноги» (позднейшие), где действует Артур, как уже говорилось, написаны под влиянием «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского и континентальных рыцарских романов. Первое, достаточно случайное, упоминание Артура мы встречаем в «Истории» Ненния¹⁰. (Замечу, что здесь нас не занимает задача идентификации исторического Артура, если он вообще существовал). Развернутый образ Артура содержится в «мабиноги» «Видение Ронабви» и в сочинении Гальфрида. Время действия «Ронабви» позже даты выхода в свет «Истории бриттов»¹¹, поэтому влияние первого сочинения на второе исключено (в отличие первых четырех ветвей «Мабиногион» и триад). В «Видении Ронабви» Артур — могущественный бриттский вождь, однако не в прошлом, а в «параллельном» мире, куда попадает герой повествования Ронабви — валлиец середины XII в. В «Видении» можно обнаружить слабое влияние франко-нормандской литературы и, как мне кажется, значительное — «Истории бриттов». Образ Артура переключался в «Видение» именно в том виде, в котором он сложился в сочинении Гальфрида Монмутского.

Каков же Артур у Гальфрида? Фигура короля Артура является ключевой в «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского (ок. 1100—ок. 1155 гг.). Ни одному из героев этой книги (включая прародителя всех бриттов — Брута) не посвящено столько страниц. Но дело не только в объеме.

Предшествующая появлению Артура часть «Истории» является как бы «увертурой», где вкратце «проигрываются» основные темы «истории Артура». Важнейшая из них — «Британия и Рим». Брут, первый вождь бриттов, был праправнуком троянца Энея и

(по другой линии) — потомком «царя Италии» Латина¹²; Брут женился на дочери «греческого царя» Инногене¹³. Таким образом, в его потомках, по Гальфриду, текла троянская, греческая и латинская кровь. Любопытно также прорицание, услышанное Брутом во сне:

«Остров тот средь зыбей гигантами был обитаем,
Пуст он ныне и ждет, чтоб заселили его
Люди твои; поспеши — и незыблемой станет твердыней,
Трою вторую в нем дети твои обретут.
Здесь от потомков твоих народятся цари, и подвластен
Будет этим царям круг весь земной и морской»¹⁴.

(Заметим в скобках, что цитированный отрывок есть повторение с небольшими изменениями знаменитого пророчества из вергилиевой «Энеиды»:

«Та же земля, где некогда род возник ваш старинный,
В щедрое лоно свое, Дардана стойкие внуки,
Примет вернувшихся вас. Отыщите древнюю мать!
Будут над всею странюю там царить Энея потомки,
Дети детей, а за ними и те, кто от них народится»¹⁵.)

Сопоставление этих двух отрывков позволяет сделать два заключения: во-первых, Гальфрид явно писал свою «бриттскую “Энеиду”», только вместо одного героя, Энея, у него герой коллективный — бритты; как мы увидим позже, воплощенные в образе Артура. Во-вторых, Бруту пророчество советует плыть к новым землям («острову»), а Энею — вернуться на землю предков. Для потомков Брута вернуться на «землю предков» значит «вернуться в Рим». Но, как мы увидим дальше, возвращение это чревато различными бедствиями.

Первыми такое «возвращение» совершили британские короли Бренний и Белин. Рим был завоеван ими. Белин вернулся в Британию, а Бренний остался в Италии и судьба его, судя по всему, была печальной. Вот что пишет об этом Гальфрид: «После разгрома римлян Бренний остался в Италии, неслыханно утесняя народ. Поскольку Римская история повествует о некоторых его поступках и о том, чем все это кончилось, я счел излишним останавливаться на этом, дабы не растягивать и не распространять мое сочинение...»¹⁶. Таким образом, получается, что «возвращение» бриттов в Рим не состоялось.

Через некоторое время уже Рим «идет» на бриттов. Юлий Цезарь оказывается в Британии и требует, чтобы король бриттов Кассибеллан покорился римлянам, т.к. оба эти народа происходят от Энея. Кассибеллан возражает, что, хотя и римляне, и бритты ведут свою историю от Приама, тем не менее, бритты не покорятся: они любят свободу, в отличие от римлян. В последовавшем бою Ненний, брат Кассибеллана, захватывает меч Юлия Цезаря, обладающий волшебной силой, но сам получает ранение этим оружием. Через 15 дней Ненний умирает, и в саркофаг к нему кладут этот меч, прозванный Желтой Смертью¹⁷. «Династическая связь» бриттов с Римом (через Брута) дополняется еще одной связью, символизированной мечом Цезаря. И в том, и в другом случае связь посредством «крови», но в то же время и «пролития крови», убийства: ведь Брута изгоняют из Италии за убийство отца¹⁸; Цезарь мечом смертельно ранит Ненния, но меч переходит к последнему и погребается вместе с ним. В дальнейшем повествовании «династические» связи Британии и Рима обновляются: король Арвираг

женится на дочери императора Клавдия — Гевиссе¹⁹; император Константин был сыном сенатора Констанция и Елены, дочери Коеля, короля Коерколуна²⁰.

Вторым, после Брута, важнейшим персонажем «доартуровской» части «Истории бриттов» является Максимиан (Максим). Максимиан, внук короля Коерколуна, Коеля, имперский военачальник, пытается овладеть императорским титулом. Эта попытка «возвращения бриттов в Рим» заканчивается трагически и для самого Максимиана (он гибнет) и для бриттов. Во-первых, в Британии не остается воинов, так как претендент уводит их в Галлию и Италию. Во-вторых, в связи с предыдущим, на остров начинаются набеги пиктов и германцев. В-третьих, не в силах противостоять этим набегам, остров покидают римляне²¹. Таким образом, по Гальфриду, «возвращение» бриттов в Рим приводит к уходу римлян из Британии.

После этих событий беззащитные бритты обращаются за помощью к королю Арморики (Бретани) Альдроену. По версии Гальфрида, Арморика была заселена бриттами под командованием Конана из Корнуэлла, военачальника Максимиана; то есть, за неимением римлян, одна ветвь бриттов (младшая, континентальная) помогает другой (старшей, островной). Брат Альдроена, Константин, изгоняет германцев и правит в Британии 10 лет²². Именно сыновья Константина — Аврелий Амброзий и Утерпендрагон — последовательно выслушивают пророчества Мерлина о грядущем Артуре. Фигура Артура в пророчествах Мерлина — крепчайший римско-бриттский сплав. Вортегирну Мерлин говорит: «Вострепещет род Ромулов пред его свирепостью и будущее римской державы станет сомнительным»²³. Утеру

Мерлин прорицает, что сын его будет «наделен величайшим могуществом»²⁴.

Как и Брут, Артур был внебрачным сыном. Его мать — Ингерна, жена короля Горлоя — происходила из Корнубии; Утер — из колонизованной бриттами Арморики. «Соединению» Ингерны и Утера способствовал Мерлин, некогда живший в стране гевиссеев (гевиссеем был и дальний предок Утера — Конан)²⁵. Таким образом, в Артуре соединилась кровь потомков Брута (гевиссеев), т.е. просто бриттов, корнубийцев-бриттов, потомков соратника Брута Коринея и армориканцев (континентальных бриттов). В нем символически объединился весь бриттский мир. Подобная позиция явно легализуется и уже упоминавшейся 37 триадой — рассказом о том, как Артур приказал выкопать голову Врана. Артур изгоняет с острова саксов и ирландцев, покоряет скоттов и пиктов. После этого он женится на Геневере, происходившей из знатного римского рода и воспитанной при дворе Кадора (короля Корнубии)²⁶. Так в семье Артура Корнубия и Рим воплощаются еще один раз. А побеждать врагов Артуру помогает его племянник Хоел, король Арморики²⁷. Бриттский мир снова объединяется. Брут воплотился в Артура.

В своих действиях Артур почти зеркально повторяет действия Максимиана: подчинив остров, он (по словам Гальфрида) «возгордился»²⁸ и принялся завоевывать соседние земли; только масштаб артуровых захватов больше: Ирландия, Готланд, Дания, Норвегия и Галлия, которую в свое время завоевал Максимиан. «Воплощение» Брута и Максимиана в Артура делает неизбежным последнее, решающее столкновение бриттов и Рима. Это столкновение закончилось гибелью бриттской державы: уезжая на войну с Римом, Артур оставил

управлять островом своего племянника Модреда и королеву Геневеру²⁹. Римлянка Геневера изменила Артуру-мужу, Модред изменил Артуру-королю. Так Рим (и изменой римлянки, и очередным «оставлением» острова для похода в Италию) в очередной (и последний!) раз сыграл роковую роль в судьбе бриттов. Меч Цезаря поразил Ненния, но похоронен в саркофаге бриттского вождя; римлянка Геневера, погубившая Артура, похоронена, по твердому убеждению другого автора XII в., Геральда Камбрийского, рядом с мужем в аббатстве Гластонбери. Впрочем, в «Истории бриттов» утверждается, что Артур, тяжело раненный в битве у Камлана, был перенесен своей сестрой, волшебницей Морганой, на остров Аваллон³⁰. Там же (в т.н. «Пророчестве Мерлина») говорится, что Артур, исцеляющийся на Аваллоне, непременно придет и изгонит завоевателей³¹. Таким образом, Аваллон занял место Белого Холма, а Артур — место головы Бендигейда Врана; иными словами — центральное место в бриттской политической мифологии.

В «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского на самом деле нет «истории». Несмотря на обилие «событий» там ничего «не происходит»; вернее, происходит одно и то же. Брут делает то же, что Максимиан, Максимиан делает то же, что и Артур. Об этой книге можно сказать словами Карла—Густава Юнга об «Улиссе» Джойса: «Вся книга напоминает червяка, у которого, если его разрезать на части, из головы вырастает хвост, а из хвоста голова»³². В «Истории» господствует циклическое время мифа. Событие, которое могло бы «развернуть» циклическое время в линейное — христианизация Британии — проходит у Гальфрида почти незаметным; оно не накладывает отпечатка на модель поведения главных героев.

Линейное время, собственно, «история» начинается там, где заканчивается «История бриттов» (например, валлийская «Хроника правителей» начинается как раз с года, которым кончается «История бриттов» — с 681 г. — поездкой Кадваладра в Рим и его смертью)³³. Знаменитое «пророчество» Мерлина состоит из нескольких аллегорий, описывающих один и тот же круг событий. В сущности, книга Гальфрида — глубоко нехристианское сочинение; внутренний сюжет ее — борьба Рима и Британии, борьба старшего и младшего братьев, сыновей одного отца (Трои). Это, собственно, завершение троянской эпопеи, эпопеи, созданной Гомером и Вергилием: Троя, за пределами самой себя, совершает самоубийство, причем, не один, а несколько раз (Бренний, Максимиан, Артур). То есть, это не однократное принесение себя в жертву (на чем построено христианство), а повторяющееся событие; парадоксально, но — это повторяющееся принесение себя в жертву есть своего рода форма существования. В связи с этим следует вспомнить, что сочинение Гальфрида Монмутского, особенно «артуровский сюжет», часто рассматривают как аллегорию борьбы бриттов против саксов, или бриттов и саксов против нормандцев. Но это не аллегория (столь часто встречающаяся в писаниях средневековых авторов, например, у того же Геральда Камбрийского). Это миф. Миф, отмечает А.Ф. Лосев, ни схема, ни аллегория³⁴. Именно этим привлек гальфридов Артур читателей и почитателей, как только «История бриттов» вышла в свет. Гальфридов (именно «гальфридов») Артур тогда был фигурой популярной, так как был фигурой «мифической», а миф, по определению того же Лосева, «всегда чрезвычайно практичен, насущен,

всегда эмоционален, аффективен, жизненен. С мифом «живут», вернее, в «мифе живут»³⁵.

А с тем, в чем живешь, обращаешься запросто; так же «запросто», «по-свойски» обращались с гальфридовым Артуром разные авторы по прочтении «Истории бриттов» (например, Вас или Кретьен де Труа). И не только «авторы». Английский король Эдуард I, захватив в 1283 г. Исконный Уэльс, устроил там артуровский турнир и состязание бардов³⁶. Он же, четыремя годами раньше, ввел в обращение монету в полпенни. Валлийская «Хроника правителей», повествуя об этом событии, отмечает: «Сбылось пророчество Мерлина, говорившего “Ценность монеты изменится, половина станет круглою”»³⁷. Наконец, подписывая в 1256 г. договор с партией шотландских баронов Комминов³⁸, разве не имел в виду гвинедский принц Лливелин ап Гриффид следующие слова из пророчества Мерлина: «Кадвалладр призывает Конана и примет в союз Альбанию (т.е. — Шотландию. — К.К.). Тогда произойдет избиение чужеземцев, тогда реки потекут кровью, тогда в Арморике наружу вырвутся родники и будут увенчаны короной Брута. Камбрия преисполнится радости и зазеленеют дубы Корнубии. Остров будет наречен по имени Брута и изникнет название, данное ему чужеземцами»³⁹? Или Овайн Глендур, разве он не ощущал себя новым Артуром, сражающимся с саксами, восстав в самом начале XV в. против англичан и ведя себя так, будто он — «император бриттов» (достаточно вспомнить его договор с французским королем и «парламент» в Маханхлете)⁴⁰? Глендуру повезло, и позже он стал такой же составной частью валлийской политической мифологии, как и Артур. Но это уже другая тема.

«Убить» миф можно только одним способом — превратить его в историю, «похоронить» его там, лишить актуальности, развернуть циклическое время мифа в линейное историческое. Миф о бриттском короле Артуре попытался подорвать младший современник Гальфрида Монмутского — Геральд Камбрийский. Геральд известен, прежде всего, как автор «Путешествия по Уэльсу» (1191 г.) и «Описания Уэльса» (ок. 1193 г.) — своеобразных обзоров экономической, социальной, культурной и политической жизни региона, его географических особенностей и обычаев местного населения. Геральд весьма скептически относился к труду Гальфрида, хотя усердно использовал в своих текстах, вплоть до скрытого цитирования. Представляется, что скептицизм Геральда-клирика (он был архидьяконом Брекона), одно время — королевского чиновника, относился не столько к подлинности гальфридова сочинения, сколько к его политико-мифологической концепции. Геральд попытался низвести этот миф к «истории», а Артура — ожидаемого валлийцами со дня на день избавителя — прочно замуровать в прошлом. Для этого Геральд Камбрийский совершил неожиданный шаг — дотошно описал эксгумацию останков Артура, произошедшую якобы в аббатстве Гластонбери. Вот этот отрывок из его сочинения “De principis instructione” (1192 г.): «Сейчас все еще вспоминают о знаменитом короле бриттов Артуре, память о котором не угасла, ибо тесно связана с историей прославленного Гластонберийского аббатства, коего король был в свое время надежным покровителем, защитником и щедрым благодетелем... О короле Артуре рассказывают всякие сказки, будто тело его было унесено некими духами в

какую-то фантастическую страну, хотя смерть его не коснулась. Так вот, тело короля, после появления совершенно чудесных знамений было в наши дни обнаружено в Гластонбери меж двух каменных пирамид, с незапамятных времен воздвигнутых на кладбище. Найдено тело было глубоко в земле в выдолбленном стволе дуба. Оно было с почестями перенесено в церковь и благоговейно помещено в мраморный саркофаг. Найден был и оловянный крест, положенный по обычаю надписью вниз под камень. Я видел его и даже потрогал выбитую на нем надпись (когда камень убрали): “Здесь покоится прославленный король Артур вместе с Геневерой, его второй женой, на острове Аваллоне”. Тут на многое следует обратить внимание. Выходит, у него было две жены.

Именно вторая погребена вместе с ним, и это ее останки были найдены одновременно с останками ее мужа. Но в гробнице их тела положены отдельно: две трети гробницы были предназначены для останков короля, а одна треть, у его ног, — для останков жены. Нашли также хорошо сохранившиеся светлые волосы, заплетенные в косу; они, несомненно, принадлежали женщине большой красоты. Один нетерпеливый монах схватил рукой эту косу, и она рассыпалась в прах... И тело оказалось лежащим именно там, зарытое как раз на той глубине, чтобы его не могли отыскать саксы, захватившие остров после смерти Артура, который при жизни сражался с ними столь успешно, что почти всех их уничтожил. И правдивая надпись об этом, вырезанная на кресте, была закрыта камнем тоже для того, чтобы невзначай не открылось раньше срока то, о чем она повествовала, ибо открыться это должно было лишь в подходящий

момент. Гластонбери, как ее называют теперь, звалась в прошлом островом Аваллоном; это действительно почти остров, со всех сторон окруженный болотами. Бритты называли его Инис Аваллон, что значит «Остров Яблок». Место это и вправду в старые времена было изобильно яблоками, а яблоко на языке бриттов — «аваль». Благородная Моргана, владычица и покровительница этих мест и близкая родственница Артура, после битвы при Кемелене переправила его на остров, что сейчас зовется Гластонбери, дабы он залечил там свои раны. Место именовалось в прошлом также на языке бриттов Инис Гутрин, что значит «Стеклянный Остров», и из этого названия саксы, когда они тут обосновались, и составили «Гластонбери», и на их языке «глас» значит «стекло», а «бери» — «крепость», «город». Да будет известно, что кости Артура, когда их обнаружили, были столь велики, будто сбывались слова поэта: «И богатырским костям подивится в могиле разрытой»⁴¹. Берцовая кость, поставленная на землю рядом с самым высоким из монахов (аббат показал мне его), оказалась на три пальца больше всей его ноги. Череп был столь велик, что между глазницами легко помещалась ладонь. На черепе были заметны следы десяти или даже большего числа ранений. Все они зарубцевались, за исключением одной раны, большей, чем все остальные, оставившей глубокую открытую трещину. Вероятно, эта рана и была смертельной»⁴².

В чем секрет цитированного отрывка? В нем есть все то же, что и у Гальфрида: Артур, Аваллон, Моргана, Геневера, битвы с саксами. Но это только на первый взгляд. Артур — не герой пророчеств Мерлина, а просто некогда «знаменитый король бриттов» испо-

линского роста, остров Аваллон вовсе не мистическое обиталище, а просто окруженное болотом гластонберийское аббатство. Артур безвозвратно, окончательно мертв и это доказывают раны в его черепе.

Итак, эксгумировав «исторического» Артура Геральд Камбрийский похоронил Артура «мифического»: настоящий мессия эксгумации не подлежит. Перестав быть «спасителем бриттов», Артур превратился в идеального рыцаря-космополита Средневековья. Это мы видим и в поздних «мабиноги», и в романах «артуровского цикла» (например в «Смерти Артура» Мэлори). Тем самым бриттская политическая мифология должна была лишиться центральной фигуры. Эксгумацию останков Артура в его сочинении можно с полным правом назвать «Четвертым злосчастным выкапыванием Острова Британия».

Подведем некоторые итоги. Эксгумация головы Бендигейда Врана и эксгумация тела Артура имели одно общее последствие: потерю магического статуса. Но смысл их был разным: в первом случае магическая функция была передана выкапывателю (Артуру), во втором — она исчезла бесследно (должна была исчезнуть), как только останки увидели свет (если быть совсем точным — как только эта эксгумация будет описана в тексте). Видимо, мы здесь сталкиваемся с двумя разными подходами к эксгумации: с традиционным бриттским и с характерным для универалистской культуры средневекового латинского Запада. Впрочем, и в том, и в другом случае, выкапывая мертвое тело, его символически делают «мертвым».

Вышеизложенный сюжет имеет два направления для дальнейших размышлений. Во-первых, он вскрывает некоторые особенности мировоззрения бриттов,

в т.ч. их представления о Жизни и Смерти, Том Свете и Этом Свете. Во-вторых, этот сюжет дает толчок к дальнейшей рефлексии над местом мертвого тела в европейской средневековой цивилизации (если мы рискуем некритически использовать данное понятие). Тогда было бы любопытно сравнить рассмотренные нами случаи эксгумации с эксгумацией и повешением останков Кромвеля, или с эксгумациями царских захоронений и святых мощей в ранний период советской истории. Может быть, станет ясно, что подобная практика была не столько мезью угнетенных, сколько символическими актами, уничтожающими магическую силу мертвых тел.

Примечания

- ¹ *Davies W.* Wales in the Early Middle Ages. Leicester, 1996. P. 211—212.
- ² *Phillips D.R.* Lady Charlotte Guest and the Mabinogion. London, 1921. Ch. I.
- ³ *The Mabinogion / Transl. and ed. by J. Gantz.* Harmondsworth, 1976. P. 26, 31, 32.
- ⁴ *Charles-Edwards T.* Second Thoughts on the Historical Context of the Four Branches of the Mabinogi. Unpublished.
- ⁵ Все цитаты приводятся в переводе В.В. Эрлихмана: Мабинонион. Волшебные легенды Уэльса / Пер., вс. ст. и прим. В.В. Эрлихмана. М., 1995. С. 30.
- ⁶ Там же. С. 31.
- ⁷ Там же. С. 187.
- ⁸ Там же. С. 191.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Русский перевод: *Ненний.* История бриттов / Пер. А.С. Бобовича // *Гальфрид Монмутский.* История бриттов. Жизнь Мерлина / Изд. подгот. А.С. Бобович, А.Д. Михайлов, С.А. Ошеров. Отв. ред. А.Д. Михайлов. М., 1984. С. 187.
- ¹¹ «История бриттов» датируется 1138 г.; междоусобная война в Поуисе, описанная в «Видении Ронабви», подлежит датировке по

данным валлийской «Хроники правителей». Подробнее см.: Brut Y Tywysogyon or The Chronicle of the Princes. Peniarth MS. 20 Version / Transl. with introd. and notes T. Jones. Cardiff, 1952. P. 60.

- ¹² Гальфрид Монмутский. Указ. соч. С. 6.
- ¹³ Там же. С. 12.
- ¹⁴ Там же. С. 13.
- ¹⁵ Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида / Пер. С. Шервинского, С. Ошерова и др. М., 1979. С. 181—182.
- ¹⁶ Гальфрид Монмутский. Указ. соч. С. 33.
- ¹⁷ Там же. С. 37—40.
- ¹⁸ Там же. С. 7.
- ¹⁹ Там же. С. 46.
- ²⁰ Там же. С. 52.
- ²¹ Там же. С. 54—61.
- ²² Там же. С. 62—63.
- ²³ Там же. С. 75.
- ²⁴ Там же. С. 90.
- ²⁵ Там же. С. 92—94.
- ²⁶ Там же. С. 101.
- ²⁷ Там же. С. 98.
- ²⁸ Там же. С. 102.
- ²⁹ Там же. С. 110.
- ³⁰ Там же. С. 124.
- ³¹ Там же. С. 74—81, 158.
- ³² Юнг К.Г. Феномен духа в искусстве и науке. М., 1992. С. 157.
- ³³ Гальфрид Монмутский. Указ. соч. С. 137; Brut Y Tywysogyon... P. 1.
- ³⁴ Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С. 422.
- ³⁵ Там же. С. 401.
- ³⁶ Rowlands I. The Edwardian Conquest and its Military Consolidation // Edward I and Wales / Ed. by T. Herbert and G.E. Jones. Cardiff, 1988. P. 48.
- ³⁷ Brut Y Tywysogyon... P. 119.
- ³⁸ Edward I and Wales... P. XXIX.
- ³⁹ Гальфрид Монмутский. Указ. соч. С. 77.
- ⁴⁰ См., подробнее: Davies R.R. The Revolt of Owain Glyn Dwr. Oxford, 1997.
- ⁴¹ Вергилий. Георгики. С. 88.
- ⁴² Цит. по: Gerald of Wales. The Journey Through Wales. The Description of Wales / Transl. and ed. by L. Thorpe. Harmondsworth, 1978. P. 281—284.

«Политический» XI век в Уэльсе (1039–1100)

§ 1. К постановке проблемы

Особенности социального строя валлийцев и политической организации валлийского общества — вкупе с географическим расположением региона — во многом предопределили крайне запутанную историю Уэльса в XI веке; историю, отличающуюся множеством субъектов и факторов. Невозможно говорить о некоей «общей истории» Уэльса в этот период: исследователь рискует погрязнуть в хаотическое нагромождение событий, которые сложно выстроить концептуально, или он может просто-напросто запутаться в десятках, если не сотнях, сюжетных линий, лишь опосредованно связанных между собой. То же самое, кстати говоря, характерно для истории других островных кельтских регионов указанного периода — Ирландии и отчасти Шотландии¹. Даже до прихода в Британию нормандцев политическая история Уэльса представляла собой лишь сумму династических историй Гвинеда, Дехейбарфа, Поуиса, Морганнуга и других, более мелких, исторических областей, причем эти династии пребывали то в спорадических конфликтах, то в не менее спорадических союзах, которые, впрочем, не закреплялись институционально. После 1066 года — и особенно после 1093-го — прибавляет-

ся еще два важнейших сюжета — история становления и развития валлийской Марки и история политики английской короны в Уэльсе². Ткань ежедневной валлийской политики второй половины XI в. состояла из нитей, имевших различное происхождение: сюда вплетались внутри- и междинастические конфликты, отношения лордов Марки с их валлийскими вассалами, с соседними валлийскими династиями, с короной. И, конечно же, важную роль играли силовые линии, связывавшие английскую корону с лордами Марки, валлийскими правителями, не говоря уже о чисто внутрианглийских политических проблемах, у которых иногда присутствовал и валлийский аспект. Следовательно, говорить о некоей «политической истории Уэльса» в данный период можно только условно, лишь опираясь на определенные формальные принципы, которые позволяют задавать вопросы, способные вычленить актуальную политическую проблематику.

Выделим три важнейших политических поля Уэльса второй половины XI—XII вв. Во-первых, это т.н. «Исконный Уэльс» (*Pura Wallia*) — территория, остававшаяся под контролем местных правителей до полного завоевания Эдуардом I в конце XIII в. Во-вторых, т.н. «Марка» (*Marchia Wallie*) — приграничные (и не только приграничные) валлийские земли, захваченные и колонизованные нормандскими баронами. Лорды Марки обладали значительной автономией от королевской власти и чаще всего вели себя в своих валлийских владениях весьма самостоятельно. В-третьих, — политика английских королей в отношении Исконного Уэльса и Марки (не говоря уже о том, что позже у короны появились собствен-

ные владения в Уэльсе). Каждое из этих политических полей следует рассматривать по-разному — исходя из их особенностей. Так, например, история Исконного Уэльса представляется чередой периодов доминирования той или иной местной династии, тех или иных правителей исторических валлийских областей. В случае валлийской Марки следует говорить о периодах достаточно большой длительности, при изучении которых должны применяться иные подходы (иначе вся история Марки превратится в нескончаемое генеалогически-авантюрное повествование о судьбах пограничной аристократии). А вот политика английской короны в Уэльсе, при всем ее случайном, прагматическом характере в конце XI в., позже приобретает черты некоего «политического проекта», в котором достаточно ясно просматриваются разные тенденции, актуализировавшиеся в силу различных обстоятельств как в самом регионе, так и в Англии, на Британских островах вообще и даже на континенте. К началу XII в. эти три поля, взаимодействуя и частично перекрывая друг друга, глубоко преобразуют Уэльс, превращая его из «географического региона», в котором живет этнически однородное население, в «политический регион», имеющий мощные внутренние силовые линии, тесно (и по-иному, нежели прежде) связанный с внешним миром. Парадоксально, но для того, чтобы Уэльс стал таким регионом, потребовались частичные завоевание и колонизация, разделившие его на две части и заселившие некоторые его районы пришлым населением. Уэльс смог претендовать на то, чтобы стать субъектом политики лишь после того, как под угрозой была поставлена его независимость.

§ 2. Уэльс накануне прихода нормандцев в Британию. Гриффид ап Лливелин.

Все вышесказанное имеет отношение к периоду после 1066 г. Однако уже перед нормандским завоеванием Англии в одной из исторических областей Уэльса действовал местный властитель, в правление которого проявился целый ряд принципиальных проблем, либо уже определявших политическое развитие региона, либо таких, которые станут определяющими после прихода нормандцев. Гриффид ап Лливелин был, пожалуй, следующей важнейшей фигурой валлийской истории после легендарного Хауэла Доброго, правившего в первой половине X в. Гриффид ап Лливелин — сын Лливелина ап Сейсилла, который, уничтожив законного претендента Аеддана ап Блегиурида и четырех его сыновей, в 1018 г. стал править в Гвинед³. В результате тех событий гвинедская «законная династия»⁴ потеряла власть и смогла вернуть ее лишь почти шестьдесят лет спустя — усилиями Гриффид-а ап Кинана. Лливелин ап Сейсилл умер в 1023 г.⁵, т.е. на следующий год после того, как он у Абергвили разбил ирландское войско под предводительством Райна — очередного претендента на власть в Гвинед⁶. После периода смуты власть на некоторое время захватил один из «законных претендентов» — Яго аб Идваль, однако в 1039 г. он тоже был убит и контроль над Гвинедом перешел к Гриффиду ап Лливелину⁷. Этот правитель почти на четверть века стал доминирующей фигурой в Уэльсе.

Политика Гриффида ап Лливелина имела три основные направления. Во-первых, он стремился укрепить свои позиции в Гвинедде и установить господство над всем Уэльсом. Ему удалось подчинить себе Дехейбарф: с 1039 по 1044 г. он дважды одерживал победы над дехейбарфским правителем Хауэлом аб Эдвином (и, в конце концов, последний погиб в бою)⁸, а затем между 1045 и 1055 г. он смог вновь установить контроль над этой областью, одержав верх уже над другим представителем местной династии — Гриффидом ап Рхиддерхом⁹. «Хроника правителей» содержит также запись о разорении Гриффидом ап Лливелином областей Давед и Истрад Тауи в отместку за нападение на его отряд¹⁰. Гриффид ап Лливелин столь же беспощадно расправлялся и с возможными соперниками внутри гвинедской династии. В первой половине XII в. в сочинении Уолтера Мэпа “*De pugnis curialum*”¹¹ рассказывается несколько историй о том, как Гриффид вероломно убивал или калечил своих родственников. Современные исследователи сомневаются в точности и правдивости всех сведений, которые можно найти у Уолтера Мэпа¹², однако сам факт того, что жестокость Гриффида ап Лливелина осталась в исторической памяти валлийцев (а эта память была переполнена примерами кровавой борьбы за власть) и о ней рассказывается в книге, написанной через столетия, говорит о многом. Кстати, в “*De pugnis curialum*” приводится апология и самого гвинедского правителя: «Я не убиваю, а только затупляю рога валлийцев, чтобы они не могли причинить вреда своей матери»¹³. Так или иначе, но власть Гриффида ап Лливелина до самой его смерти не ставилась под сомнение внутри его собственной династии, что же до остального Уэльса, то

он смог установить контроль над бóльшей его частью. В последующие сто пятьдесят лет это не удавалось ни одному валлийскому правителю.

Второй серьезной проблемой для Гриффида ап Лливелина был «ирландский фактор», как мы увидим, во многом определивший ключевые повороты его политической и военной карьеры. «Ирландский фактор» оказывал важнейшее влияние на развитие Уэльса в предыдущие века, прежде всего, его северо-западной части. Еще до начала набегов викингов существовали тесные культурные, политические и экономические связи между Уэльсом и Ирландией. Данные топонимики на юго-западе Уэльса свидетельствуют о сильном ирландском влиянии¹⁴. Связи эти стали еще теснее после того, как в Ирландии возникли поселения викингов. И ирландцы, и ирландские викинги часто опустошали прибрежные валлийские территории, в некоторых случаях проникая далеко вглубь Уэльса. Британская исследовательница Венди Дэвис считает, что можно говорить о сильнейшем влиянии викингов на севере Уэльса¹⁵. Валлийские правители часто нанимали отряды ирландцев и ирландских викингов, а политические изгнанники из Уэльса нередко находили убежище и поддержку на соседнем острове. Центром ирландского влияния на Уэльс (прежде всего, северо-западный Уэльс) был Дублин; интересно, что в середине XI в. ирландский правитель Диармид Мак Маел на Мо, захвативший Дублин, заявлял, что под его властью находятся не только ирландцы и нормандцы, но и «бритты» (т.е. валлийцы)¹⁶. «Ирландский фактор» в полной мере проявился уже на третий год правления Гриффида ап Лливелина. Согласно «Хронике принцев» в 1042 г. «язычники из Дублина» взяли в плен некое-

го Гриффида; скорее всего, это был именно Гриффид ап Лливелин¹⁷. В 1044 г. изгнанный Гриффидом из Дехейбарфа Хауэл аб Эдвин пришел в Уэльс с наемным войском из Ирландии, но, как уже говорилось выше, потерпел поражение и был убит. Пять лет спустя ирландцы из врагов превращаются в союзников Гриффида ап Лливелина. Вместе с ними он опустошает Гвент и даже граничащие с Уэльсом английские территории¹⁸. Ирландские наемники участвовали в походах Гриффида ап Лливелина против англичан в 1055 и 1058 гг.¹⁹ В конце концов, одной из версий смерти этого гвинедского правителя является предположение, что после падения своего господства в Уэльсе он бежал именно в Дублин, где пытался найти поддержку у Диармида Мак Маел на Мо, но был убит там Кинаном аб Яго, претендентом на власть в Гвинедде от «законной династии» (сыном того самого Яго аб Идваля, свергнутого отцом Гриффида — Лливелином ап Сейсиллом²⁰). Таким образом, «ирландский фактор» сыграл важнейшую роль как в возвышении Гриффида ап Лливелина, так и в его падении: его правление представляет собой ярчайший пример того, насколько тесно был связан в середине XI в. Уэльс (особенно — северо-западный Уэльс) с Ирландией. Гриффид ап Лливелин действовал не только в валлийском (и, как мы увидим, английском) политическом контексте, но и в ирландском; более того, будет вполне уместным говорить о существовании некоего общего военно-политического контекста (не говоря уже об экономическом и культурном), включающего восточное побережье Ирландии, Уэльс, северо-западные области Англии и запад и даже часть юга Шотландии²¹. Именно в таком контексте фигура Гриффида приобретает свой истинный масштаб.

Третьим направлением политики Гриффида ап Лливелина было английское. Валлийские правители имели долгую историю отношений с англо-саксонскими королями и эрлами, прежде всего, мерсийскими. Построенный во второй половине VIII в. королем Оффой пограничный вал пересекали в противоположных направлениях отряды как англо-саксов, так и валлийцев. Разные валлийские правители время от времени признавали верховную власть английского короля, что, впрочем, не имело никакого фактического значения. Набеги валлийцев заставляли англо-саксонских королей предпринимать усилия по укреплению границы с Уэльсом, передавая приграничные графства и должности в них (в том числе и церковные) наиболее верным людям, сведущим в военном деле. Так, Эдуард Исповедник, желая защитить западные территории от атак валлийцев (прежде всего, от отрядов Гриффида ап Рхиддерха из Дехейбарфа), сделал своего племянника Ральфа эрлом Херефорда²². Ральф попытался использовать против валлийцев военную тактику нормандцев — он строил типичные для нормандцев укрепления²³ и помимо пехоты располагал кавалерийскими отрядами²⁴. Это, однако, не спасло его от сокрушительного поражения от объединенного войска валлийцев и ирландских викингов в 1055 г. В том же году епископом Херефорда был назначен Леофгар, приближенный Гарольда Годвинсона, эрла Уэссекса и будущего короля Англии. Леофгар открыл военные действия против валлийцев, но потерпел поражение и был убит²⁵. Несмотря на эти неудачи, в эпоху Вильгельма Завоевателя попытки укрепить границу с Уэльсом были продолжены (на совершенно ином уровне) и привели, в конце концов, к созданию

Марки. «Ни один из этих уроков не прошел даром для нормандских баронов; они были наследниками успехов Гарольда», — пишет известный британский историк Рис Дэвис в своей, ставшей уже классической, работе «Эпоха завоевания. Уэльс в 1063—1415 гг.»²⁶

Столь важный для истории региона процесс был во многом активизирован именно политикой Гриффида ап Лливелина. Хронологически его правление располагается между двумя столкновениями с войсками мерсийских эрлов. В 1039 г. Гриффид ап Лливелин разбил отряд эрла Леофрика у Рхид-и-грок. Зимой 1064 г. (или, по другой версии, — 1063-го) Гарольд Годвинсон внезапно вторгся в Северный Уэльс и захватил резиденцию Гриффида — Рхидлан; гвинедскому принцу удалось бежать, однако через полгода (или позже) он был убит²⁷. Конечно, взаимоотношения Гриффида ап Лливелина с восточными соседями не исчерпывались конфликтами. В 1046 г. он вместе с эрлом Глостера и Херефорда Свейном Годвинсоном совершил поход в Южный Уэльс против Гриффида ап Рхиддерха²⁸. Три года спустя Гриффид ап Лливелин вместе с наемниками из Ирландии опустошил приграничные с Южным Уэльсом английские территории. Однако наибольшие триумфы гвинедского правителя связаны с именем эрла Мерсии Элфгаром. Будучи изгнан, этот эрл в 1055 г. попытался вернуть свои владения, для чего взял в союзники не только Гриффида ап Лливелина, но и ирландских викингов. Союзники одержали победу над английским войском, и Гарольд Годвинсон был вынужден согласиться на восстановление статуса Элфгара²⁹. Через три года повторилась та же ситуация — Элфгар был в очередной раз изгнан и снова, в союзе с ирландскими викингами

и Гриффидом ап Лливелином, вернул себе власть³⁰. Военный союз был скреплен брачным узам между представителями двух династий: Гриффид женился на дочери эрла. В конце концов, даже падение Гриффиды ап Лливелина самым прямым образом связано с его мерсийским союзником — роковое для Гриффиды наступление Гарольда Годвинсона на Гвинед началось, судя по всему, лишь после смерти Элфгара³¹.

Поражение и смерть Гриффиды ап Лливелина обозначили конец важного периода как в истории Уэльса, так и в истории соседних областей Англии, и Ирландии. В «Хронике правителей» Гриффид назван «непобежденным» «главой и щитом и защитником бриттов»³². Голова гвинедского правителя и нос его корабля были отосланы в Лондон, Гарольд Годвинсон закрепил победу женитьбой на вдове поверженного врага (и дочери другого своего противника). Впрочем, чуть более двух лет спустя сам Гарольд погибнет в сражении с теми, кто станет наследником не только его королевства, но и его политики в отношении Уэльса.

Правление Гриффиды ап Лливелина оказалось кануном нормандского завоевания, создавшего совершенно новую ситуацию как в Уэльсе, так и во всей Британии. Действуя в сложной обстановке, окруженный многочисленными могущественными врагами, которые часто были сильнее его, Гриффид смог добиться поразительных успехов, которых после него — до конца XII века — не добивался ни один валлийский правитель. Он превосходно ориентировался в сложном контексте обширного региона, включающего запад Англии, Уэльс, Ирландию и ряд близлежащих островов. Благодаря этому Гриффид ап Лливелин мог использовать все действующие в регионе

силы, в частности, английских эрлов и предводителей ирландских викингов, для установления и поддержания своего господства в Гвинедде и во всем Уэльсе. Более того, Гриффид смог установить контроль над рядом валлийских земель, ранее перешедших англо-саксонским правителям. Рис Дэвис отмечает: «Его успехи были значительны. Английские поселения в плодородных районах, ограниченных с севера рекой Ди и с юга рекой Северн, были опустошены; на северо-востоке, в Рхидлане, бывшем мерсийском городе, Гриффид держал свой двор и собирал дань с бывшего английского манора Бишопстри (Бистр) — недалеко от нынешнего города Молд; на юго-востоке был восстановлен валлийский контроль на границах Гвента и на таких спорных пограничных территориях как Арченфилд. Причем речь идет не только о военных завоеваниях, они (например, на северо-востоке и в районе Озвестри) сопровождались крестьянской колонизацией, которая вернула в эти районы валлийские поселения и валлийский обычай. Гриффид не только навязал Уэльсу единство; он также расширил его границы и поколебал силу английского натиска»³³. Следует, однако, отметить, что несмотря на столь серьезные успехи, Гриффид ап Лливелин не помышлял о создании полностью независимого от восточного соседа государства; так, именно в самый разгар своих успехов он «принес клятву, что будет лояльным и верным вассалом короля Эдуарда»³⁴. Подобная политика будет характерна для всех последующих валлийских принцев, «собирающих» Исконный Уэльс — они добивались лишь «лучшей» позиции, «лучшего» положения в качестве вассала английского короля.

В то же время, факторы, предопределившие падение Гриффида ап Лливелина, во многом предопределили неудачу всех последующих попыток объединения Исконного Уэльса под властью одного местного правителя. Это, прежде всего, — особенности социального и правового устройства валлийского общества (в частности, обычай раздела наследства), традиционная обособленность различных исторических областей Уэльса, незакрепленность статуса правителя, отсутствие даже зачаточного государственного аппарата и многое другое. Через сто пятьдесят лет после Гриффида ап Лливелина, гвинедские правители попытались начать модернизацию валлийского общества, однако их новые установления, призванные укрепить центральную власть, лишили валлийцев главного оружия в борьбе с английской экспансией. Английская корона в течение двухсот лет не могла завоевать Исконный Уэльс, в частности, потому что не была в состоянии надежно контролировать территорию, на которой ситуация постоянно менялась, будучи зависимой от изменений баланса сил множества политических субъектов. Как только этот баланс начинал определяться одним местным центром власти, стало возможным полное завоевание Исконного Уэльса — достаточно было нанести удар по этому правителю. Даже самый могущественный валлийский правитель не мог один на один противостоять английскому королю. Первый раз в истории Уэльса это было наглядно продемонстрировано падением Гриффида ап Лливелина.

§ 3. Уэльс и нормандское завоевание Англии

В «Хронике правителей» есть запись о драматических событиях в Англии в 1066 г. Она начинается с рассказа о неудачной попытке норвежского короля Харальда Хардрады захватить английский престол после смерти Эдуарда Исповедника, а заканчивается поражением Гарольда Годвинсона от «Вильяма Бастарда» и воцарением последнего³⁵. Так, в этой средневековой валлийской хронике впервые упоминаются «нормандцы». Между тем, в самой истории Уэльса выходы из герцогства Нормандского появляются несколькими годами раньше, что связано с их медленно возрастающим интересом к английским делам.

Данный интерес институализирован после 991 г., когда при посредничестве папы было подписано соглашение между Ришаром I, нормандским герцогом, и королем Англии Этельредом. После этого соглашения Нормандия перестала быть базой для грабительских набегов осевших там нормандцев на английское королевство. А в 1002 г. договор закрепили женитьбой Этельреда на дочери Ришара I Эмме³⁶ — так завязался династический сюжет, приведший через 64 года нормандского герцога Вильгельма на английский престол.

В течение нескольких десятилетий после свадьбы Эммы в Англию стали приезжать нормандцы, некоторые остались там навсегда. Одним из них был Осберн, получивший церковные владения в Бошене, а в 1072 г. ставший епископом в Эксетере. Его брат Вильям Фицосберн — после 1066-г. один из создателей валлийской Марки — тоже некоторое время пробыл в Англии (предположительно, в пятидесятые годы), а затем вернулся в Нормандию. Как уже говорилось

выше, на южной границе Уэльса эрлом Херефорда стал Ральф, сын Годфигу (дочери Этельреда и Эммы) и Дрю, графа Вексена. Вместе с Ральфом на приграничных с Уэльсом землях появился его сподвижник Робер, который позже — после 1066 г. — вернется в регион и обоснуется в Северном Уэльсе в Рхидлане³⁷.

Тем не менее, до 1066 г. нормандцы не играли значительной роли даже на валлийской границе (не говоря уже о самом Уэльсе). В последующие несколько лет ситуация изменилась, но не столь значительно, как это можно было бы предполагать. Во второй раз нормандцы (уже под именем «французов» — так их будут теперь называть валлийские хронисты) упоминаются в записи «Хроники правителей» за 1070 г.³⁸ Правитель из династии Дехейбарфа Маредид аб Овайн был убит в стычке с соединенным отрядом «французов» и валлийцев под предводительством еще одного претендента на власть на юге Уэльса Карадога ап Гриффида ап Рхиддерха³⁹.

Таким образом, мы видим, что нормандцы лишь через шесть лет после Гастингса появляются в Уэльсе и начинают вмешиваться в валлийскую политику. Согласно «Хронике принцев», в следующем году нормандцы опустошили Кередигион и Давед, а еще через год вновь совершили рейд в Кередигион⁴⁰. После этого они исчезают из «Хроники» на семь лет: в 1081 г. «Вильям, король Англии, Уэльса и большей части Франции» совершил паломничество в Меневию (Сент—Дэвидс)⁴¹. Шестью годами позже здесь помещен некролог тому же Вильгельму Завоевателю, названному в этот раз «правителем нормандцев, королем саксов, бриттов и скоттов»⁴². Но настоящая катастрофа для валлийцев произошла — если верить

«Хронике правителей» — пять лет спустя, т.е. в 1093 г. «Французы» убили Риса ап Тюдора, захватили Кередигион и Давед, построили там замки и «завладели всей землей бриттов»⁴³. Итак, согласно этим анналам, нормандцы только в 1093 г., через 27 лет после Гастингса, по-настоящему вторглись в Уэльс и закрепились там. И тут возникает две проблемы: в какой степени можно доверять «Хронике правителей» в этом вопросе и, если ее версия верна, то что останавливало завоевателей более четверти века?

Как известно, «Хроника правителей» является валлийским переводом (точнее — тремя переводами, имея в виду, что существует три версии) не дошедшей до нас латинской хроники⁴⁴. Сама эта латинская хроника, как считал Томас Джонс, составлена в одном из валлийских монастырей⁴⁵ в конце XIII в. после смерти принца Уэльского Лливелина ап Гриффиды и окончательного подчинения Исконного Уэльса английской короне. Источниками ее стали анналы, которые, утверждает Джонс, велись в Сент—Дэвидсе, Страта Флориде, Лланбадарне и некоторых других цистерцианских монастырях⁴⁶, преимущественно, на западе и юго-западе региона. Этим объясняется, что в «Хронике правителей» несколько больше упоминаний о событиях в данных частях Уэльса, чем, например, на севере (и особенно на северо-востоке). Учитывая, что впервые после 1066 г. нормандцы активно закреплялись на границе Уэльса и полем их интереса могли стать, в основном, приграничные валлийские земли, то эта их деятельность могла пройти мимо внимания местных анналистов. Большой интерес для авторов «Хроники принцев» представляют совсем иные внешние угрозы (и события в соседней Ирландии):

здесь зафиксирована смерть Диармида Мак Маел на Мо⁴⁷ в 1072 г.,⁴⁸ неоднократные опустошительные нападения викингов из Ирландии, Мэна и Гебридских островов на Сент—Дэвидс и Бангор⁴⁹, участие ирландцев в сражении у Минид Карн в 1081 г.⁵⁰ и Ллехи-край в 1088-м⁵¹. Таким образом, для Уэльса (по версии хрониста) до 1093 г. гораздо более важным были «западные» и «северо-западное» угрозы, нежели «восточная», что подтверждает наше предположение о существовании тогда «большого политического региона», включавшего, в частности, Ирландию и Уэльс (по крайней мере, запад Уэльса).

В любом случае, можно утверждать, что с 1066 по 1093 г. нормандцы все-таки интересовались тем, что происходит в Уэльсе, создавали плацдармы для дальнейшего проникновения туда, колонизировали приграничные валлийские территории и даже совершали спорадические рейды вглубь региона, в такие отдаленные районы, как приморские Давед и Кередигон. Только начиная с 1093 г. эту деятельность можно с полным правом назвать «завоеванием» и «колонизацией». Вильгельму Завоевателю и его наследнику Вильгельму Руфусу необходимо было закрепить в самой Англии, подавить там сопротивление, устранить внешнюю угрозу со стороны других претендентов на английский престол, отрегулировать отношения с шотландскими королями⁵². Наконец, от крупнейших вассалов тоже можно было ждать неповиновения — что и произошло в 1088 году после смерти Вильгельма Завоевателя. Среди всех этих задач раздробленный Уэльс, погруженный в междоусобицу, подверженный нападениям из Ирландии и северных островов, неспособный создать серьезную

угрозу для английской территории, не представлял постоянного интереса ни для короля, ни для крупных нормандских магнатов.

Тем не менее в эти годы происходит одно важное событие, которое свидетельствует о формировании «валлийской политики» Вильгельма Завоевателя. Речь идет об уже упоминавшейся записи в «Хроники правителей» о «паломничестве» английского короля в Сент—Дэвидс. Рис Дэвис предполагает, что истинная цель короля была продемонстрировать валлийцам свою военную мощь и принять присягу у правителя Риса ап Тюдора, который только что установил контроль над Дехайбарфом⁵³. С этим согласен и Дэвид Уокер⁵⁴, ссылаясь на «Книгу Страшного Суда», согласно которой некий Riset ежегодно выплачивает королю 40 фунтов за Южный Уэльс. И Дэвис, и Уокер и еще один валлийский историк Энтони Карр⁵⁵ считают, что речь идет именно о Рисе ап Тюдоре. Так или иначе, в 1081 г. Вильгельм заложил одну из основ политики английской короны в отношении валлийский правителей: от местных принцев требовалось признать верховную власть короля, что было выгодно и той, и другой стороне. Корона поддерживала притязания своих местных клиентов на особый статус в Уэльсе и, таким образом, могла малыми силами сохранять там статус-кво. В этом смысле Вильгельм I заложил один из типов «валлийской политики» английской короны. Именно такой политики придерживался Генрих I в начале XII в., к ней в конце концов пришел в последние годы своего царствования и Генрих II.

Но вернемся к «Книге Страшного Суда». Она дает представление о гораздо большем проникновении нормандцев в Уэльс, нежели это можно судить по

«Хронике Правителей». Подробный анализ «валлийских записей» «Книги Страшного Суда» сделал Джон Горонви Эдвардс в работе «Нормандцы и валлийская Марка»⁵⁶. Вывод историка таков: «„Книга Страшного Суда“ показывает, что уже к 1086 году нормандцы, несомненно, проникли в Уэльс в двух направлениях: на северо-востоке и на юго-востоке. “Книга Страшного Суда“, таким образом, описывает валлийскую Марку на очень ранней стадии ее формирования и, хотя это описание нельзя дополнить хронологией нормандского проникновения, оно в данном случае дает нам ключ к пониманию модели того, что последовало за этим проникновением»⁵⁷. Эдвардс отмечает, что помимо записей, свидетельствующих о прямом переходе некоторых валлийских коммотов и даже кантревов⁵⁸ во владение нормандских лордов, в «Книге Страшного Суда» имеются упоминания о выплате денег короне за владение целыми историческими областями Уэльса. Таких упоминаний два. Первое касается того самого Riset'a, о котором уже шла речь; другое имеет отношение к нормандцу Роберу из Рхидлана. Последний, согласно «Книге Страшного Суда», выплачивал 40 фунтов за «Северный Уэльс» (судя по всему, Гвинед). Эдвардс обращает внимание на то, что характер «владения» Робером «Северным Уэльсом» отличается от характера его же владения валлийскими кантрефами Рхос и Рхивониог, и делает предположение (основанное отчасти на том, что и Робер из Рхидлана и Рис ап Тюдор платят королю одинаковую сумму), что посредством нормандского лорда гвинедский правитель Гриффид ап Киан, который в это время находился у него в плену, платил короне за свое владение⁵⁹. Анализ относящихся к Уэльсу записей в «Книге Страшного Суда» позволя-

ет понять не только степень и характер нормандского проникновения в регион к 1086 г., но и прояснить сам характер власти и источник широких прав т.н. Лордов Марки — но об этом чуть позже. А пока вернемся к последовавшим за битвой при Гастингсе военным и политическим событиям на границе Уэльса.

§ 4. Создание валлийской Марки

В конце 60-х-начале 70-х гг. XI в. Вильгельм Завоеватель назначает на ключевые позиции на валлийской границе своих ближайших сподвижников. Таких позиций, если двигаться с севера на юг, три: графства Чешир, Шропшир и Херефордшир⁶⁰. Как мы помним, их важность была оценена еще англо-саксонскими королями и некоторыми нормандцами, поселившимися в этих местах в середине XI столетия. Вильгельм передает управление Честером фламандцу Гербору, а затем — Гуго из Авранша. Шрусбери был отдан другому сподвижнику короля — Роже Монтгомери. Вильям Фицосберн становится графом Херефорда. Во всех трех случаях создаются новые графства, их владельцы получают от короля широкие права и юридические иммунитеты, включая право основывать города. Вся земля в новых владениях держалась прямо от лорда, а не от короля⁶¹; такой объем прав и свобод стали позже называть «палатинатом»⁶².

Новоиспеченные лорды развили бурную деятельность. Особенно следует отметить уже упомянутого выше Вильяма Фицосберна⁶³ — ближайшего сподвижника короля, опытного администратора и искусного военачальника — который, судя по всему, всего несколько лет пробыл на границе Уэльса (в конце 1071 г.

он уехал во Фландрию, где и погиб в сражении)⁶⁴, но за это время успел сделать так много, что справедливо считается ключевой фигурой в истории создания валлийской Марки. Под его руководством была построена линия замков от Вигмора на севере до Чепстоу на юге. В Вигморе и Клиффорде были основаны бурги, земли между реками Уай и Уск пожалованы монастырям, находившимся в нормандских владениях Фицосберна — Лир и Кормей. Владения в Херефордшире получили Уолтер Ласи (основатель одной из сильнейших в будущем баронских фамилий Марки), Торстин Фицрольф, Ральф де Лимези, Вильям О и другие⁶⁵. Фицосберн создал очень сильную армию, куда принимал даже беглых преступников. Его законы отличались мягкостью (в сравнении с остальной Англией), что привлекало сюда переселенцев⁶⁶. Горожане Херефорда — как старые, так и поселенцы — получили права, по образцу тех, которыми обладали жители нормандского города Бретей, где Вильям Фицосберн был некогда стюардом⁶⁷. Фицосберн пытается обрести поддержку и среди местных вождей, «Книга Страшного Суда» дает нам тому убедительное свидетельство. Там отмечен ряд пожалований некоему «Мариадоту» (Mariadoth), чье явное валлийское имя говорит само за себя⁶⁸. После отъезда Вильяма Фицосберна его политику продолжили вассалы Ральф де Тони (из Клиффорда) и Торстин Фицрольф (из Каерлеона). Однако уже в 1075 г. сын Вильяма Фицосберна — Роже — принял участие в мятеже против короля и после его поражения приграничные владения Фицосбернов были конфискованы короной. Несмотря на то, что Вильям Фицосберн провел всего несколько лет в Херефордшире, быстрые успехи нормандцев в завоевании и колонизации вал-

лийских территорий в конце 80-х-начале 90-х гг. XI в. были бы невозможны без его подготовительной работы. Чтобы оценить масштаб и особенности того, что он сделал, следует помнить, что до 1066 г. статус Херефордшира отличался от статуса Чешира и Шропшира. Эта территория была оплотом Гарольда Годвинсона, владевшего здесь большим количеством земель, и юридически она не входила в состав Мерсии⁶⁹. После Гастингса владения Гарольда были конфискованы короной и поэтому в Херефордшире было много т.н. “terra regis”. В своей военно-организационной деятельности Фицосберн во многом опирался на опыт (пусть и негативный) англо-саксонского эрла Херефорда Ральфа и епископа Леофгара. К тому же здесь еще за десять лет до Гастингса обосновались выходцы с континента — Ришар Фицскроб, Осберн Фицришар и Альфред из Мальборо, которые частично сохранили свои владения и после 1066 г. На первое время сохранил свои позиции на севере Херефордшира и англо-саксонский эрл Эдрик. Эти обстоятельства, судя по всему, во многом определили совершенно особый военно-политический и правовой контекст Херефордшира при Вильяме Фицосберне. Впрочем, британский историк Кристофер Льюис в противовес уже сложившейся историографической традиции⁷⁰ утверждает, что Вильям не имел столь широких прав и свобод, как графы Чешира и Шропшира, да и нет никаких оснований именовать Херефордшир «палатинатом» даже ретроспективно⁷¹.

В Шрусбери Роже Монтгомери, лорд Арундел, кузен Вильгельма Завоевателя и Вильяма Фицосберна, вел похожую политику. Он пытался свести разбросанные старые англо-саксонские поселения в крупные территориальные блоки. Энергичные сподвиж-

ники Роджера Монтгомери — Уорин Лысый (шериф Шропшира и муж племянницы графа), Рейноль Байлель, Пико де Сэй, Корбе и др. — получили большие пожалования. Чтобы обезопасить поселения на равнине от Чирбери до восточной части т.н. «вала Оффы» были построены замки Ко, Лувр и другие⁷². Эта система обороны была завершена строительством замка Монтгомери, который позволял обеспечить контроль над бывшими мерсийскими владениями на запад от вала Оффы — вплоть до Кери и Кедевайна на юге, Арвистли на западе, Эдейрниона и Нанхайдви на севере, и даже вторгаться дальше, как это было в 1073—1074 гг., в Кередигон и Давед. К моменту смерти Роже Монтгомери (1094) Шропшир был достаточно укреплен и представлял собой идеальную базу для дальнейшей экспансии на запад⁷³.

На севере ситуация складывалась для нормандцев еще более удачно, тем более что часть долины реки Ди уже была частично колонизована еще во времена Мерсии и здесь установилось административное устройство по англо-саксонскому образцу. Гуто из Авранша, граф Честера в течение более тридцати лет, и его кузен Робер из Рхидлана освоили достаточно большой район от Басингверка на севере до Бангора Ис-Коед на юге (районы эти попали под юрисдикцию графства Чешир как сотни Атискросс и Экзестэн). Данная территория оставалась под жестким нормандским контролем до сороковых годов XII в.⁷⁴ Базой нормандского продвижения стал замок в Рхидлане, построенный в 1073 г. на месте прежнего валлийского двора (llys) и саксонского «бурха». Этот замок выдержал нападение валлийцев в 1075 г., а в 1086-м здесь был основан и город, в котором располагался монет-

ный двор. В Рхидлане ввели «законы Бретей», город находился в совместном владении Гуго и Робера⁷⁵. На запад от реки Клуид характер господства нормандцев был иным. Опираясь на Рхидлан, Робер в 1078 г. основал пост в Деганнви, взял в плен местного предводителя и установил свой личный контроль над кантревами Рхос и Рхивониог⁷⁶. В «Книге Страшного Суда» записано, что Робер держит эти земли прямо от короля⁷⁷. О том, что он платил 40 фунтов короне за весь «Северный Уэльс» уже говорилось выше. О размахе нормандского проникновения в северо-западный Уэльс можно также судить и по тому факту, что в 1092 г. епископом Бангора был назначен нормандец, а основанное Гуго аббатство Св. Вербурги в Честере получило пожалования на острове Англси⁷⁸. Робер из Рхидлана был убит либо в 1093 г., либо — по некоторым новым данным — в 1088 г.⁷⁹

Таким образом, к 1093 г., в котором ситуация в Уэльсе резко и драматически изменилась, на валлийской границе были созданы мощные плацдармы для нормандского проникновения в глубь региона и начала масштабной колонизации захваченной территории. Проникновение и колонизация, собственно говоря, уже начались, однако их размах был пока достаточно скромным⁸⁰. Ситуация изменилась только после смерти Вильгельма Завоевателя в 1087 г. и подавления баронского мятежа в 1088-м, а также в результате изменения баланса сил в самом Уэльсе. Но, прежде чем мы перейдем к событиям 1093 г., попробуем прояснить вопрос происхождения и характера власти, которую нормандские бароны получили на валлийской границе и которая легли в основу т.н. «Обычая Марки». Также следует ответить на вопрос: насколько действия

завоевателей на границе Уэльса были типологически схожи с их колонизационной политикой в Нормандии, Сицилии, Англии и Шотландии?

Проблеме возникновения «Обычая Марки», прежде всего, происхождения широчайших прав и свобод местных графов и баронов посвящено немало работ. Насколько известно, первым поднял эту тему в 1600 г. антикварий Джордж Оуэн в «Трактате о владениях Марки». Как отмечает Джон Горонви Эдвардс, именно со времен Оуэна стало господствующим мнение, что местные лорды получили вольности от короля, который хотел оградить Маркой свои английские владения⁸¹. Эдвардс называет это мнение не более чем «логической конструкцией»⁸² и противопоставляет ему свое объяснение. Во-первых, он считает, что Вильгельм Завоеватель не давал своим вассалам «карт-бланш» на действия на валлийской границе и поэтому не предоставлял им никаких особых прав на приграничных землях. Но, проникая на территорию Уэльса, нормандские вассалы короны перенимали всю систему власти местных правителей, земли которых оказывались в их руках. Единицей проникновения нормандцев в Уэльс, по мнению Эдвардса, был «коммот» — не только как некая территориальная единица, но и как соответствующая ей определенная совокупность правовых норм и отношений. Таким образом, нормандцы «унаследовали» прерогативы валлийских принцев — именно в этом источник необычайно широких прав и свобод лордов валлийской Марки, ибо особенность этих прав и свобод заключается в том, что они носят «королевский характер», считает Эдвардс⁸³. По мнению историка, именно в этом разница между вольностями

нормандских лордов, получивших владения в Англии, и тех, кто обосновался на границе с Уэльсом (или в самом Уэльсе). Точка зрения Эдвардса получила широкое распространение в послевоенной англоязычной историографии, однако ее, на наш взгляд, следует дополнить. Дело в том, что Англия завоевывалась нормандцами как нечто «целое», как «королевство»; с точки зрения Вильгельма Завоевателя, она даже не «завоевывалась», а «возвращалась» ему как законному наследнику Эдуарда Исповедника. Уэльс же именно «завоевывался» — преимущественно, частными усилиями различных нормандских баронов, которые, на свой страх и риск, буквально «вырывали», «выгрызали» куски валлийской территории у местных правителей и удерживали их, прилагая огромные усилия. Конечно, они могли наследовать часть своих огромных вольностей у валлийских принцев, но, судя по всему, они эти вольности расширяли и углубляли с первых же дней своей деятельности в регионе. О том же говорит и крупнейший историк нормандского завоевания Англии Джон Ле Патурель. Ссылаясь на работу Эдвардса, он пишет: «Как и в Англии, нормандские бароны, наследуя своим английским “предшественникам”, вступали во владения правами и обязанностями, связанными с их землями, и, таким образом, они вступили во владение правами и обязанностями тех валлийских королей и правителей, на место которых они пришли. Созданные так “владения Марки” были чисто валлийскими владениями в руках нормандцев и необычные вольности лордов Марки были комбинацией прерогатив валлийских правителей и власти феодальных лордов»⁸⁴. Обратим внимание на последнюю фразу — речь идет именно о «комбинации» сво-

бод бывших местных правителей с новым феодальным характером власти. Это значит, что уже с самого момента формирования Марки здесь начался процесс феодализации властных отношений. В этом — отличие валлийской ситуации не только от того, что происходило в Англии после 1066 г., но и от того, как проходила нормандская колонизация в Шотландии. В последнем случае она проходила мирно и ограничивалась установлением вассальных отношений между шотландской и английской коронами и проникновением континентальной церкви, ее порядков и людей в шотландские земли⁸⁵. Подобный вариант стал возможен потому, что в Шотландии была довольно сильная королевская власть, оттого и отношения английской короны к Шотландии после 1066 г. ограничивались, в основном, отношениями с шотландской короной. С другой стороны, шотландские короли приглашали к себе людей с континента и сами перенимали континентальные установления и обычаи — феодальные структуры, титулы, чеканку монеты и проч.⁸⁶ «Феодализм (в Шотландию — К.К.) пришел вместе с поселением нормандских фамилий частично на землях кельтской церкви, в большей части — в собственных владениях короля Давида в Кумбрии и Лотиане»⁸⁷.

Говоря об особенностях первоначального нормандского проникновения в Уэльс, не следует забывать и о сходстве с подобными и почти параллельными процессами в самой Англии, а позже — и в Ирландии. Во-первых, в Англии процесс захвата владений местных лордов, их, так сказать, «вымывание» из социальной структуры тоже не был молниеносным. Если большинство крупных англо-саксонских магнатов потеряло свои владения почти сразу, то вот на «среднем

уровне» данный процесс растянулся на десятилетия. Ле Патурель считает, что «вымывание», «деградация» английского элемента во владельческой иерархии завершились, судя по всему, только к 30-м гг. XII века. Этот же процесс характерен и для валлийской Марки, только «валлийский элемент» не «вымывался»; власть нормандских баронов чаще всего «надстраивалась» над существующей политической и социальной структурой, почти ее не трансформируя⁸⁸. К 30-м гг. XII в. в Англии завершилось и первое «перераспределение» крупных владений среди нормандских лордов — на смену одним фамилиям пришли другие; совершенно такой же процесс завершился к тому же времени в валлийской Марке⁸⁹. Данный процесс можно назвать формированием новой аристократии, весьма разнообразной в этническом отношении. Напомню, что в Англию в 1066 г. вторглись не только потомки скандинавов, осевших на севере Франции. В войске Вильгельма Завоевателя были французы, фламандцы, бретонцы и многие другие. Это была аристократия, сформированная герцогами Нормандии в предыдущие десятилетия. Через несколько десятилетий после Гастингса процесс продолжился в Англии и в Уэльсе — на место «старых больших» фамилий, происходивших от близких соратников Вильгельма I, пришли новые, зачастую по прямому приглашению английской короны⁹⁰. С тех пор в валлийской Марке неоднократно менялись основные фамилии (в зависимости от смены поколений, в том числе), однако никогда этот процесс не был таким быстрым и радикальным, как в начале XII в.

Одинаковыми были и методы нормандской колонизации английских и валлийских территорий. Прежде всего, стоит упомянуть о роли замков и церкви в

этом процессе. Возведение замков было «фирменным знаком» нормандской экспансии; где бы нормандцы не появлялись — на континенте или в Британии, тут же начиналась буквально эпидемия повсеместного военного строительства⁹¹. Нормандские замки, даже в своем первоначальном (достаточно примитивном) виде выполняли не только, собственно, военную функцию; они становились ядром владения лорда, которое прирастало близлежащими землями, и вокруг которого постепенно складывалась целая система владений поменьше⁹². Огромную роль в завоевании и колонизации сыграла нормандская церковь. Джон Ле Патурель считает, что «агрессивность... мирского нормандского общества и его лидеров была поддержана и, возможно, даже воодушевлена церковью в Нормандии»⁹³. Нормандские герцоги и их вассалы были энергичными покровителями церкви (особенно новых монастырей) в самой Нормандии: здесь с 1035 по 1066—й почти каждый год основывалось по монастырю⁹⁴. После Гастингса эти монастыри стали основывать обители в Англии, позже — в Шотландии, еще позже — в Уэльсе. В кельтских регионах Британии континентальная монастырская система практически полностью вытеснила традиционную местную; в Уэльсе на первых порах пришедшие священники и монахи активно поддерживали колонизаторов, да и сами получали во владение большое количество земель. Лишь потом, в середине XII века, некоторые представители нового клира стали осознавать специфические региональные интересы и действовать, как они считали, согласно с этими интересами — достаточно вспомнить англо-нормандского епископа Сент—Дэвидса Бернара и, позже, знаменитого Геральда Камбийского⁹⁵.

§ 5. 1093 год и формирование нового «политического региона» в Уэльсе

Но вернемся к «роковому» для валлийцев 1093 г. Активное завоевание Уэльса нормандскими лордами совпало (впрочем, даже стало последствием) важного изменения в самой внутриваллийской политике. Напомню запись «Хроники правителей» от этого года: «Рис ап Тюдор, король Юга, был убит французами, которые населяли Брихейниог, и вместе с ним пало все королевство бриттов»⁹⁶. Рис ап Тюдор был одним из оплотов политической системы, установившейся в Уэльсе после 1081 г. Тогда в сражении у Минид Карн соединенное войско этого правителя и претендента на власть в Гвинеде Гриффида ап Кинана одержало победу над силами сразу нескольких валлийских принцев. Трахаерн ап Карадог,⁹⁷ Карадог ап Гриффид и Мейлир ап Рхиваллон были убиты; фактически, Рис ап Тюдор получил возможность править Дехейбарфом, а Гриффид ап Кинан — шанс вернуть власть в Гвинеде своей династии⁹⁸. Напомню, что в том же 1081 г. Вильгельм Завоеватель, судя по всему, приняв оммаж от Риса ап Тюдора, упрочил позиции последнего на юге Уэльса, что, как уже отмечалось выше, отражено в «Книге Страшного Суда». Этот статус, который, вероятно, давал правителю Дехейбарфа определенный иммунитет от нападений нормандцев, исчез после смерти Вильгельма I. Не исключено, что события 1093 г. стали результатом и некоторого изменения политики английской короны при Вильгельме Руфусе. Так или иначе, система, в основании которой лежали военные и дипломатические события 1081 г., рухнула 12 лет спустя⁹⁹.

После описания убийства Риса ап Тюдора «французами» в «Хроники правителей» следует такая запись: «В течение двух месяцев французы захватили Давед и Кередигион, которые до тех пор не были в их власти, поставили там замки и укрепили их. И потом французы захватили все земли бриттов»¹⁰⁰. Любопытно, что запись о катастрофе, постигшей валлийцев, завершается сообщением о такой же, если не бóльшей, беде, постигшей шотландцев: «И Маелколуим¹⁰¹, сын Доннхадха, король пиктов и скоттов, и Эдуард, его сын, были убиты французами. Королева Маргарита, жена Маелколуима, когда услышала, что муж и сын ее убиты, обратила свои надежды к Господу и молилась, что не хочет более жить в этом мире. И Господь внял ее молитве и на седьмой день она умерла»¹⁰². Таким образом, следуя логике валлийского хрониста, если в 1066 г. нормандцы (французы) захватили Англию, то в 1093-м то же самое случилось с кельтскими регионами Британии — Уэльсом и Шотландией. При том что военное проникновение нормандцев в Уэльс и Шотландию началось за два десятилетия до этих событий, для современников и ближайших потомков важнейшей датой стал именно 1093 г., после которого, например, в Уэльсе, именно нормандские лорды и английская корона становятся основной внешней силой, трансформирующей регион. Хотя влияние ирландцев, датчан и жителей северных островов на первых порах и сохраняется, но постепенно оно сходит на нет¹⁰³, а к последней трети XII в. и сама Ирландия становится целью англо-нормандской экспансии, главным плацдармом которой был Южный Уэльс. Таким образом, распадается уникальный исторический «большой регион», включавший северо-запад и юго-запад Уэльса,

Ирландию, остров Мэн, еще ряд островов на западе и северо-западе Британии, и юго-западную часть Шотландии. Как это ни странно, именно нормандская экспансия окончательно сформировала Уэльс как политический регион — несмотря на то, что единого валлийского государства создать, в конце концов, так и не удалось.

События в Уэльсе, начиная с 1093 г., развивались стремительно. На юго-востоке нормандцы укрепились в Гвенте и последовательно захватили Гвинллог и Гламорган. В районе центральной Марки они укрепились в Брихейниоге и сделали первые шаги в таких высокогорных районах, как Раднор, Буеллт, Мэлиенид и Элваэл. Как уже было сказано, наиболее успешным были действия нормандцев на юго-западе — там они подчинили все западное побережье, построили замки и стали совершать рейды в Кидвели, Гауэр и Истрад Тауи. Наконец, на северо-западе они к 1098 г. захватили большую часть острова Англси и заставили местных правителей искать убежища в Ирландии¹⁰⁴. В этих событиях примечательна не только скорость продвижения завоевателей вглубь Уэльса, но и то, что главные роли в них часто играли вовсе не самые крупные лорды Марки. Так, например, путь нормандцам в центральный и западный Уэльс открыл Бернар из Нёфмарша, не принадлежавший к верхнему слою аристократии Марки. Именно он к 1093 г. укрепился в Брихейниоге, что, в конце концов, вызвало ответные действия Риса ап Тюдора, в ходе которых последний был убит¹⁰⁵.

Сразу за тотальным наступлением нормандцев последовала тотальная же реакция валлийцев — впервые в истории региона; это говорит о том, что к

концу XI в. в Уэльсе изменились сами основы политической жизни. На северо-западе после смерти Роббера из Рхидлана Гриффид ап Кинан к 1100 г. вернул себе власть над Гвинедом. Граница между его владениями и владениями лордов Марки установилась по реке Конви. В 1094—1098 гг. местные династии почти полностью отвоевали Давед и Кередигион, оставив нормандцам несколько опорных пунктов, вроде Пемброка. Даже в Брихейниоге валлийцы стали вытеснять нормандцев¹⁰⁶. Не помогли и вторжения королевской армии в 1095 и 1097 г.¹⁰⁷ Возмущение валлийцев было повсеместным, и это говорит о том, что они, чуть ли не впервые в своей истории, осознали себя одним народом — не только в литературе, но и в политике. Свою роль сыграли, конечно, жестокость, алчность и высокомерие завоевателей. «Хроника правителей» так сообщает о событиях 1098 г. на острове Англси: «И после этого, так как люди Гвинеда не могли терпеть более законы и несправедливости французов, они восстали во второй раз...»¹⁰⁸.

Одновременно с военными неудачами лорды Марки, как уже говорилось выше, получают сильнейший «династический» удар: один за другим сходят с арены «старые фамилии» валлийской границы. В 1098 г. во время рейда на Англси гибнет от рук норвежского короля Магнуса Гуго Монтгомери, граф Шрусбери¹⁰⁹. В 1101 г. умирает Гуго из Авранша, граф Честер¹¹⁰. Наследники Гуго Монтгомери — Робер, граф Шрусбери, и Арнульф, граф Пемброк (кстати, женатый на дочери ирландского вождя Мурьгертаха¹¹¹) — составили заговор против нового английского короля Генриха I и, потерпев поражение, были лишены владений в Уэльсе¹¹². Таким образом, с пресечением присутствия

в Уэльсе Фицосбернов (1075) и Монтгомери (1102), а также длительным несовершеннолетием отпрыска Гуго из Авранша — Ришара (1101—1114)¹¹³ лордам Марки пришлось туго, а их младшие вассалы были не в состоянии продолжить прежнюю политику в тех же масштабах. В начале XII в. интересы нормандцев мало-помалу ограничиваются Южным Уэльсом.

Наконец, стабилизации ситуации в Уэльсе и на его границе способствовала смена королей в самой Англии. В 1100 г. на охоте погибает Вильгельм II, на престол восходит его младший брат Генрих, который уже через год начнет вести иную, нежели предшественник, политику в валлийской Марке и в Уэльсе; корни этой политики следует искать, прежде всего, в царствовании Вильгельма Завоевателя. Таким образом, события рубежа XI—XII вв. — масштабное завоевание валлийских земель нормандцами, сменившееся столь же масштабным возмущением местных жителей, исчезновение «старшего поколения» лордов Марки, начало правления Генриха I — подвели не только хронологическую, но и содержательную черту в политической истории Уэльса. Примерно за 60 лет — с начала правления гвинедского принца Гриффида ап Лливелина до установления контроля над тем же Гвинедом Гриффида ап Кинана (потомка династии, которая была свергнута Гриффидом ап Лливелином) — Уэльс пережил глубочайшую политическую трансформацию. В результате объединительных попыток могущественного гвинедского правителя и последовавшего за ними частичного нормандского завоевания Уэльс стал формироваться в единый политический регион — несмотря на то, что он к началу XII в. оказался поделен на две области: Марку и Исконный Уэльс. Первая представляла собой доволь-

но типичный для западноевропейского Средневековья район приграничной колонизации, где уже в ближайшие десятилетия стал формироваться особый камбро-нормандский мир¹¹⁴, второй в течение ближайших двух столетий будет переживать драму запоздалой феодализации и отчаянных попыток объединения, которые завершатся полным присоединением к английской короне. И, наконец, последнее. Если XI век, по крайней мере, две трети его стали для Уэльса преимущественно «веком политики», то XII век — «веком идеологий». «История бриттов» Гальфрида Монмутского заложила идейные основы как для «валлийского сопротивления», так и для английской «имперской» идеологии. Карьера и сочинения Геральда Камбрийского продемонстрировали, что Уэльс стал уникальным объектом имперского дискурса.

Примечания

- ¹ См. интересные наблюдения Риса Дэвиса в книге: *Davies R.R. The First English Empire. Power and Identities in the British Isles, 1093—1343.* Oxford, 2000. Особенно важна вторая глава “Orbits of Power”, P. 54—88.
- ² Английская корона, конечно, вела «валлийскую политику» и до этого, но только после 1066 г. она приняла качественно иной характер. Подробнее об этом см. следующий очерк.
- ³ *Brut Y Tywysogyon.* P. 12; *Davies R. The Age of Conquest. Wales, 1063—1415.* Oxford, 1991. P. 59.
- ⁴ При всей относительности понятия «законный» в традиционном валлийском контексте.
- ⁵ *Brut.* P. 12.
- ⁶ *Ibidem.*
- ⁷ *Ibid.* P. 13.
- ⁸ *Ibid.* P. 14.
- ⁹ *Ibidem.* См. также: *Walker D. A Note on Gruffydd ap Llywelyn // The Welsh History Review.* 1960. Vol. I. № 1. P. 83—94.

- ¹⁰ Brut. P. 14.
- ¹¹ *Walter Map. De nugis curialium* / Ed. and transl. M.R. James, J.E. Lloyd and E.S. Hartland, new ed. C.N.L. Brooke and R.A.B. Mynors. Oxford, 1983. P. 186—195.
- ¹² См., например: *Walker D. A Note...* P. 84, а также: *Hudson B.T. The Destruction of Gruffudd ap Llywelyn* // *The Welsh History Review*. 1991. Vol. XV. № 3. P. 332.
- ¹³ *Walter Map. De nugis...* P. 190.
- ¹⁴ *Davies W. Wales in the Early Middle Ages*. Leicester, 1996. P. 87—89; *Falileyev A. Languages of Old Wales: A Case for Co-existence* // *Dialectologia et Geolinguistica*. 2003. Vol. XI. P. 18—38.
- ¹⁵ *Davies W. Op. cit.* P. 196.
- ¹⁶ *Ibidem*.
- ¹⁷ Brut. P. 13. В трех других версиях «Хроники правителей» уточняется, что речь идет именно о Гриффиде ап Лливелине — Brut. P. XLIX—LI.
- ¹⁸ *Walker D. A Note...* P. 87.
- ¹⁹ *Ibidem*.
- ²⁰ Эта версия выдвинута Бенджамином Т. Хадсоном, который подкрепляет свои выводы целым рядом источников; он привлекает не только валлийские и ирландские хроники, но и, например, сочинение Адама Бременского: *Hudson B.T. Op. cit.* Об этом же подробнее см.: *James W.J. Fresh Light on the Death of Gruffudd ap Llywelyn* // *Bulletin of the Board of Celtic Studies*. 1982. Vol. XXX. P. 147; *Maund K.L. Cynan ab Iago and the Killing of Gruffudd ap Llywelyn* // *Cambridge Medieval Celtic Studies*. 1985. Vol. X. P. 57—65.
- ²¹ Об этом см.: *Davies R. The First English Empire...* P. 64—67, а также: *Maund K.L. Ireland, Wales and England in the Eleventh Century*. Woodbridge, 1991; *Duffy S. Ostmen, Irish and Welsh in the Eleventh Century* // *Peritia*. 1995. Vol. IX. P. 378—396.
- ²² До Ральфа задача организации обороны границы была возложена на епископа Вустерского Альфреда. В 1052 г. валлийцы разбили отряд Альфреда, однако на следующий год епископу удалось убить Риса ап Рхиддерха из Дехейбарфа, брата Гриффиде ап Рхиддерха. См. об этом: *Walker D. A Note...* P. 88—89.
- ²³ Ранние нормандские замки (то, что в английской историографии именуют “*motte and bailey castle*”) состояли из обнесенного частоколом двора, внутри которого возвышался холм, также укрепленный палисадом и увенчанный деревянной башней.
- ²⁴ *Walker D. Medieval Wales*. Cambridge, 1990. P. 17.

- ²⁵ Ibidem.
- ²⁶ *Davies R.R.* The Age of Conquest ... P. 26.
- ²⁷ *Hudson B.T.* Op. cit. P. 336—340.
- ²⁸ *Walker D.* A Note... P. 86—87.
- ²⁹ Ibid. P. 90—91; Brut. P. 14.
- ³⁰ *Walker D.* A Note... P. 92.
- ³¹ На этом настаивает Бенджамин Хадсон: *Hudson B.T.* Op. cit. P. 338—339.
- ³² Brut. P. 15.
- ³³ *Davies R.* The Age of Conquest ... P. 26.
- ³⁴ *The Anglo-Saxon Chronicle / Revised transl. and ed. by D. Whitelock, D.C. Douglas and S.I. Tucker.* London, 1961. S.A. 1056. P. 132—133.
- ³⁵ Brut. P. 15.
- ³⁶ *Le Patourel J.* The Norman Empire. Oxford, 1976. P. 21.
- ³⁷ Ibid. P. 22—23.
- ³⁸ Brut. P. 16.
- ³⁹ На самом деле это событие произошло в 1072 г. См. пояснения по этому поводу Томаса Джонса: Brut. P. LXIX—LXVIII.
- ⁴⁰ Ibid. P. 16.
- ⁴¹ Ibid. P. 17.
- ⁴² Ibid. P. 18.
- ⁴³ Ibid. P. 19.
- ⁴⁴ Ibid. P. XXXV—XXXIX.
- ⁴⁵ По мнению исследователя, скорее всего, в известной цистерцианской обители Страта Флорида на западе Уэльса: Ibidem.
- ⁴⁶ Ibid. P. XL—XLI.
- ⁴⁷ Как мы помним, активного участника тогдашней валлийской политики.
- ⁴⁸ Ibid. P. 16.
- ⁴⁹ Ibid. P. 16—18.
- ⁵⁰ Ibid. P. 17.
- ⁵¹ Ibid. P. 18.
- ⁵² *Le Patourel J.* Op. cit. P. 28—29.
- ⁵³ *Davies R.* The Age... P. 33. Дэвис не исключает возможности, что еще до смерти Вильгельма в Сент-Дэвидсе был создан монетный двор, где отчеканили пенни, хранящийся сейчас в Британском Музее. Надпись на монете “Devitun” может быть прочитана и как место чеканки — Сент-Дэвидс, считает историк. Дэвис также ссылается на ряд археологических работ, согласно которым, английские монеты чеканились в восьмидесятые годы в только что основанном нормандском замке Кардифф:

Davies R. The Age... P. 29. См. также: *Boon G.C. Two Medieval Coin-Hoards from Cardiff, 1980 // Morgannwg. 1980. Vol. XXIV. P. 92—95.*

⁵⁴ *Walker D. The Normans in Britain. Oxford, 1995. P. 57.*

⁵⁵ *Carr A.D. Medieval Wales. Houndmills, 1995. P. 32.*

⁵⁶ *Edwards J.G. The Normans and the Welsh March // Proceedings of the British Academy. 1956. Vol. XLII. P. 155—177.* «Книге Страшного Суда» посвящены страницы 158—163.

⁵⁷ *Edwards J.G. Op. cit. P. 157—159.*

⁵⁸ «Кантрев» и «коммот» — традиционные валлийские административные единицы. “Cwmwd” выполнял функцию, схожую с английским “hundred”. “Cantref” состоял из нескольких «коммотов». В каждом кантреве правила местная династия, несколько кантревов составляли одно из традиционных валлийских «королевств». Подробнее об этом, напр.: *Davies R. The Age... P. 20—23* (здесь же дана и карта административного деления Уэльса).

⁵⁹ *Ibid. P. 161.*

⁶⁰ В Херефорде это произошло раньше. Шропшир и Чешир до 1069 г. оставались в руках перешедшего на сторону нормандцев мерсийского эрла Эдвина. В 1069 г. Эдвин, находившийся почти два года при дворе Вильгельма Завоевателя, изменил ему и был убит. Только после этого Шропшир и Чешир были отданы нормандским сподвижникам короля: *Lewis C. The Norman Settlement of Herefordshire Under William I // Anglo-Norman Studies. 1984. Vol. VII. P. 196.*

⁶¹ *Davies R. The Age ... P. 28.* Впрочем, Кристофер Льюис утверждает, что это имело отношение только к Шропширу и Чеширу. См.: *Lewis. Op. cit. P. 196.*

⁶² Подробнее об этом: *Barraclough G. The Earldom and County Palatine of Chester // Transactions of Historic Society of Lancashire and Cheshire. 1951. Vol. CIII. P. 25—28; Alexander J.W. New Evidence on the Palatinate of Chester // The English History Review. 1970. Vol. LXXXV. P. 715—729; Idem. The Alleged Palatinates of Norman England // Speculum. 1981. Vol. LVI. P. 17—27.*

⁶³ Подробнее о происхождении Вильяма Фицосберна см.: *Douglas D.C. The Ancestors of William fitz Osbern // The English Historical Review. 1944. Vol. LIX. P. 62—79.* О его карьере перед появлением на валлийской границе: *Walker D. William fitz Osbern and the Norman settlement in Herefordshire // Transactions of the Woolhope Naturalists' Field Club. 1969. Vol. XXXIX. Part. III. P. 402.*

- ⁶⁴ *Le Patourel J.* Op. cit. P. 28. Не следует забывать, что Вильям Фицосберн владел также островом Уайт, укреплял нормандское присутствие на севере Англии в Йорке и вместе с Одо из Байё управлял всей Англией в отсутствие Вильгельма Завоевателя в 1067 г.: *Walker D.* William fitz Osbern... P. 402.
- ⁶⁵ *Le Patourel J.* Op. cit. P. 28—29.
- ⁶⁶ *Nelson L.* The Normans in South Wales, 1070—1171. Austin, 1966. P. 31.
- ⁶⁷ *Walker D.* William fitz Osbern... P. 405. По этому образцу позже получили права и свободы некоторые другие англо-нормандские города в Уэльсе, прежде всего, Рхидлан: *Davies R.* The Age... P. 97. Подробнее о «законах Бретей» см.: *Walker D.* Hereford and the Laws of Breteuil // Transactions of the Woolhope Naturalists' Field Club. 1970. Vol. XL. Part 1. P. 55—65.
- ⁶⁸ *Walker D.* William fitz Osbern... P. 408.
- ⁶⁹ Херефордшир был выделен из Мерсии еще Кнутом в самом начале его правления: *Stenton F.M.* Anglo-Saxon England. Oxford, 1971. P. 416.
- ⁷⁰ См. напр.: *Wightman W.E.* The Palatine Earldom of William fitz Osbern in Glostershire and Worcestershire, 1066—1071 // The English History Review. 1962. Vol. LXXVII. P. 6—12, а также: *Walker D.* William fitz Osbern. В более поздней своей работе «Нормандцы в Британии» Уокер ставит под сомнение аргументы Льюиса: *Walker D.* The Normans... P. 53.
- ⁷¹ *Lewis C.* Op. cit. P. 212—213.
- ⁷² *Meisel J.* Barons of the Welsh Frontier: the Corbet, Pantulf and Fitz Warin Families, 1066—1272. Lincoln and London, 1980. P. 11.
- ⁷³ *Lloyd J.E.* Wales and the Coming of the Normans (1039—1093) // The Transactions of the Honourable Society of Cymrodorion for 1899—1900. Swansea, 1900. P. 138; *Davies R.* The Age... P. 30.
- ⁷⁴ *Davies R.* The Age... P. 30—31.
- ⁷⁵ *Walker D.* The Normans... P. 55.
- ⁷⁶ *Walker D.* The Norman Settlement in Wales // Proceedings of the Battle Conference' 1978. 1979. P. 135; *Maxwell I.S.* The Domesday Geography of Northern England. Cambridge, 1962. P. 383—390.
- ⁷⁷ *Edwards J.G.* Op. cit. P. 158—161.
- ⁷⁸ *Davies R.* The Age... P. 31.
- ⁷⁹ *Walker D.* The Norman Settlement... P. 136.
- ⁸⁰ Даже успехи Робера из Рхидлана на северо-западе Уэльса можно объяснить вакуумом власти, который образовался здесь

в результате ожесточенной борьбы за власть, развернувшейся внутри гвинедской династии после смерти Гриффида ап Лливелина. Подробнее об этом см.: *Carr A.D. Medieval Wales...* P. 33; *Davies R. The Age...* P. 32—34 и ниже в данной статье.

⁸¹ *Edwards J.G. Op. cit. P. 157.*

⁸² *Ibidem.*

⁸³ *Edwards J.G. Op. cit. P. 169—177.*

⁸⁴ *Le Patourel J. P. 64.* На самом деле, точно так же вели себя норманны, в конце X века поселившись на севере Франции. Захватчики-скандинавы смогли войти в уже существующую каролингскую административную систему.

⁸⁵ Особенно при покровительстве королевы Маргариты. См. *Barrow G.W.S. Kingship and Unity. Scotland 1000—1306. Edinburgh, 2003. P. 35.*

⁸⁶ *Barrow G.W.S. Op. cit. P. 36—42.*

⁸⁷ *Le Patourel J. Op. cit. P. 71.*

⁸⁸ *Ibid. P. 42—45.*

⁸⁹ *Davies R. The Age... P. 84—85.*

⁹⁰ *Ibid. P. 83—86.*

⁹¹ *Walker D. The Normans... P. 118—129; Castles in Wales and the Marches / Ed. by J.R. Kenyon and R. Avent. Cardiff, 1987; Davies R. The Age... P. 87—93.*

⁹² *Le Patourel J. Op. cit. P. 304—311.*

⁹³ *Ibid. P. 297.*

⁹⁴ *Ibidem.*

⁹⁵ *A History of the Church of Wales / Ed. by D. Walker. Cardiff, 1990. P. 24—34; Davies R. The Age... P. 172—210; Richter M. Giraldus Cambrensis. The Growth of the Welsh Nation. Aberystwyth, 1976; подробная библиография работ о Геральде Камбрийском см. дальше в этой книге.*

⁹⁶ *Brut. P. 19.*

⁹⁷ Этот представитель одной из династий Поуиса после смерти Гриффида ап Лливелина около шести лет правил Гвинедом. Историографическая традиция, опираясь на написанную в начале XII в. «Историю Гриффида ап Кинана», называла его «узурпатором». Данный подход был пересмотрен в статье Кери Монд: *Maund K.L. Trahaearn ap Caradog: Legitimate Usurper? // The Welsh History Review. 1987. Vol. XIII. № 4. P. 468—476.*

⁹⁸ Гриффид ап Кинан — внук гвинедского правителя Яго аб Идвала, убитого в 1039 г. Он родился в Ирландии (мать его принадлежала к семье местных викингов) и именно ирландцы (и иногда датчане) поддерживали его попытки вернуть власть

на северо-западе Уэльса. Первая такая попытка зафиксирована в 1075 г. После победы в 1081 он, однако, не смог надолго сохранить контроль над Гвинедом; лишь в 1100 г. Гриффид полностью захватил здесь власть и правил до самой своей смерти в 1137 г. Удивительная судьба этого правителя, его необыкновенное физическое и политическое долголетие стали предметом современной ему латинской биографии: *Historia Gruffud vab Kenan* / Ed. by D. Simon Evans. Cardiff, 1977.

⁹⁹ Это имеет прямое отношение только к югу Уэльса. На севере все случилось гораздо раньше и Гриффид ан Кинан попал в зависимость от нормандцев еще раньше — см. выше.

¹⁰⁰ Brut. P. 19.

¹⁰¹ Имеется в виду король Малькольм.

¹⁰² Ibidem.

¹⁰³ До 1165 г. они упоминаются в «Хронике принцев» не более десяти раз.

¹⁰⁴ Brut. P. 19; *Davies R. The Age...* P. 34; *Carr A.D. Medieval Wales...* P. 34—36; *Walker D. The Normans...* P. 58.

¹⁰⁵ *Davies R. The Age...* P. 86—87, 94; *Walker D. The Normans...* P. 58; *Carr A. D. Medieval Wales...* P. 34.

¹⁰⁶ Brut. P. 19—22; *Davies R. The Age...* P. 35; *Walker D. The Normans...* P. 59.

¹⁰⁷ Ibid. P. 19—20.

¹⁰⁸ Ibid. P. 21.

¹⁰⁹ Ibid; *Davies R. The Age...* P. 35.

¹¹⁰ Brut. P. 20.

¹¹¹ Ibid. P. 22—25.

¹¹² Ibid.

¹¹³ *Davies R. The Age...* P. 36.

¹¹⁴ О колонизации Уэльса в широком европейском средневековом контексте см.: *Bartlett R. The Making of Europe. Conquest, Colonization and Cultural Change, 950—1350.* Harmondsworth, 1993. P. 31—51; в британском контексте: *Walker D. The Normans in Britain...* P. 23; *Davies R. The First English Empire...* Обратим внимание читателя на то, что наш текст неслучайно заканчивается примерно тем же годом — 1093-м, с которого начинается эта книга Риса Дэвиса.

Глава II

Идентичность

в средневековом региональном
и общеевропейском контексте:

Геральд Камбрийский

Геральд Камбрийский: идентичность, политика и историография второй половины XIX-XX в.

Геральд Камбрийский (или Геральд из Уэльса¹) (1146—1223) — автор травелогов, житий, трудов по истории, каноническому праву, церковный и государственный деятель. Он родился в смешанной камбро-нормандской аристократической семье в юго-западном Уэльсе, получил превосходное, по тем временам и для тех мест, образование (в частности, дважды по несколько лет учился в Париже), управлял делами валлийской епархии Сент-Дэвидса, служил при королевском дворе, сопровождал наследника английской короны и архиепископа Кентерберийского в их поездках по Уэльсу и Ирландии, ввязался в многолетнюю борьбу, пытаюсь вернуть Сент-Дэвидсу статус метрополии, четыре раза был в Риме, провел долгие годы в библиотеках Херефорда и Линкольна, работая над примерно двумя десятками сочинениями. В Линкольне же, по всей видимости, и умер. Он прожил по тем временам очень долгую жизнь — 77 лет.

Биография и сочинения книги Геральда Камбрийского — находка для исследователя: он был вовлечен в важнейшие события английской, валлийской, ирландской и отчасти французской истории, не говоря уже об истории церковной; щедрость, с которой Геральд описывал их в своих книгах, не может не вызвать благодарности историка. Его книги содержат огромное количество сведений историко-этнографического и

топографического характера; быт и нравы народов он описывал с не меньшим воодушевлением, чем дела королей и церковных иерархов. Наконец, очевидные литературные достоинства делают Геральда небезынтересным автором для современного читателя.

В этом тексте мы сосредоточимся, прежде всего, на «ирландских» и «валлийских» книгах Геральда: «Истории и топографии Ирландии», «Завоевании Ирландии», «Путешествии по Уэльсу» и «Описании Уэльса»². Их можно отнести к первому, «раннему», периоду его писательской биографии; все последующие сочинения, сколь бы важным вопросам они ни были посвящены — от наставления правителей до статуса епископата Сент-Дэвидса — не снискали широкой известности при жизни Геральда, да и сейчас специалисты нечасто обращаются к ним. А вот «ирландские» и «валлийские» книги обсуждают не только историки и филологи; они являются важными аргументами в дискуссиях по поводу валлийской и ирландской «национальной идентичности». Автора нередко упрекали (и упрекают) в создании «черной легенды» о валлийцах и ирландцах³; впрочем, справедливости ради следует отметить, что его же, хотя и не столь часто, оценивают совершенно противоположным образом и хвалят за неслыханную для тех времен толерантность⁴. То же можно сказать и о фактической достоверности этих сочинений: историки признают их важнейшими источниками по истории Ирландии и Уэльса второй половины XII в., что не мешает некоторым из них весьма критически подходить к данным, приводимым Геральдом⁵.

Стойкий интерес к жизни и сочинениям Геральда Камбрийского возник лишь около 150 лет назад.

С 1861 по 1891 г. в “Rolls Series” вышло в свет восемь томов его сочинений, подготовленных Дж. Брюером, Дж. Димоком и Дж. Уорнером⁶, до сих пор остающихся основной публикацией большинства книг Геральда. В середине позапрошлого столетия изданы переводы на английский ряда его работ⁷. Первая относительно полная биография Геральда Камбрийского была написана в начале прошлого века валлийским антикварием и краеведом Генри Оуэном в эпоху так называемого «кельтского возрождения» и носила характерное для того времени название «Геральд Валлиец»⁸. В 20—30-х гг. XX в. проснувшийся был интерес историков к фигуре Геральда почти исчез: можно упомянуть лишь биографические очерки, написанные известным британским историком Ф. Пауиком⁹ и М. Хэйденом¹⁰, а также две любопытные, но узкоспециальные статьи¹¹. Не стоит, однако, забывать, что в эти же десятилетия был подготовлен ряд важных публикаций и переводов, прежде всего, англоязычная компиляция автобиографических отрывков из всех сочинений Геральда, составленная и переведенная Х. Батлером¹².

Восьмисотлетний юбилей Геральда Камбрийского вернул его жизнь и труды в фокус постоянного внимания медиевистов. Прежде всего, отметим обстоятельнейший биографический очерк известного валлийского историка Конвэя Дэвиса «Геральд Камбрейский, 1146—1946», который не потерял своего научного значения отчасти и до сих пор¹³. В первые пять послевоенных лет появляется еще ряд биографических и тематических работ, как на английском, так и на валлийском языке¹⁴; особенно стоит отметить книгу и две статьи Томаса Джонса, сторонника «патриотической валлийской историографии»¹⁵. В 50-е гг.

к фигуре Геральда Камбрийского обращался английский историк церкви Дэвид Ноулз¹⁶. Начинается перевод и интерпретация наследия Геральда (особенно его «ирландских» работ) в Ирландии; во второй половине 40-х-начале 50-х гг. там выходят новое издание и перевод на английский его «Топографии Ирландии»¹⁷.

В последние сорок лет англоязычная историография Геральда Камбрийского пополнилась важными работами. В это время перед историками уже не стояли задачи «вводного» характера; биографическая канва жизни Геральда разработана; появилась возможность более глубокого и специального анализа его текстов и прояснения некоторых «темных» мест его биографии. Первый шаг в этом направлении был сделан немецким медиевистом Михаэлем Рихтером. Его «геральдиана» открывается статьей об одном малоизвестном агиографическом сочинении Геральда Камбрийского — «Житии Святого Дэвида»¹⁸. Основные проблемы, стоявшие тогда перед исследователями жизни и трудов Геральда, были сформулированы Рихтером в статье, написанной к 750—летнему юбилею смерти его героя¹⁹. Однако главной работой немецкого ученого стала написанная им по-английски биография Геральда, первое издание которой вышло в 1972 г., а второе, переработанное, — четыре года спустя²⁰. Уже само ее название «Геральд Камбрийский: развитие валлийской нации» многое говорит о подходах Рихтера к теме. Критикуя восторги «патриотической валлийской историографии» по поводу борьбы Геральда Камбрийского за независимость валлийской церкви, Рихтер все же прочно увязывает эти события с «ростом национального самосознания валлийцев» в середине XII-начале XIII вв. Работа Рихтера положи-

да начало современному этапу изучения биографии и трудов Геральда Камбрийского; хотя не все исследователи согласны с подходами немецкого медиевиста, обойти их вниманием невозможно. Михаэль Рихтер был также главным редактором превосходного перевода одного из поздних трактатов Геральда — “Speculum Duorum”, изданного в 1974 г.²¹ В 1979 г. он опубликовал статью, посвященную вышедшим в то время переводам валлийских и ирландских книг Геральда Камбрийского²². К сожалению, с восьмидесятых годов Рихтер отошел от этих тем и обратился к проблемам средневековой ирландской истории.

Среди работ 1970-х гг. следует также отметить несколько статей валлийского историка Дэвида Уокера²³, две работы, посвященные «ирландскому контексту» сочинений Геральда²⁴, и две важные статьи о биографических и литературных связях Геральда Камбрийского с его земляком и современником Уолтером Мэпом, автором знаменитого в свое время сочинения “De nugis curialium”²⁵. На рубеже 70—80-х гг. «ирландские» и «валлийские» книги Геральда становятся достоянием широкой публики: в серии “Penguin Classics” печатаются переводы Льюиса Торпа «Путешествия по Уэльсу» и «Описания Уэльса», а затем переиздается сделанный за тридцать лет до этого Джоном О’Меарой перевод «Топографии Ирландии»²⁶.

В 1982 г. выходят в свет сразу две биографии Геральда Камбрийского. В серии «Писатели Уэльса» — книга специалиста по средневековой литературе Бринли Ф. Робертса²⁷. Это сочинение можно рекомендовать как превосходное введение в биографию и библиографию Геральда Камбрийского. В оксфордском издательстве “Clarendon Press” печатается, на наш

взгляд, лучшая научная биография Геральда Камбрийского, написанная Робертом Бартлеттом²⁸. Здесь — по сути дела, впервые — и жизнь Геральда, и его сочинения рассматриваются в широком европейском историко-культурном контексте; Бартлетту удалось преодолеть некоторую однобокость как «валлийского патриотического» подхода к этому автору (что, безусловно, обедняло его понимание), так и сугубо «позитивистского». Можно сказать, что новая эпоха в истории «геральдианы» началась именно с данной книги.

После бартлеттовской биографии появляется ряд работ, интерпретирующих некоторые важные проблемы геральдианы. Три статьи валлийского историка Хью Прайса, пожалуй, самые важные из них. Статья «В поисках средневекового общества: Дехайбарф в сочинениях Геральда Камбрийского»²⁹ ставит под некоторое сомнение веру в безупречность трудов Геральда как источников по валлийской истории. Анализируя «Путешествие по Уэльсу» и «Описание Уэльса», Прайс составляет своеобразный перечень того, о чем *не написал* Геральд; выясняется, что картина валлийского общества, представленная в «Путешествии» и «Описании», не только однобока (что подразумевалось и более ранними исследователями), но порой и абсолютно неверна. Остается сожалеть, что Хью Прайс не пошел дальше и не проанализировал, *почему* Геральд нарисовал именно такую картину, что за этим стояло: предубеждение, политический расчет или определенная традиция изображения «варварских народов»³⁰. Здесь же можно было поднять вопрос и об «идентичности» Геральда Камбрийского — как ее видел он сам, и как его оценивали современники и позднейшие исследователи; эта тема начинается имен-

но здесь, с анализа картины валлийского общества, им нарисованной. Путешествию Геральда по Уэльсу в 1188 г. в свите архиепископа Болдуина посвящена вторая (не менее интересная) статья Прайса³¹. Автор сосредотачивается здесь на самой «агитационной поездке»³²: ее причинах, целях, маршруте и результатах. Вывод автора таков — истинная роль Геральда в поездке была далекой от того, как описывал он сам, да и в ее ходе возникали и решались многие проблемы, о которых Геральд по разным причинам не упомянул. Третья статья Прайса анализирует фигуру Геральда Камбрийского в контексте англо-валлийских (точнее, англо-нормандско-валлийских) связей того времени³³. Карьера, которую Геральд пытался реализовать, рассматривается как типическая для такого «пограничного» общества, коим был в те годы Южный Уэльс. Впрочем, следует отметить, что этой темы касался Дэвид Уокер в статье, посвященной способам приспособления к новым порядкам некоторых представителей англо-саксонской и валлийской знати в эпоху нормандского завоевания и последующих ста лет³⁴.

Следует упомянуть также об историке, который не писал специальных работ о Геральде Камбрийском; однако в своих исследованиях он не только часто обращался к этой фигуре, но и предложил несколько весьма важных интерпретаций политической и интеллектуальной истории Уэльса и всей Британии, основываясь на анализе «валлийских» и «ирландских» книг Геральда. Выдающийся валлийский исследователь Рис Дэвис — автор новейшей фундаментальной истории средневекового Уэльса³⁵ и ряда других основополагающих работ, продолжая линию, начатую Робертом Барлеттом, ввел Геральда Камбрийского в этнокультурный

контекст средневековой Британии, которому посвятил последние свои сочинения³⁶. Помимо прочих и весьма важных результатов, эта процедура сняла целый ряд проблем, поставленных «геральдианой» столетней давности. Можно сказать, что сочинения Риса Дэвиса отчасти закрыли вековой период «геральдианы».

Обычно употребляемое, если мы говорим о писателе, словосочетание «жизнь и творчество» во многом определило тематику существующих работ о Геральде Камбрийском. Необычным является сильный крен в сторону «жизни», что совершенно нехарактерно для типического средневекового автора, стремящегося если не к полной анонимности, то уж точно к тому, чтобы остаться в тени. История жизни Геральда, напротив, известна нам достаточно хорошо, даже неожиданно хорошо: и из многочисленных автобиографических пассажей его сочинений и из собственно автобиографических сочинений. Об «эгоизме», самолюбовании, эгоцентризме говорят почти все исследователи³⁷; некоторые из них даже предполагают, что именно благодаря этому Геральд более понятен и близок нынешнему читателю, нежели его современники. Так или иначе, с самого начала геральдианы «жизнь», биография Геральда Камбрийского изучается и анализируется с гораздо бóльшим рвением, нежели «творчество», «труды». Так было до недавнего времени.

Прежде всего, речь идет о борьбе Геральда за инвентитуру Сент-Дэвидса. Этот почти кафкианская история привлекла внимание практически всех, кто писал о Геральде. Подробнее всего она изложена у Конвэя Дэвиса³⁸, а ее церковно-исторический и политический контекст блестяще проанализирован Михаэлем Рихтером³⁹. В последнее время исследователей

стали привлекать и иные периоды биографии Геральда Камбрийского; прежде всего, между 1194 г., когда он ушел с королевской службы, и началом в 1198 г. сент-дэвидской эпопеи. Особенно интересен вопрос о причинах его отставки: если Конвэй Дэвис, следуя за самим Геральдом, считает главной из них желание удалиться от суетного двора и в тишине церковных стен предаться ученым занятиям⁴⁰, то более поздние исследователи в один голос утверждают, что Геральд был вынужден уйти, т.к. в период отсутствия в стране короля Ричарда поддерживал сторонников принца Иоанна, так что после возвращения Ричарда ему ничего не оставалось делать, как подать в отставку⁴¹.

На самом деле, даже поверхностный анализ этих, казалось бы, сугубо «биографических» вопросов демонстрирует невозможность отделить «жизнь» Геральда Камбрийского от его «творчества». Почти все, что мы знаем о нем, мы знаем из его сочинений, поэтому совершенно очевидно, что с определенного момента биографические штудии наталкиваются на необходимость критического переосмысления трудов Геральда как в свете их ценности как источников, так и в более широком контексте. Последнее означает реконструкцию его взглядов на народы, среди которых он жил (и к которым он принадлежал), на правителей, с которыми имел дело и, конечно, на церковь, внутри которой он находился и делал карьеру.

Выше уже говорилось о работах Хью Прайса, питавшегося «верифицировать» данные Геральда. Остановимся же подробнее на проблемах самоидентификации Геральда, прежде всего, этнической, национальной; проблеме, которая была одной из главных в «геральдиане» прошлого века.

Как уже говорилось выше, ключевой здесь является биография Геральда Камбрийского, написанная Михаэлем Рихтером. Основная мысль этого исследования такова: в борьбе за инвестиру Сент-Дэвидса Геральд Камбрийский сражался против английской короны и Кентербери за «валлийское единство» и даже способствовал росту самосознания «валлийской нации»⁴². Поражение Геральда, по мысли Рихтера, привело к тому, что «Уэльс потерял одну из важнейших позиций для объединения усилий в борьбе против нормандских завоевателей»⁴³. Такой подход не может не вызывать сомнений. Во-первых, «Уэльс» берется здесь как субъект тогдашней политики, каковым он, конечно, не был, ибо на его территории существовало по меньшей мере три крайне нестабильных валлийских государственных образования и не менее десятка владений Марки. Уэльс был на рубеже XII-XIII вв. не «субъектом», а «объектом» политики, потому не мог ни потерять, ни приобрести от исхода спора вокруг Сент-Дэвидса. Рихтер новаторски исследует политический контекст, в рамках которого духовенство Сент-Дэвидса в XII в. пыталось освободиться из-под власти Кентербери и приобрести статус метрополии; вообще, эта часть его работы — лучшая. Однако и здесь он пытается свести богатство фактического материала к доказательной базе своих априорных позиций. К примеру, первым сент-дэвидским епископом, заявившим о претензиях на статус метрополии, был Бернард (1115—1148). Апеллируя к римской курии, Бернард пишет об отличии валлийцев от других народов (в частности, англичан и французов), что, по его мысли, дает им право иметь свою церковь возглавляемую своим архиепископом. Рихтер делает такой вывод: потому

валлийцы как нация могли бы иметь право на архиепископство⁴⁴. «Отличия» не создают «нации»; здесь следовало бы строже подойти к понятийному аппарату (что автор, впрочем, периодически пытается сделать). Определение, даваемое Рихтером, скорее, внеисторическое; блестящий терминологический обзор понятий “*patria*”, “*gens*”, “*lingua*”⁴⁵ не убеждает, прежде всего, потому, что это очерк того, как в Средние века описывали *другие народы*, но не того, как *эти народы описывали (представляли) себя*. Иначе получается, что Бернард и Геральд Камбрийский сражались за права «нации», которую только они (из каких-то своих «ученых» соображений) считали таковой.

Слабость подобного подхода становится очевидной, когда Рихтер пишет, что примерно в то же самое время претензии шотландской или богемской церкви на аналогичный церковный статус подкреплялись тем, что Шотландия и Богемия являются королевствами⁴⁶. Но Уэльс не был королевством (или даже тремя королевствами в тогдашнем понимании этого термина); за спиной Бернарда или Геральда не было местного правителя, стоявшего во главе единого государственного образования. Обоим оказывали поддержку правители Гвинеда, но не следует забывать, что Сент-Дэвидс даже не находился на гвинедской территории⁴⁷!

Гипотеза Рихтера не находит подтверждения и тогда, когда мы обращаемся к фигуре самого Геральда Камбрийского. Главный вопрос, который задают уже более тридцати лет исследователи: кем считал себя Геральд, с какой этнической, социо-культурной группой он себя идентифицировал? Рихтер пишет⁴⁸, что Геральда следует отнести скорее к типичной для Высокого Средневековья группе космополитически

ориентированных образованных клириков, несмотря на то, что по происхождению он был на четверть валлийцем⁴⁹. Если это так, то почему же такой человек вдруг стал, следуя концепции того же Рихтера, самым неистовым сторонником «валлийской церковной (и не только церковной) независимости»?

С определенной долей уверенности можно утверждать лишь следующее: XII век был, конечно, новым этапом в истории валлийского общества. Эта была эпоха первых попыток его «феодалной модернизации», предпринятая рядом местных правителей от Гриффида ап Кинана до Риса ап Гриффида. В это же самое время было кодифицировано валлийское право, записаны т.н. «законы Хауэла Доброго». Одновременно растет интерес к прошлому Уэльса как у самих валлийцев (особенно у представителей ведущих династий, пытающихся обосновать свои претензии на особую роль среди других правителей), так и у англо-нормандцев. Английская корона нащупывает особый тип отношений с Уэльсом, довольно сложным конгломератом владений местной элиты и потомков нормандских завоевателей. Рост интереса короны к Уэльсу совпадает с появлением в самой Англии новой династии — Анжуйской, которая чувствует себя «безродной» и остро нуждается в «историко-мифологической легитимации». В это же самое время появляются книги Гальфрида Монмутского и Геральда Камбрийского, по-разному трактующие валлийское прошлое и задающие различные его мифологемы. Возникает неоформившееся поле идеологической борьбы, актуализируются (а то и просто сочиняются) мифы и пророчества. Роль Геральда в этой борьбе очевидна: сначала он пытается выступить

при английском дворе «экспертом» по Уэльсу, с тем, чтобы сделать либо государственную, либо церковную карьеру именно в Англии. Когда это ему не удастся, он включается в начатую за 50 с лишним лет до него борьбу за особый статус епархии Сент-Дэвидса. Борьба длилась всего четыре года, но именно они и создали в «национально-ориентированной» историографии второй половины XIX-XX в. концепцию «Геральд Камбрийский-валлийский патриот».

«Самоидентификации» Геральда посвящена и значительная часть его биографии, написанной Робертом Бартлеттом. Исследователь далек от того, чтобы называть Геральда «валлийцем» или приписывать ему участие в рождении валлийского национального духа. Скорее наоборот. Бартлетт, цитируя немецкого исследователя Карла Шмитта, сравнивает Геральда Камбрийского с Джонатаном Свифтом, тоже клириком и желчным полемистом, который в какой-то момент ненадолго стал ассоциировать себя с ирландцами⁵⁰. Бартлетт идет по стопам Рихтера и относит Геральда к космополитическому слою образованных клириков, неустанно разъезжавших по Европе по делам то государственной службы, то церковной, то просто за ученой надобностью⁵¹. Что же до проблемы «национальной» (или «национально-культурной») идентификации Геральда, то Бартлетт, вслед за многими биографами, называет его представителем довольно небольшой группы так называемой «аристократии Марки» — группы камбро-нормандских семей, которым принадлежал в центральном и южном Уэльсе, на основании особого права, Обычая Марки, десятков-другой владений⁵². Представители именно этой группы (кстати говоря, ближайшие родственники Ге-

ральда) составили первую волну завоевателей и колонизаторов Ирландии. Интересы фамилий Марки не совпадали ни с интересами короны или, собственно, английской аристократии, ни, естественно, с интересами правителей Исконного Уэльса⁵³. Это была, если рискнуть несколько модернизировать ту историческую ситуацию, «колониальная аристократия». Геральд как ее представитель ассоциировал себя, скорее, с местом, где он родился и служил архидьяконом (южный Уэльс), нежели с местным населением. Его патриотизм был — и это тоже характерно для Средневековья — «провинциальным»; его родина — отцовский замок Манорбьер, а не Уэльс или «вся Британия».

Ту же мысль развивает и Хью Прайс⁵⁴. Ученый еще более минимизирует «валлийский элемент» биографии Геральда Камбрийского. Несмотря на то, что Геральд может написать «наш Уэльс», он идентифицирует себя с местом, а не с населением. Самоидентификация Геральда — колониальная, он сам «создает» себе компатриотов, подчеркивает свое родство с древнейшей династией Уэльса, но не с нынешними валлийскими принцами. Что же до нормандцев, то он выделяет среди них только отцовскую линию — Геральдинов⁵⁵. В развитие темы можно даже, с известной долей осторожности, сказать, что Геральд Камбрийский «аппropriровал» ту часть валлийского и нормандского прошлого, которая была ему необходима для идентификации себя в мирах, в которых одновременно жил: валлийском, камбро-нормандском, англо-нормандском, французском, интернациональном церковном.

Итак, начав ХХ в. «валлийским патриотом», Геральд Камбрийский закончил его чуть ли не «уэльсофобом» и одним из авторов «черной легенды о вал-

лийцах». Вряд ли второе определение будет вернее первого. Просто вопрос о «национальной» идентификации, о «патриотизме» или об отсутствии оно у средневекового автора был поставлен обстоятельствами не XII или XIII в., а XX-го. «Геральдиана» постепенно ставит совсем иные вопросы. В завершении статьи — несколько слов о том, какие они.

Как нам представляется, наиболее перспективный путь развития будущих штудий о Геральде — углубление и тематическая детализация анализа его сочинений. Не говоря уже о целом ряде «специальных» его книг (житий, исторических сочинений и проч.), не до конца изучены самые известные его труды — «валлийские» и «ирландские» труды. Они почти не рассмотрены в соответствующем контексте современных Геральду сочинений этого жанра (например, травелогов), да и степень влияния традиции (например, античной) пока выявлен недостаточно. Думается, что мы можем сильно изменить наши представления о том, *что именно* думал Геральд, например, о валлийцах, после того, как рассмотрим некоторые пассажи из его трактатов в контексте традиции античных и средневековых «описаний варваров»; это же поможет и в вопросе «верификации» его сведений. Неудивительно, если окажется, что Геральд Камбрийский не столько описывал кельтские народы, сколько воспроизводил известные ему по классическим описаниям других народов штампы⁵⁶. Продуктивным представляется также попытаться проанализировать всю библиографию сочинений Геральда, дабы выяснить место в ней «валлийской темы»; уже сейчас можно предположить, что место это будет скромным. В конце концов, «геральдиана» неизбежно

из преимущественно «жизнеописания» почти полностью превратится в «анализ текстов»; ибо, как уже неоднократно говорили, жизнь Геральда Камбрийского мы знаем в основном из его сочинений.

В этом смысле, не претендуя на «прорыв» в «геральдоведении», попробуем показать, как именно анализ автобиографических текстов нашего героя мог бы дать нам некоторое представление о вопросе, интересовавшем почти всех исследователей его биографии и трудов. Речь идет о национальной (в данном историческом контексте — этнической и культурной) идентичности Геральда Камбрийского, которая, как мы видим, стала вопросом политическим не только для его современников, но и для историков XX в. Карьера Геральда как королевского клерка, советника Генриха II, Ричарда I и Иоанна I, вполне ожидаемая для одаренного и энергичного человека, обладающего столь глубокими познаниями в латинской литературе, каноническом праве, в валлийских династических делах, нравах, культуре и даже способе ведения войны в Уэльсе, не сложилась именно из-за того, что его *смешанное этническое происхождение* стало причиной глубоких подозрений в его *политической лояльности* короне. Как мы видим, Геральд Камбрийский оказался чужим везде: при дворе его считали «валлийцем», правители тогдашнего Исконного Уэльса на него смотрели, скорее, как на представителя англо-нормандского семейства колонизаторов, последние же явно с подозрением относились как к его *фамильным связям* с местной династией, так и к попыткам сделать карьеру при королевском дворе. Этническое происхождение переплетается с проблемой политической лояльности и до конца распутать данный клубок не удалось

никому из историков XX в., писавших о нашем герое, потому, что установки (в том числе и политические) историографии прошлого столетия накладывались на очень сложную биографию Геральда. Прежде всего, это проявилось в попытке одарить его одной-единственной «идентичностью», вполне в духе века массового общества и национально-государственных (или идеологических) мобилизаций. Между тем, в случае Геральда Камбрийского речь может идти, скорее, о «мерцающей идентичности», сформированной из нескольких не сливающихся в одно элементов: принадлежности к англо-нормандскому семейству Марки, династии правителей Дехайбарфа, валлийскому клиру, также кругу людей, получивших образование во Франции; не стоит забывать и о временной принадлежности к окружению нескольких английских королей и т.д. «Мерцающая идентичность» Геральда по-разному проявляется в разных конкретных ситуациях и — более продолжительно — в разные периоды его долгой жизни. Одной «точки сборки» здесь нет и быть не может; таких точек несколько и ни одна из них не является преобладающей, если брать масштаб всей биографии Геральда Камбрийского. Представляется, что именно поэтому в «Описании Уэльса» он дает советы как короне по поводу успешного завоевания Исконного Уэльса, так и валлийцам — как сохранить независимость.

В качестве примера подобной «мерцающей идентичности» возьмем два эпизода из времен начала церковной и государственной карьеры Геральда. В книге “*De rebus a se gestis*”⁵⁷ он описывает историю, случившуюся в 1176 г. во время исполнения им обязанностей архидьякона Брекона⁵⁸. Речь идет о конфликте вокруг церкви в Керри, на границе между диоцезами

Сент-Азафа и Сент-Дэвидса. По версии Геральда, он узнал о том, что епископ Сент-Азафа Адам (Адам де Парво Понте, или Адам Парвипонтанус, назначенный на эту должность за год до этого) готовится прибыть с многочисленной свитой в Керри, чтобы объявить местную церковь находящейся под его властью. В “De rebus a se gestis” утверждается, что это было бы, во-первых, несправедливо, ибо, по мнению Геральда, Керри всегда находился под управлением Сент-Дэвидса, а, во-вторых, привело бы к тому, что население областей Мэлиенид и Элваел также оказались бы под церковной властью Сент-Азафа. И здесь, как мы видим, церковный спор по поводу границ влияния епископатов, перемешивается с династическим и политическим, т.к. речь идет о территориях, в основном находящихся под властью местных валлийских правителей (по крайней мере, в диоцезе Сент-Азафа на северо-востоке Уэльса; в диоцезу Сент-Дэвидса входили как земли местных династий, прежде всего, правителей Дехайбарфа, родственников самого Геральда, так и англо-нормандских лордов Марки, среди которых также были представители его семьи). Перед нами не спор валлийцев с англо-нормандцами (и, тем более, не конфликт местного смешанного населения и короны) и не столкновение традиционной валлийской церкви с унифицирующей властью Кентербери и Рима (а такое столкновение было, оно началось сразу с появления в регионе англо-нормандцев и длилось весь XII в.; сам Геральд был яростным борцом с нравами местного духовенства, сильно отличавшимися (как и в Ирландии) от принятых в католической церкви после григорианской реформы). Это очень сложный локальный (почти микроскопический) конфликт,

где переплелись все вышеперечисленные политические и церковные обстоятельства; действия Геральда Камбрийского показывают разные аспекты его идентичности, по сути — *разные его идентичности*.

Итак, он спешит в Керри, чтобы оказаться в тамошней церкви раньше епископа Адама. Рассылает гонцов в близлежащие храмы, чтобы «мобилизовать» местных клириков; в то же самое время, он просит о вооруженной помощи валлийских правителей, как родственников из династии Дехайбарфа, так и представителей династии Мэлиенида. Последнее он объясняет тем, что епископ Адам движется в Керри в сопровождении валлийских воинов из Поуиса и Кедевайна, входящих в диоцезу Сент-Азафа. Спор из-за церковных границ происходит в контексте противоречий независимых правителей северо-западного и центрального Уэльса. При этом, следует помнить: епископы Сент-Азафа и Сент-Дэвидса признают власть Кентербери, фактически, им назначаются санкции английского короля, и обе стороны конфликта апеллируют к папе. Наконец, в рассказе Геральда выясняется, что он и епископ Адам вместе учились в Париже и даже были приятелями (автор “*De rebus a se gestis*” специально отмечает это обстоятельство, оба участника конфликта апеллируют к недавней, на самом деле, студенческой дружбе). В споре из-за церкви в Керри Геральд Камбрийский выступает как, во-первых, защитник территориальных прав главного валлийского епископата Уэльса Сент-Дэвидса, во-вторых, как представитель местной правящей элиты юго-западного Уэльса, в-третьих, как безоговорочный проводник унифицирующей церковной власти Рима, наконец, в-четвертых, как один из космополитической

иерархии церковного духовенства, получающей образование в разных европейских центрах учености. Все вышеназванные факторы влияют как на разворачивание конфликта, так и на его исход, который оказался благоприятным для Геральда — несмотря на то, что его соперник находился выше в церковной иерархии. Какую «идентичность» проявил здесь (и выказал значительно позже, записывая этот сюжет в “*De rebus a se gestis*”) Геральд Камбрийский: валлийскую? Англо-нормандскую? Солдата многочисленной космополитической армии католического духовенства? Одного ответа здесь нет и быть не может. В данном сюжете идентичность Геральда «мерцает» в рамках всего этого спектра; более того, она однозначно не рефлексирована им самим — ни в 1176 г., когда происходят события, ни несколько десятилетий спустя, когда он их описывает. Эта своего рода «ситуативная идентичность», которая может быть описана только в рамках сложной системы лояльностей (этнических, семейных, политических, церковных и даже дружеских), в которой существовал Геральд Камбрийский и, без всякого сомнения, некоторые его современники.

Следующая история, произошедшая примерно восемь лет спустя и тоже описанная в “*De rebus a se gestis*”⁵⁹, представляет собой несколько иную ситуацию, в которой «мерцающая идентичность» Геральда Камбрийского проявила себя в ином спектре. Геральд приглашен в дом Уильяма де Вере, епископа Херефорда, который принимал правителя Дехайбарфа Риса ап Гриффида (Лорда Риса), архиепископа кентерберийского Болдуина и юстициария Англии Ранульфа де Гланвиля. Судя по всему, дом епископа стал местом переговоров между представителями короля и самым

могущественным в то время независимым валлийским правителем; Геральд в книге никак не объясняет свое присутствие, однако можно предположить, что оно не было случайным. В один из дней между архидьяконом Геральдом и Рисом ап Гриффидом, двоюродными племянником и дядей, дважды происходит обмен колкостями; позже данная история была доведена до короля Генриха II, который высоко оценил красноречие и остроумие Геральда (впрочем, это известно из его собственной книги) и даже пожалел о том, что принадлежность к валлийской династии не дает ему возможности сделать придворную карьеру. Что же произошло в Херефорде? За завтраком увидев Рису ап Гриффиду, сидящего между епископом Уильямом и бароном Марки Уолтером Фицробером (оба из семейства Клари), Геральд сказал, что правитель Дехайбарфа имеет все поводы для радости, т.к. он находится между двумя великими представителями великого рода, наследство которого он удерживает (речь шла о валлийской области Кардиган, которая была захвачена Клари в начале XII в., а во второй половине столетия отвоевана Рисом ап Гриффидом). В ответ Рис остроумно заметил: хотя эти валлийские земли и были некогда завоеваны чужаками, для него огромная честь, что это сделали не пришельцы без роду и племени, а люди столь известные и славные. Неловкость сгладил епископ Херефордский, сказав: Клари потеряли эти владения, но его семья рада, что теперь они в руках столь хорошего человека высокого происхождения как Рис ап Гриффид. Днем обмен «любезностями» между Геральдом и Рисом продолжился. Валлийский правитель отметил, что Геральдины, семейство, к которому принадлежит бреконский архидьякон, происходящее от валлийской принцессы Несты, состо-

ит из добрых и великих людей, однако все это (видимо, вся их слава) имеет отношение только к одному уголку Уэльса — Пемброку. На что Геральд очень подробно возразил, указав, что Геральдины, сыновья Несты, владеют семьёю областями в разных частях Уэльса, а дочери Несты были замужем за влиятельными местными баронами; среди членов его рода — епископ Сент-Дэвидса Дэвид. Наконец, родственники Геральда предприняли несколько лет назад поход в соседнюю Ирландию и захватили там немалые земли. Перечислив и подсчитав все владения Геральдинов, архидьякон отметил, что, таким образом, Рис ап Гриффид неправ, ограничивая славу и доброе имя его рода только Кардиганом. В то же время, съязвил он, сам Рис и его сыновья владеют несколькими областями исключительно в Южном Уэльсе и, хотя и претендуют на другие фамильные земли, не предпринимают попыток их вернуть.

Здесь Геральд Камбрийский выступает уже в качестве представителя одной группы — аристократии Марки; причем, несмотря на то, что спор ведется между родственниками, происходящими от одной и той же местной принцессы, перед нами столкновение представителя чисто валлийского политического сознания и колонизаторского. Геральд солидаризируется исключительно с камбро-нормандцами Геральдинами, захватившими земли в Уэльсе и Ирландии. Более того, перед нами не речи клирика, а воинственного аристократа. Чтобы понять эту «ситуационную идентичность» Геральда Камбрийского необходимо вспомнить обстоятельства этих двух споров. Разговоры ведутся в присутствии двух важнейших — после самого Генриха II — людей государства: архиепископа Кентерберийского и королевского юстициария, дело происходит в

доме представителя одной из главных фамилий валлийской Марки, судя по всему, в ходе политических переговоров между представителями короны и местным правителем южного Уэльса. Стратегия поведения Геральда очевидна: он хочет показать себя, во-первых, истинным знатоком в делах региона, во-вторых, представителем могущественной камбро-нормандской фамилии, и, в-третьих (и что очень важно), «не-валлийцем», противником местных правителей. В ситуации вокруг церкви в Керри он с удовольствием воспользовался помощью этих самых правителей (а не Геральдинов или иных баронов Марки), здесь же он демонстрирует совсем иную идентичность — в том числе и самому себе. Не следует забывать, что мы обсуждаем историю, рассказанную много лет спустя в книге, которая сочинена уже в совсем иной ситуации — и в то время, когда уже давно стал очевиден крах всех попыток Геральда Камбийского сделать карьеру при дворе английского короля (не зря же после описания разговоров в доме епископа Херефордского он отмечает: хотя король и порадовался его риторическим победам, тут же пожалел, что не будь Геральд валлийцем, тот удостоился бы высоких августейших почестей). Более того, автор с горечью напоминает о своих заслугах перед короной в Уэльсе (например, Геральд утверждает, что именно он предотвратил несколько рейдов войск Риса ап Гриффида на государевы владения). Не стоит забывать — во времена написания этой книги (после 1208 г.) Геральд проиграл еще одну битву за статус Сент-Дэвидса и совершенно разочаровался не только в перспективах любой из карьер (государственной, церковной), но и обрушил свой гнев на Анжуйскую династию. С его точки зрения, она была воплощением грехов, в частно-

сти, неблагодарности и несправедливости, как явствует из истории непризнания Плантагенетами геральдовых заслуг перед короной. Поэтому не исключено, что в этой истории перед нами две разные идентичности Геральда Камбрийского: в момент перепалки с валлийским родственником в 1184 г. можно говорить о намеренном подчеркивании своей принадлежности к колонизаторской аристократии — в пику не только Рису ап Гриффиду, но и представителям короля (как известно, завоевание Ирландии первоначально было частным предприятием Геральдинов, после чего в дело вмешался Генрих II и «присвоил» плоды их побед). Двадцать с лишним лет спустя, со страниц книги перед нами предстает просто красноречивый оратор, искусный полемист, знаток Уэльса, принесший много пользы короне, но не получивший воздаяния из-за своей принадлежности к местному населению, т.е. валлийцам.

Представляется, что дальнейший подробный разговор о связи «идентичности» и «политики» в случае Геральда Камбрийского может состоять из обстоятельного анализа ситуаций, подобных вышеописанным, анализа, учитывающего не только политическую конъюнктуру в разные периоды жизни нашего героя, но и политическую конъюнктуру первых пятидесяти лет историографической «геральдианы».

Примечания

- ¹ Giraldus Cambrensis. По-русски его можно назвать латинизированным именем «Геральд Камбрийский» или «Геральд из Уэльса» (но никак не «Геральд Валлиец»). Мы считаем необходимым латинизировать русское звучание его имени, исходя

из проблемы идентификации и самоидентификации Геральда, которой, собственно, и посвящен этот текст.

- ² В настоящей работе речь не пойдет о «Завоевании Ирландии»; эта книга имела довольно узкую направленность и значительно отличается от других сочинений Геральда, посвященных Ирландии и Уэльсу.
- ³ См., например, предисловие Джона О'Меары к его английскому переводу «Истории и топографии Ирландии»: *Gerald of Wales. The History and Topography of Ireland*. Harmondsworth, 1982. P. 17.
- ⁴ *Davies R.R. Historical Perception: Celts and Saxons. An Inaugural Lecture delivered at the University College of Wales, Aberystwyth on 22 November 1978*. Cardiff, 1979. P. 12; *Richter M. Medieval Ireland. The Enduring Tradition*. Dublin, 2000. P. 124—126.
- ⁵ *Pryce H. In Search of a Medieval Society: Deheubarth in the Writings of Gerald of Wales // The Welsh History Review*. 1987. Vol. XIII. № 3. P. 265—281.
- ⁶ *Giraldi Cambrensis opera / Ed. by J.S. Brewer, J.F. Dimock, and G.F. Warner*. London, 1861—1891. Vol. I-VIII.
- ⁷ *Stevenson J. Giraldus Cambrensis Concerning Instruction of Princes // Church Historian of England*. London, 1858. Vol. V. Part 1; *The Historical Works of Giraldus Cambrensis*. London, 1863. Последнее издание включает в себя и заново отредактированный перевод «Путешествия по Уэльсу» и «Описания Уэльса», сделанный в 1806 г. Ричардом Колтом Хором.
- ⁸ *Owen H. Gerald the Welshman*. L., 1904. Некоторые сведения о семье Геральда Камбрийского содержатся в статье Джорджа Дакетта, изданной в конце XIX в.: *Duckett G. Evidences of the Barri Family of Manorbier and Olethan // Archaeologia Cambrensis*, 5-th ser. 1891. Vol. VII. P. 190—208.
- ⁹ *Powicke F.M. Gerald of Wales / Christian Life in the Middle Ages*. Oxford, 1935. P. 107—129.
- ¹⁰ *Hayden M.T. Giraldus Cambrensis // Studies*. 1935. Vol. XXIV. P. 96—110.
- ¹¹ *Coulter C.C. F.P. Magoun, Jnr. Giraldus Cambrensis on Indo-Germanic Philology // Speculum*. Vol. I. P. 104—121; *Holmes U.T. Gerald the Naturalist // Speculum*. 1936. Vol. XI. P. 110—121.
- ¹² *Butler H.E. The Autobiography of Giraldus Cambrensis*. L., 1937 (переиздана в “The Boydell Press” в 2005). См. также его публикацию: *Butler H.E. Some New Pages of Giraldus Cambrensis // Medium Aevum*. 1935. Vol. IV. P. 143—152. В 1920 г. вышла новая публикация “De Invectionibus”: *Davies W.S. De Invectionibus // Y Cymmrodor*. 1920. Vol. XXX.

- ¹³ *Conway Davies J. Giraldu Cambrensis 1146—1946 // Archaeologia Cambrensis. 1946—1947. Vol. 99. P. 85—108, 256—280. Этому автору принадлежит еще несколько работ о Геральде: Causes on the Metropolian Status of St. David's // Episcopal Acta Relating to Welsh Dioceses, 1066—1271. L., 1946. P. 190—232; The Kambriae Mappa of Giraldu Cambrensis // Journal of the Historical Society of the Church of Wales. 1950. Vol. II. P. 46—60.*
- ¹⁴ *Rees J.F. Gerald of Wales // Studies in Welsh History. Cardiff, 1947. P. 5—25; Lewis S. Gerallt Gymro // Ysgrifau Dydd Mercher. Aberystwyth, 1945. P. 25—33; Shaw I.P. Giraldu Cambrensis and the Primacy of Canterbury // Church Quarterly Review. 1949. Vol. 148. P. 82—101.*
- ¹⁵ *Jones T. Gerald the Welshman's "Itinerary through Wales" and "Description of Wales": an Appreciation and Analysis // National Library of Wales Journal. 1949—1950. Vol. VI. P. 117—148, 197—222; Idem. Gerallt Gymro: Gerald the Welshman. Caerdydd, 1947; Idem. Llen-gwerin yn "Nheithlyfr" Gerallt Gymro // Man Us. Caerdydd, 1949. P. 35—45.*
- ¹⁶ *Knowles D. The Critics of the Monks: Gerald of Wales, Walter Map and the Satirists // The Monastic Order in England, 943—1216. Cambridge, 1950. P. 662—677; Idem. Some Enemies of Gerald of Wales // Studia Monastica. 1959. Vol. I. P. 137—141.*
- ¹⁷ *O'Meara J.J. Giraldu Cambrensis in Topographia Hibernie. Text of the First Recension // Proceedings of the Irish Academy, Section C, 1948—1950. Vol. 52. P. 113—178; Idem. The First Version of the Topography of Ireland. Dundalk, 1951.*
- ¹⁸ *Richter M. The Life of St. David, by Giraldu Cambrensis // The Welsh History Review. 1968—1969. Vol. IV. P. 381—386.*
- ¹⁹ *Richter M. Gerald of Wales: A Reassessment on the 750-th Anniversary of his Death // Traditio. 1973. Vol. XXIX. P. 379—390.*
- ²⁰ *Richter M. Giraldu Cambrensis: The Growth of the Welsh Nation. Aberystwyth, 1972.*
- ²¹ *Giraldu Cambrensis. Speculum duorum, or A Mirror of Two Men / Ed. by Y. Lefevre, R.B.C. Huygens and M. Richter. Transl. by B. Dawson. Cardiff, 1974.*
- ²² *Richter M. Giralduiana // Irish Historical Studies. 1979. Vol. XXI. P. 422—437.*
- ²³ *Walker D. Gerald of Wales, Archdeacon of Brecon // Links with the Past. Llandybie, 1974. P. 67—87; Idem. Gerald of Wales: A Review of Recent Works // Journal of the Historical Society of the Church in Wales. 1974. Vol. XXIV. P. 13—26; Idem. Gerald of Wales // Brycheiniog. 1978—1979. Vol. XVIII. P. 60—70.*

- ²⁴ *Martin F.X.* Gerald of Wales, Norman Reporter on Ireland // *Studies*. 1969. Vol. 58. P. 279—292; *Jones W.R.* Geraldus Redivius — English Historians, Irish Apologists, and the works of Gerald of Wales // *Eire-Ireland*. 1974. Vol. XIV. P. 3—20.
- ²⁵ *Bate A.K.* Walter Map and Giraldus Cambrensis // *Latomus*. 1972. Vol. XXXI. P. 860—875; *Thorpe L.* Walter Map and Gerald of Wales // *Medium Aevum*. 1978. Vol. 47. P. 6—21.
- ²⁶ Напомню последние англоязычные издания этих трудов: *Gerald of Wales. The Journey through Wales and The Description of Wales* / Trans. by L. Thorpe. Harmondsworth, 1978; *Gerald of Wales. The History and Topography of Ireland* / Trans. by J.J. O'Meara. Harmondsworth, 1982.
- ²⁷ *Roberts B.F.* Gerald of Wales. Cardiff, 1982.
- ²⁸ *Bartlett R.* Gerald of Wales. Oxford, 1982. В новой редакции книга вышла в 2006-м году в издательстве “Tempus” с подзаголовком “Voice of the Middle Ages”.
- ²⁹ *Pryce H.* In Search of a Medieval Society: Deheubarth in the Writings of Gerald of Wales // *The Welsh History Review*. 1987. Vol. XIII. № 3.
- ³⁰ Хотя за пять лет до статьи Прайса, об этом уже писал Барлетт: *Bartlett R.* Op. cit. P. 155—178. См. также: *Кобрин К.Р.* Апартеид плюс-минус этнические чистки (Геральд Кабрыйский между первой и второй версиями «Описания Уэльса») // *Язык и культура кельтов. Материалы VII коллоквиума*. СПб., 1999. С. 67—68; *Он же.* Этнополитические советы средневекового травелога // *История и филология. Проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетия*. Петрозаводск, 2000. С. 30—36.
- ³¹ *Pryce H.* Gerald's Journey through Wales // *The Journal of Welsh Ecclesiastical History*. 1989. Vol. VI. P. 17—34. «Верификации» сведений Геральда посвящен любопытный очерк историка валлийской церкви Фреда Каули: *Cowley F.G.* Gerald of Wales and Wargam Abbey. Friends of Margam Abbey Annual Lecture, 1982.
- ³² Болдуин призывал валлийцев принять участие в готовящемся крестовом походе против сарацинов.
- ³³ *Pryce H.* A Cross-Border Career: Giraldus Cambrensis between Wales and England // *Grenzganger* / Hrsg. von R. Shneider. Saarbrücken, 1998. S. 45—60.
- ³⁴ *Walker D.* Cultural Survival in an Age of Conquest // *Welsh Society and Nationhood* / Ed. by R.R. Davies, R.A. Griffiths, I.G. Jones and K.O. Morgan. Cardiff, 1984. P. 35—50.
- ³⁵ *Davies R.R.* The Age of Conquest.

- ³⁶ *Davies R.R. Historical Perception: Celts and Saxons; Idem. The Matter of Britain and the Matter of England. An Inaugural Lecture Delivered before the University of Oxford on 29 February 1996. Oxford, 1996; Idem. The Peoples of Britain and Ireland, 1100—1400 // Transactions of the Royal Historical Society, 6-th Series, 1994—1996. Vol. IV-VI; Idem. The First English Empire.*
- ³⁷ См. например: *Roberts B.F. Gerald of Wales. P. 58; Davies R.R. Historical Perception. P. 8.*
- ³⁸ *Conway Davies J. Op. cit.* Обращаю внимание на любопытный пассаж в этой работе, в которой обсуждается, почему Геральд ввязался в борьбу за епископат Сент-Дэвидса. Как считает Конвэй Дэвис, он был втянут в нее местным клиром, уверенным, что никто, кроме Геральда (влиятельного, образованного, располагающего хорошими связями в валлийском, англо-нормандском мире и при дворе) не справится с задачей восстановления статуса метрополии для Сент-Дэвидса (P. 258—259).
- ³⁹ *Richter M. Giraldus Cambrensis.*
- ⁴⁰ *Conway Davies J. Op. cit. P. 105.* В трактовке Конвэя Дэвиса Геральд случайно попал между двумя жерновами — политикой короны (и Кентербери) и стремлением духовенства Сент-Дэвидса восстановить свой контроль над валлийской церковью. Если следовать этой версии, то проясняется ответ на вопрос — почему Геральд ранее отказался от двух епископств в Уэльсе и еще от двух в Ирландии (P. 259)? Вообще же история того, как Геральд (если ему верить) последовательно отказывался от всех предлагаемых ему мест (вплоть до епископского в Линкольне и даже кардинальской шапки: *Conway Davies. Op. cit.*) — одна из загадочных в его биографии. Сам Геральд уверяет в своих книгах, что всю жизнь хотел быть епископом лишь Сент-Дэвидса, жаждал восстановить его прежнее величие и статус метрополии. Как убедительно показал Хью Прайс (*Pryce H. A Cross-Border Career. P. 54—55*), это было не так. Тогда непонятно, почему, действительно, Геральд не согласился в свое время, например, на епископат Бангора?
- ⁴¹ *Richter M. Op. cit. P. 84—94; Pryce H. A Cross-Border Career. P. 57; Idem. Gerald's Journey. P. 33.*
- ⁴² *Richter M. Op. cit. P. 3.* По-русски можно было бы говорить, скорее о «валлийском народе», не находишь Рихтер — нерелексивно — под влиянием «национального» контекста континентальной историографии XX в. В любом случае, английское слово “nation” переводится и как «народ», и как «нация».
- ⁴³ *Ibid. P. 9.*

⁴⁴ *Richter M. Op. cit. P. 43.* Безусловно, стремление Сент-Дэвидса получить статус метрополии было отчасти следствием стремления некоторых групп валлийской элиты к политической автономии от Англии (но вовсе не к созданию единого государства). Однако, и это Рихтер недооценивает, даже желание политической автономии в Уэльсе на рубеже XII-XIII вв. было неопределенным. Сила, которая гипотетически могла реализовать его — гвинедская династия во главе с Лливелином аб Йорвертом — была еще слаба; Лливелин боролся с соперниками внутри династии и никоим образом не претендовал на лидерство в Уэльсе. А вот тот валлийский принц, который чуть раньше мог бы стать естественным союзником Геральда (к тому же, и его родственник, двоюродный дядя) — южноваллийский принц из династии Дехайбарфа Рис ап Гриффид — оценивался во всех без исключения его сочинениях только отрицательно.

⁴⁵ *Ibid. P. 58—61.*

⁴⁶ *Richter M. Op. cit. P. 43.*

⁴⁷ Первые разговоры о статусе Сент-Дэвидса, который должен соответствовать «особости» валлийцев, начинаются в 40-е гг. XII в. В то же время появляется «История бриттов» Гальфрида Монмутского, в которой практически впервые говорится о бриттском мире как о чем-то едином. Не повлиял ли концепт «бриттского мира», «бриттского королевства» на формирование претензий Сент-Дэвидса на статус церковного центра этого мира и королевства? Если это так, то перед нами — эпизод «интеллектуальной истории», «истории идей», а не национальной или политической. О возможном отношении Геральда к мифологеме «прошлого бриттского единства» см.: *Ibid. P. 76.*

⁴⁸ *Richter M. Op. cit. P. 78.*

⁴⁹ Обстоятельство, которое, как указывают практически все биографы, отрицательно сказалось на его государственной и церковной карьере. Например, ни корона, ни Кентерберри не хотели иметь сент-дэвидским епископом клирика, который по материнской линии был родственником влиятельнейшей южноваллийской династии. Недоброжелатели постоянно доносили на него королю (и Генриху II и Ричарду I, и даже Иоанну Безземельному, который благоволил Геральду с юности) и называли не иначе, как изменником. Усилия Геральда доказать свою лояльность успехом не увенчались; ему не верили, даже после того, как в первой редакции «Описания Уэльса» он предложил короне остроумное решение «валлийской проблемы» — выселить всех местных жителей, а Уэльс превратить в охотничий заповедник.

- ⁵⁰ *Bartlett R. Op. cit. P. 10.*
- ⁵¹ *Ibid. P. 12.*
- ⁵² *Ibidem.*
- ⁵³ Так называют ту часть Уэльса, которая после 1066 г. осталась в руках местных династий, а в 1282 г. (после завоевания Эдуардом I) ставшая коронным владением.
- ⁵⁴ *Pryce H. Cross-border Career.*
- ⁵⁵ *Ibid. P. 54.*
- ⁵⁶ Об этом писал Бартлетт: *Bartlett R. Op. cit. P. 155—178.*
- ⁵⁷ Ю.П. Зарецкий ставит под вопрос авторство Геральда этой книги: *Зарецкий Ю.П. Феномен средневековой автобиографии / История субъективности: Средневековая Европа / Сост. Ю.П. Зарецкий. М., 2009. С. 44—46.* Сложно согласиться с подобным мнением, прежде всего, потому, что в книге содержится множество мельчайших происшествий из жизни Геральда, которые не могли быть известны посторонним. К тому же, его биография имеет обширнейшую географию (Уэльс, Англия, Франция, Ирландия, Рим), жизнь протекает в самых разнообразных политических, этнических и культурных контекстах, так что невозможно представить себе человека, кроме самого Геральда Камбрийского, который мог бы все это знать. Во-вторых, большинство изложенных в “*De rebus a se gestis*” фактов не содержится в других работах Геральда, поэтому данная книга, очевидно, не является некоей компиляцией. Наконец, в-третьих, трудно согласиться с предположением Ю.П. Зарецкого, что Геральд мог надиктовать кому-то эту книгу. “*De rebus a se gestis*” была создана в период, когда Геральд Камбрийский находился на пике литературной активности; с 1208 г. до самой его смерти сочинены “*Vita Sancti Hugonis*”, “*De invectionibus*”, “*Speculum duorum*”, “*De jure et statu menevensis ecclesiae*”, “*De principis instructione*”, “*Epistola ad capitulum herefordense de libris a se scriptis*” и “*Speculum ecclesiae*”. Трудно предположить, что столь одержимый письмом человек мог доверить кому-то постороннему фиксировать — пусть и со своего голоса — его собственную жизнь. Не стоит также забывать: автобиография являлась для Геральда Камбрийского политическим и моральным оружием в борьбе с многочисленными врагами, как мертвыми, так и еще живыми (например, с королем Иоанном), оттого она должна была быть тщательно изготовлена.
- ⁵⁸ *Giraldus Cambrensis. De rebus a se gestis // Giraldi Cambrensis opera. London, 1861. Vol. 1. P. 57.*
- ⁵⁹ *De rebus a se gestis. P. 60.*

Имперские книги Геральда Камбрийского

«Ирландские» и «валлийские» книги, как мы уже отмечали, были и остаются самыми популярными среди многочисленных трудов Геральда Камбрийского¹. Интересно, что редкий специалист (кроме, пожалуй, Роберта Бартлетта) рассматривал «Историю и топографию Ирландии», «Путешествие по Уэльсу» и «Описание Уэльса» как цельные литературные произведения, имевшие определенные задачи. Почти никто не попытался дать ответ на вопрос: что же хотел сказать автор своими сочинениями? Представляется, что сейчас важнее постулировать в качестве объекта исследования книги Геральда Камбрийского «сами по себе», а не как источники правдивой или ложной информации по определенному историческому периоду в отдельно взятых кельтских регионах и, тем более, не как повод для общественных дискуссий на национальные темы. Следует попытаться последовательно вписать эти труды в биографическую канву, поместить в английский политический контекст последней трети XII в., в историко-литературную среду средневековых жанров «травелога» и «путешествия» и, таким образом, выделить пласты: «традиционные», актуально-политические и биографические. Иными словами, необходимо понять — как и зачем «сделаны» «История и топография Ирландии», «Путешествие по Уэльсу» и «Опи-

сание Уэльса». Но это цель большого комплексного исследования. Здесь же мы попытаемся решить лишь частную задачу: выяснить, какую роль отводил себе автор данных сочинений в «идеологическом обеспечении» имперской колониальной экспансии английской короны второй половины XII в.

Сначала о биографическом контексте. «История и топография Ирландии» была написана Геральдом после двух поездок в Ирландию — в 1183 г., когда он, по его же словам, «помогал дяде и брату советом и усердно изучал местоположение и природу острова, а также примитивное происхождение его обитателей»², и в 1185 г., в составе свиты принца Джона, будущего короля Иоанна Безземельного³. Материал, собранный во время пребывания в Ирландии, лег в основу книги, написанной, судя по всему, к началу 1188 г. Во время поездки по Уэльсу весной этого года, Геральд читал «Топографию и историю Ирландии» архиепископу Кентерберийскому Балдуину, с которым он путешествовал⁴. Это сочинение дорабатывалось автором в 1196 г., когда он жил в Линкольне; позже Геральд вносил изменения вплоть до самой смерти⁵. Первая версия «Топографии» (всего их четыре) посвящена английскому королю Генриху II, в годы правления которого и началось завоевание Ирландии. Как представляется, данная книга должна была способствовать карьере Геральда, который, учитывая его связи с первыми колонизаторами острова, видимо, намеревался стать «знатоком Ирландии, «экспертом по Ирландии» при королевском дворе. Поэтому для популяризации своего сочинения автор организовал невиданное доселе в Англии мероприятие: он устроил публичные чтения в Оксфорде, которые длились

три дня; в первый он зачитывал отрывки из «Топографии» беднякам, во второй — самым ученым людям, в третий — дворянам и зажиточным горожанам⁶. «Карьерные задачи», поставленные автором, косвенно подтверждается и им самим. Много позже после неудачного завершения своей придворной карьеры, во вступлении к третьей версии «Путешествия по Уэльсу» Геральд отмечает: «Я совершенно зря потратил время, сочиняя “Топографию Ирландии” для Генриха II, короля Англии, и “Пророческую историю”⁷ для Ричарда из Пуату, его сына и наследника его грехов...»⁸

Материал для «Путешествия по Уэльсу» был собран во время поездки по стране весной 1188 г., которая была затеяна архиепископом Кентерберийским Балдуином как «агитационная» — готовился Третий крестовый поход. Первая версия книги, посвященная епископу Вильгельму де Лоншану, королевскому юстициарию⁹, закончена весной-летом 1191 г. Вторая версия (1197 г.) имеет посвящение Гуго, епископу Линкольна, другу и покровителю автора, третья (1214 г.) — Стефану Лэнгтону, архиепископу Кентерберийскому¹⁰. Сложно сказать, что именно побудило Геральда сочинить «Путешествие». Скорее всего, книгу следовало бы вывести из разряда написанных им для продвижения по королевской или церковной службе; это могло быть «чистое» литературное упражнение; с его помощью автор хотел снискать себе славу, хотя, возможно, им также двигало стремление увековечить память архиепископа Балдуина, который, в отличие от Геральда, отправился-таки в крестовый поход, в ходе которого и умер в 1189 г.

«Описание Уэльса» сочинено в 1193—начале 1194 г. и посвящено Хуберту Уолтеру, тогдашнему ар-

хиепископу Кентерберийскому. Геральд дважды переделывал книгу; последняя, третья ее версия от 1214 г. имеет (как и «Путешествие по Уэльсу») посвящение Стефану Лэнгтону¹¹. Геральд создал «Описание» буквально накануне своего ухода с королевской службы; поэтому некоторые специалисты считают, что оно сочинено еще в видах на продолжение придворной карьеры; в то время как другие предполагают, будто автор, потерпев неудачу на государственном поприще, уже рассчитывал на успехи в церковном. В этой связи следует отметить любопытную деталь: Геральд посвятил «Путешествие по Уэльсу» и «Описание Уэльса» Вильгельму де Лоншану и Хуберту Уолтеру незадолго до того, как они превратились в его злейших врагов; точнее — он сам превратил их в своих врагов, написав в 1195 г. жизнеописание архиепископа Йоркского Гальфрида, в котором обрушился с нападками на этих деятелей¹².

Несколько слов о жанровом своеобразии данных книг Геральда Камбрийского. Бринли Робертс помещает их в контекст сочинений, описывающих деяния крестоносцев и паломничества на Святую Землю¹³. Особенно в этом смысле важна «Топография и история Ирландии», ибо, как мы попытаемся показать в дальнейшем, в ней остров интерпретируется автором именно как некий аналог Святой Земли. Другая важнейшая для Геральда традиция — средневековые «описания», прежде всего, труды его современника Александра Неккама (1157—1217), автора сочинения «О природах вещей», которое отличалось избыточным аллегоризмом и богословской ученостью при рассказе о природных явлениях¹⁴. На фоне Неккама «Описание Уэльса» и, в гораздо меньшей степени,

«Топография и история Ирландии» выгодно выделяется живостью непосредственного восприятия и попытками рационального объяснения природных феноменов. В чем причина заметной разницы подходов в «ирландской» и «валлийской» книге Геральда — чуть позже.

«Топография и история Ирландии» состоит из трех частей. Первая посвящена местоположению острова, его климату, флоре и фауне. Вторая часть описывает чудеса Ирландии, третья посвящена населению острова и его истории. Все они крепко связаны авторским замыслом. Замысел этот можно реконструировать лишь имея в виду обстоятельства биографического и политического контекста. «Топография и история Ирландии» пишется через 12 лет после первого появления отрядов англо-нормандских¹⁵ лордов на острове. Быстрые успехи «приватной» колонизации Ирландии вскоре были поставлены под некоторый контроль центральной власти: в 1171 г. Генрих II посетил остров, принял присягу у обосновавшихся здесь пришлых баронов и части местных вождей, а также объявил ряд территорий, например, Дублин, королевскими владениями. Несмотря на кажущуюся пустячность, эта поездка много значила для короля. Помимо естественного желания контролировать собственных вассалов, Генрих II счел необходимым на время уехать из Англии после событий конца 1170—начала 1171 г., связанных с убийством архиепископа Кентерберийского Томаса Бекета. Речь, конечно, пока не шла о полном искуплении грехов и примирении с папой Александром III, однако для короля было полезным представить начавшуюся колонизацию Ирландии как своего рода

«крестовый поход», начатый согласно папской булле 1155 г. “Laudabiliter”¹⁶; поэтому неудивительно, что Геральд решился написать книгу об Ирландии, посвященную именно королю. Геральда можно считать если не непосредственным участником первоначальной колонизации острова, то хотя бы одним из тех, кто эту колонизацию «обеспечивал», в том числе и интеллектуально.

С упоминания поездки 1185 г. начинается вступление к «Топографии и истории Ирландии»¹⁷. Геральд пишет, что он, будучи послан королем на остров, лицезрел различные неведомые доселе чудеса и начал прилежно изучать природу и население Ирландии. Таким образом, сразу говорится о неразрывной связи между властью и учеными занятиями автора, а читателю с самого начала предлагается ключ к пониманию книги. Она должна стать одним из инструментов «овладения», «присвоения» короной Ирландии; если лорды обеспечивали военное завоевание и насаждение английских законов, то Геральд способствовал «символическому присвоению» острова, передавая в распоряжение власти «знание» о нем. В этом смысле, важнейшими частями «Топографии и истории Ирландии» являются первая и вторая, повествующие о природных особенностях острова и его чудесах.

Одна из основных тем сочинения: трактовка Ирландии как «предела Запада» — в противовес «Востоку» и его пределу. Эти понятия берутся во всем богатстве смыслов — географическом, историческом, мистическом¹⁸. Западный предел мира — самое подходящее место для многочисленных чудес. В противоположность «пределу Востока», «предел Запада»

чист, в нем нет места для ядовитых животных (жаб, змей) и болезней. Здесь не нужны врачи: люди в Ирландии почти не болеют до самой смерти. «Предел Запада» мягок и умерен и это касается не только климата; «Восток» — ярок, пестр, изобилен, но зловреден¹⁹. Во второй части книги, посвященной чудесам Ирландии, противопоставление пределов Запада и Востока продолжается. Чудеса Востока знамениты, существует множество свидетельств о них, чего нельзя сказать о чудесах Запада, которые менее известны и почти не описаны, но от этого не менее важны или «чудесны» (Геральд разделяет все чудеса Ирландии на две категории, которые условно можно назвать «природными», «изначальными» и «производными от деятельности святых»²⁰).

Трактовка Ирландии как «предела Запада» и противопоставление этой благословенной земли «Востоку» нужна Геральду для того, чтобы превознести Генриха II, завоевывающего остров. Монарх, подчиняющий себе «предел Запада», имеет совсем иной статус, нежели обычный монарх-завоеватель.

В третьей части книги автор продолжает настаивать на исключительности Ирландии. Не без некоторого колебания Геральд называет остров, где изначально не было греха, местом, уцелевшим во время Потопа, землей, на которой поселилась внучка Ноя — Цезара²¹. Впрочем, история Ирландии и происхождение ее населения изложены здесь довольно бегло, да и сами эти события не производят впечатления значительных. По Геральду, остров был окончательно заселен лишь с пятой попытки; его земля, чистая от греха, изобилующая чудесами — как природными, имеющими важнейшее назидательное значение

для христианина, так и чудесами, ставшими результатом деятельности местных святых, — несравненно важнее людей, которые на ней живут. Потому автор и не стремится особенно убедительно обосновывать претензии английской короны на Ирландию²²: ведь население острова пришлое, не исконное, и особых исторических прав у местных жителей нет, особенно имея в виду их порочность. На последнем Геральд особенно настаивает, утверждая, что ирландцы безнравственны и вообще нет народа менее приверженного вере, нежели они²³. Даже немногочисленные достоинства ирландцев не являются их заслугой — автор объявляет их «природными», а многочисленные грехи — приобретенными. Таким образом, выстраивается некая параллель между островом и его обитателями. Природные чудеса Ирландии соответствуют природным достоинствам ирландцев, т.к. их воспитывают не родители²⁴, а сама природа — уникальная безгрешная природа «предела Запада». Нет соответствия лишь святым христианским чудесам острова, ибо жители его погрязли в неверии, жестокости и прочих пороках. Отсюда напрашивается вывод, к которому методично подталкивает читателя Геральд: чтобы восстановить баланс, необходимо второй раз — после Святого Патрика и прочих местных святых — принести на остров истинную веру. Становится очевидным, что это, руководствуясь папской буллой “Laudabiliter”, должен сделать Генрих II. Функция английской короны окончательно приобретает мистический характер: восстановить божественный порядок на святой земле «предела Запада», установить торжество Нового Завета там, где пока царствуют ветхозаветные пороки²⁵.

Итак, Генриху II предлагается роль не только воина, который дошел бы до «предела Запада», как Александр Македонский некогда достиг «предела Востока» (Геральд именует короля «западным Александром»²⁶), но и величайшего христианского героя, свершения которого должны быть не менее значительны, нежели у тех, кто освобождает «гроб Господень». Генрих II, отказавшись от участия в Третьем крестовом походе, совершивший тяжелейший грех, приказав убить Томаса Бекета, получает возможность полностью оправдать себя на другом — не менее важном — поприще, завоевав Ирландию. Геральд даже намекает, что сейчас, когда завоевание Востока и Испании отложено по ряду причин, следует обратиться к Западу²⁷.

Геральд также дает понять, что английское господство в Ирландии носит окончательный, вечный характер. Во вступлении он говорит, что его книга есть лучший дар из Ирландии, который только можно преподнести королю²⁸. Было бы более верным интерпретировать ее даже не как «дар», а как «дань», взятую с завоеванной страны. Вечность завоевания символически подчеркивается тем обстоятельством, что эта «дань» представляет собой «книгу», которую «время не может уничтожить»²⁹. Завоевание Ирландии претендует на вечность, т.к. оно закреплено символическим «присвоением» страны путем создания свода знаний о ней. «Топография и история Ирландии» становится важным инструментом колониальной политики английской короны.

«Валлийские книги» Геральда, прежде всего, «Описание Уэльса», на первый взгляд, преследуют ту же цель. Однако они во многом лишены торжественного завоевательного пафоса «Топографии и истории

Ирландии». Особенно это касается «Путешествия по Уэльсу». В данной книге с моральной точки зрения все равны — англичане (точнее — англо-нормандцы) и валлийцы, а корона изображена как сила равноудаленная от них. Валлийцы, согласно Геральду, привержены разным порокам, однако автор находит для них достаточно и добрых слов³⁰. Немногим лучше выглядят англо-нормандские лорды Марки и сами английские короли, особенно Генрих II (книга написана после его смерти). Уэльс представлен в «Путешествии» совсем не так, как Ирландия в «Топографии»: Геральд, конечно, рассказывает о местных чудесах, но они здесь не столь многочисленны и не столь необычны. Само «великое прошлое» Уэльса, незадолго до этого изложенное в книге Гальфрида Монмутского «История бриттов», банализируется; именно «Путешествие по Уэльсу» содержит самый опасный выпад против этого исключительно модного тогда сочинения — оно обвиняется в безбожии и даже — в дьявольской природе³¹. Объяснить эти особенности «Путешествия по Уэльсу» можно лишь имея в виду, что, судя по всему, книга не была написана «на заказ» и что Геральд, желая именно «литературной славы», ставил перед собой собственно литературные цели — живо и непосредственно описать поездку по своей родной стране в компании с архиепископом Кентерберийским. Отметим очень важное обстоятельство — Уэльс описан автором, как его родина, а сам Геральд выступает в ней (как и в путешествии с архиепископом Балдуином) в роли «проводника» и «знатока страны».

«Описание Уэльса» носит несколько иной характер. Перед нами опять книга-инструмент, с помощью которой автор намерен решать задачи совсем не ли-

тературного свойства, а, прежде всего, карьерного. Другое дело, что, в отличие от ситуации восьмилетней давности, когда Геральд обращался прямо к короле, сейчас адресат «послания», заключенного в новом сочинении, неясен. Генрих II умер, Ричард, ставший королем, отправился в крестовый поход, а потом попал в плен в Германии, принц Джон, управлявший страной в период отсутствия брата, не имел прочных позиций и — после его возвращения — впал в немилость. Государственная служба Геральда, который после смерти Генриха II был послан в Уэльс, чтобы попытаться восстановить там мир и прекратить нападения местных правителей на англо-нормандские владения, сталкивалась с серьезными трудностями³². Недоброжелатели стали обвинять Геральда в предательстве интересов короны. Его происхождение и родственные связи с южноваллийской династией Дехайбарта в который раз помешали карьере. Все это, как мы уже говорили, стало причиной ухода Геральда Камбрийского в 1194 г. с королевской службы.

Впрочем, нельзя назвать «Описание» книгой с замытым, противоречивым замыслом. Уже то, как она организована, говорит о четкой авторской стратегии. «Описание Уэльса» поделено на две части. Первая повествует о положительных чертах валлийцев, вторая — об отрицательных. Любопытно, что описание местоположения страны, ее флоры и фауны, а также генеалогии валлийских правителей входят в первую часть и, соответственно, рассматриваются автором в ряду «положительного». Вторую часть завершают главы, содержащие как советы Геральда по поводу завоевания и управления Уэльсом, так и его рекомендации валлийцам как защищать свою страну.

Уже во «Вступлении» автор сравнивает свое сочинение с предыдущими, т.е. «ирландскими». Он говорит, что «Описание Уэльса» — книга о *различии*, а не о *сходстве*; иными словами, о валлийцах, которые непохожи на другие народы (в частности, на ирландцев)³³. Однако тут же Геральд начинает объяснять, почему предметом своих трудов он избрал такие «обычные», «непримечательные» страны, как Ирландия и Уэльс. Его мотивировка многое проясняет, как в характере самого «Описания Уэльса», так и вообще в творческой биографии Геральда. Он оправдывает себя в глазах читателей тем, что хочет спасти от забвения дела тех, кто поступал благородно, но эти деяния не были записаны. Речь здесь, конечно, идет о завоевателях Ирландии, прежде всего, о родственниках Геральда. Следует заметить, что в его «ирландских» и «валлийских» книгах почти нет рассказов о том, как «благородно» поступали ирландские вожди, валлийские принцы, английские короли и даже англо-нормандские лорды Марки. Второй пункт «апологии» Геральда таков: нет смысла описывать великие деяния, которые уже были изложены ранее (падение Трои и проч.)³⁴. Это тоже имеет отношение скорее к «ирландским» книгам, нежели к «валлийским»; последние описывают не столько «деяния», сколько «страну».

Уэльс для Геральда — «своя страна» и «родина», впрочем, он не отождествляет себя с народом, ее населяющим. Валлийцы, о нравах и обычаях которых он повествует, — чужие для автора. Отчасти поэтому Геральд заявляет о своем стремлении быть «объективным» и даже просит не обижаться на свои резкие, но правдивые высказывания³⁵. Валлийцы для Геральда Камбийского (который, безусловно, следует за

Гальфридом Монмутским) — древний народ благородного происхождения, родственный римлянам и франкам³⁶, но пришедший сейчас в упадок. Геральд называет природные грехи народа, из-за которых, по его мнению, тот некогда потерял Трою, а затем — Британию³⁷. Эти грехи, среди которых важнейшим является инцест, лишь усугубились вследствие нищеты; исключение составляет лишь гомосексуализм³⁸, наоборот, исчезнувший из-за все той же нищеты; однако на его место пришел другой порок: валлийцы верят в пророчества и тешат себя иллюзиями о возрождении былого могущества бриттов³⁹.

Таким образом, Геральд Камбрийский действительно пишет о *различии*, точнее — об *отличии* валлийцев от, например, ирландцев. Если ирландцы недостойны того острова, на котором живут, то валлийцы «выше», «благороднее» своей страны; в данном случае именно они, а не территория Уэльса, являются объектом символического «присвоения» английской короной. Тут следует обратить внимание на важнейшую деталь — речь не идет о «присвоении» одного народа другим, например, валлийцев — англичанами; Геральд подразумевает присвоение целого народа с его историей и страной, которую тот населяет, наднациональной короной, т.е. — присвоение империей, каковой королевство Плантагенетов, собственно, и являлось⁴⁰. Подчинив валлийцев, корона покорит потомков троянцев и укрепит свой имперский статус, став, некоторым образом, наследником Трои. В то время как захватив и колонизировав Ирландию, этот «Восток наоборот», мистическую Ультиму Туле, она совершит столь же важное, с символической точки зрения, деяние, как и те, кто дошел

до пределов Востока. Таким образом, империя будет оправдана мистически. Именно поэтому ранние произведения Геральда Камбрийского можно вполне определить как «имперские», «колониалистские» сочинения.

С этой точки зрения наиболее интересны последние главы второй части «Описания Уэльса», содержащие и рекомендации английской короне, как завоевать и покорить валлийцев, и советы валлийцам — как сохранить независимость. Мы уже говорили, что автор пытается быть объективным и заявляет, что должен попытаться попеременно занять обе позиции. При этом, стилистически и содержательно, наставления валлийцам звучат более непосредственно, чем советы короне. В главе VIII Геральд утверждает, что тот, кто хочет покорить валлийцев, должен, прежде всего, использовать опыт англо-нормандских лордов Марки и кампаний Генриха II в Уэльсе. По мнению автора, лишь лорды Марки на самом деле во всех тонкостях знают, как вести войны с валлийцами⁴¹; впрочем, утверждает он, и наиболее искусственные в войне против ирландцев — англо-нормандские лорды Ирландии. Видимо поэтому в VIII главе можно обнаружить большой отрывок из «Завоевания Ирландии»; значительные заимствования из этой книги содержит также IX глава «Описания», посвященная способам управления покоренным Уэльсом⁴². В ней имеются не столько конкретные рекомендации, сколько воспроизведение сложившейся еще в Античности модели отношения имперского центра с покоренными варварами.

Значительно интереснее X глава, содержащая советы валлийцам. Здесь можно найти и призывы к

валлийскому единству, и впечатляющий образ народа с великим прошлым, изживающий свои грехи в диком уголке собственных бывших владений, и эффектный финал, который можно вполне трактовать в проваллийском духе⁴³. Все это, на первый взгляд, не слишком вписывается в образ Геральда как «имперского автора». Однако «неожиданную» X главу можно трактовать и по-иному. Не пытается ли Геральд Камбрийский создать такой образ своей родины, который можно было бы поставить рядом с уже сложившимися образами таких стран, как «Англия», «Франция» и т.д.? Важно иметь в виду, что, как уже отмечалось, он описывает не только и не столько историю с географией, сколько «этническое», «особое» с точки зрения «имперского» и «универсального». Отсюда сугубая отстраненность, даже функциональность: вот так можно валлийцев завоевать, а вот так они могут сопротивляться. В 1194 г. Геральд Камбрийский был лишь потенциально ангажированным автором, лишенным всяких реальных мотиваций со стороны короны, поэтому «Описание Уэльса» можно определить как имперскую книгу, написанную без заказа власти.

А теперь несколько замечаний о месте сочинений Геральда в имперской традиции. В 1979 г. вышла в свет нашумевшая книга американского культуролога Эдварда Саида «Ориентализм»⁴⁴, в которой автор попытался сформулировать концепцию колониалистского дискурса, созданного Западом на заре Нового времени. Данное сочинение, изобилующее выпадами против западной цивилизации, установившей господство над «Востоком» с помощью ей же сформулированного концепта этого «Востока», обычно относят

к публицистическим работам, порожденным очередным обострением ближневосточного кризиса в середине 70-х гг. и настроениями в американской университетской среде того времени. Часто переиздаваемый «Ориентализм» — в таком контексте — не потерял некоторой актуальности и до сих пор. Однако материал, собранный Саидом, и выводы, к которым он пришел, заставляют отнестись к его книге с бóльшим вниманием. Если оставить в стороне политическую и идеологическую конъюнктуру, становится очевидно, что «Ориентализм» — не книга о концепте «Восток», созданном имперским Западом (который, между прочим, такой же концепт), а именно исследование колониалистского дискурса как такового. Таким образом, небезынтересно было бы попробовать рассмотреть некоторые черты «ирландских» и «валлийских» сочинений Геральда Камбрийского в контексте книги Саида.

Первая глава «Ориентализма» строится на анализе речи, произнесенной лордом Бальфуром в ходе дебатов о Египте в британской Палате общин в 1910 г. Бальфур пытается обосновать господство британской короны в этой стране «знанием ее великой истории и цивилизации»⁴⁵, что, конечно, заставляет вспомнить Геральда Камбрийского и задачи, поставленные им при создании «Топографии и истории Ирландии» и «Описания Уэльса». Эдвард Саид, в связи с утверждением Бальфура, отмечает: «объект такого знания изначально уязвим для изучения; этот объект представляет собой “факт”, который, даже если он развивается, меняется или трансформируется, как часто происходит с цивилизациями, все равно остается в основе своей, даже онтологически, стабильным»⁴⁶. Подобный вывод можно распространить не только

на идеологические конструкции лорда Бальфура, но и на рассуждения Геральда о валлийцах: несмотря на все изменения, произошедшие с ними за V—VI вв. до последней трети XII в., это тот же народ, который потерял почти всю Британию и был вынужден поселиться на западной окраине острова. Главное — вовсе не постоянно меняющаяся реальность жизни народа, главное — наше представление, дающее власть над ним: «Иметь такое знание об этой вещи — значит доминировать над ней, значит иметь над ней власть. Власть означает в данном случае для “нас” — отрицать особость “этого”, восточной страны, так как мы знаем ее и она существует, в некотором смысле, только так, как мы ее знаем»⁴⁷.

Бальфур выступает не только от себя, англичан, западной цивилизации, но и как бы от лица египтян, ибо он знает их историю, культуру, нравы⁴⁸. Но то же самое делает и Геральд Камбрийский, когда дает советы валлийцам, как отстаивать независимость, причем он основывает их, в отличие от английского государственного деятеля начала XX в., не только на знании этого народа, но и на том, что сам — отчасти валлиец. Геральду вполне можно было бы приписать такой, например, пассаж Бальфура о египтянах: «Их великие моменты — в прошлом, они нужны в нынешнем мире только потому, что могущественные современные империи эффективно извлекли их из жалкого состояния упадка...»⁴⁹. Аналогичны представлениям автора «Описания Уэльса» и цитируемые Саидом слова лорда Кромера о задачах колониальной администрации: не навязывать «свою логику», использовать знание о подчиненном народе, чтобы управлять им (или чтобы держать под контролем)⁵⁰.

Совершенно очевидно, что описанная Саидом концепция не является основой некоего специфического «ориентализма», появившегося в начале Нового времени; уже хотя бы потому, что она практически не отличается от взглядов, изложенных в «ирландских» и «валлийских» книгах Геральда Камбрийского и, конечно, в десятках других сочинений Античности и Средневековья. Трактаты Геральда (как и речи Бальфура или книги Кромера) — частные феномены того, что можно было бы назвать «присваивающим дискурсом», который характерен для культур, построенных на принципе «знание-сила», сформулированном Фрэнсисом Бэконом. Описывая — получаешь власть, выводишь объект описания из тьмы хаоса на свет порядка. В ранних книгах Геральда Камбрийского этот «свет порядка», безусловно, исходил от английской короны.

Примечания

- ¹ В данной работе речь не пойдет о «Завоевании Ирландии»; эта книга имела довольно узкую направленность и значительно отличается от других сочинений Геральда, посвященных Ирландии и Уэльсу.
- ² *Giraldi Cambrensis opera*. Vol. V. P. 351. Как уже отмечалось выше, среди первых завоевателей Ирландии были многочисленные родственники Геральда.
- ³ *Roberts B.F. Gerald of Wales*. P. 68—70.
- ⁴ *Gerald of Wales. The History...* P. 15.
- ⁵ *Ibidem*.
- ⁶ Приглашенным устраивалось также угощение. Сам Геральд отмечал, что это было «благородное дорогостоящее дело»: *Giraldi Cambrensis opera*. Vol. I. P. 72—73.
- ⁷ Другое название «Завоевания Ирландии».
- ⁸ *Gerald of Wales. The Journey through Wales*. P. 67.

- ⁹ Ibid. P. 36—39.
- ¹⁰ Ibidem.
- ¹¹ Ibid. P. 49—50.
- ¹² *Richter M. Giraldus Cambrensis. The Growth of the Welsh Nation.* P. 86—87. Это не отменяет того факта, что Хуберт читал эти книги. В 1200 г. в ходе конфликта с Геральдом вокруг епископата Сент—Дэвидса он написал послание папе римскому, которые изобиловало инвективами против валлийцев, будто позаимствованными из «Описания Уэльса». Михаэль Рихтер в своей биографии Геральда приводит его: Ibid. P. 104.
- ¹³ *Roberts B.F.* Op. cit. P. 67.
- ¹⁴ Ibid. Об Александре Неккаме см. также: *Райт Дж.К. Географические представления в эпоху крестовых походов.* М., 1988. С. 93—94.
- ¹⁵ В трактовке Михаэля Рихтера, англо-валлийских: *Richter M. Medieval Ireland.* P. 130.
- ¹⁶ Эта булла папы Адриана IV даровала Генриху II право совершить поход в Ирландию для реформирования тамошней церкви. На самом деле, реформа ирландской церкви к тому времени была завершена. См. напр.: *Richter M. Medieval Ireland.* P. 126—129. Сын Генриха II, Джон, был в 1177 г. назначен «Правителем Ирландии»: Ibid. P. 134. Геральд Камбийский, очевидно, был его советником и даже капелланом в 1185 г.
- ¹⁷ Ibid. P. 31.
- ¹⁸ О средневековом концепте «Востока» см.: *Райт Дж.К. Указ. соч.* С. 210—211.
- ¹⁹ *The History and Topography of Ireland.* P. 53—56.
- ²⁰ Ibid. P. 57—91. Этот вопрос превосходно проанализирован у Бартлетта: *Bartlett R.* Op. cit. P. 103—122.
- ²¹ *The History and Topography of Ireland.* P. 92—93.
- ²² Ibid. P. 99—100.
- ²³ Ibid. P. 106.
- ²⁴ Ibid. P. 102—103.
- ²⁵ См., например: Ibid. P. 106. Автор клеймит грех инцеста, говоря, что ирландцы, взяв себе в жены вдов своих братьев, следуют Ветхому Завету.
- ²⁶ Ibid. P. 125.
- ²⁷ Ibid. P. 124.
- ²⁸ Ibid. P. 31—32.
- ²⁹ Ibid. P. 32.
- ³⁰ *The Journey through Wales.* P. 203.
- ³¹ Ibid. P. 117—118.

- ³² Richter M. Gerald of Wales: A Reassessment on the 750 Anniversary of His Death. P. 382; Conway Davies J. Giraldus Cambrensis. 1146—1946. P. 100.
- ³³ Ibid. P. 211.
- ³⁴ Ibid. P. 211—213.
- ³⁵ Ibid. P. 255.
- ³⁶ Ibid. P. 245—246.
- ³⁷ Ibid. P. 265.
- ³⁸ Ibid. P. 264.
- ³⁹ Ibid. P. 265.
- ⁴⁰ Англию после нормандского завоевания ряд исследователей считают (и не без основания) «империей». См., например: *Le Patourel J. The Norman Empire.*
- ⁴¹ *The Journey through Wales...* P. 268.
- ⁴² Ibid. P. 271—273.
- ⁴³ Ibidem.
- ⁴⁴ *Said E. W. Orientalism.* N.Y., 1994.
- ⁴⁵ Ibid. P. 32.
- ⁴⁶ Ibidem.
- ⁴⁷ Ibid. P. 32. Совершенно очевидно, что почти всем своим теоретическим багажом Саид обязан Мишелю Фуко.
- ⁴⁸ Ibid. P. 34.
- ⁴⁹ Ibid. P. 35.
- ⁵⁰ Ibid. P. 36.

Геральд Камбрийский: границы родины, граница как родина.

«Н а следующее утро Крест проповедовали в Лландаффе. Англичане стояли по одну сторону, и валлийцы — по другую; многие из обоих народов приняли обет нести Крест»¹. Этими двумя предложениями открывается VII глава книги Геральда Камбрийского «Путешествие по Уэльсу». Данная книга стала знаменитой еще при жизни автора. Переписчики неоднократно снимали с нее копии (до сегодняшнего дня дошло семь списков). На языке оригинала «Путешествие по Уэльсу» было напечатано с 1585 по 1868 г. пять раз, с 1806 года книгу четырежды переводили на английский², причем последний из переводов издан (и переиздан) в популярной серии “Penguin Classics” в карманном формате. Однако речь здесь пойдет не о книге или ее авторе. Попробуем понять, что происходило тем утром вторника 15 марта 1188 г. на юго-востоке Уэльса, в месте под названием Лландафф; постараемся прокомментировать как это событие, так и процитированный пассаж из книги Геральда Камбрийского и, поместив их в широкий исторический контекст, сделать некоторые предположения по поводу того, как соотносились в сознании европейца Высокого Средневековья понятия «граница» и «родина». Метод нашего исследования обратен наведению фокуса в подзорной трубе или микроскопе: он заключается не в наведении резкости на одну точку, а в последовательном расширении территории-

ального и временного масштаба вокруг одного совершенно рядового исторического факта. Комментируя событие, мы не только объясняем его само; комментарии складываются в довольно отчетливую картину представлений средневекового человека о родине и ее границах.

Нижеследующий текст, собственно говоря, является последовательным ответом на три вопроса. Где конкретно (в широком историко-географическом, историко-политическом и историко-культурном смысле) происходило это событие? Что именно случилось 15 марта 1188 г. в Лландаффе? Почему Геральд Камбрийский описал (и именно *так*) это событие?

Начнем с первого. Лландафф расположен на юго-востоке Уэльса, рядом с нынешней столицей Княжества Уэльс — Кардиффом. В те годы он был на территории валлийской Марки, а именно в графстве Гламорган³. Это графство, в основном, совпадает с владениями древневаллийского королевства Морганнуг, которое было завоевано нормандцами в конце XI в. Во главе Гламоргана стоял близкий соратник английского короля Вильгельма II Роберт Фицхамо. К концу XII в., о котором идет речь, это было одно из самых колонизованных, богатых и стабильных владений Марки. Колонизаторы — нормандцы, французы, фламандцы, англичане — селились здесь (как и во всей Марке) только на равнине; за небольшим исключением — на довольно узкой полоске вдоль побережья Бристольского залива. Все, что находилось выше, на холмах и в горах, продолжало оставаться «традиционным валлийским миром». Англо-нормандцы периодически предпринимали попытки усилить контроль над местными валлийскими правителями;

те, в свою очередь, пользуясь ослаблением пришлых лордов, совершали набеги на их владения. Да и в мирное время говорить о полном подчинении местных династий англо-нормандскими лордами нельзя. Так, например, валлийские правители маленькой территории Сенгеннид, расположенной всего в нескольких километрах от Кардиффа, были практически независимыми⁴. Политически графство Гламорган ослабло к интересующему нас 1188 г. — Вильям Глостер умер в 1183 г., не оставив совершеннолетнего наследника, его владения отданы под опеку короны, а в 1189 г. они перешли сыну английского короля Генриха II Джону, который женился на дочери графа Вильяма Изабелле и таким образом получил Гламорган⁵. Принц Джон (Иоанн) станет английским королем в 1199 г. после смерти своего брата Ричарда I Львиное Сердце и войдет в историю под именем «Безземельного». Соответственно, Гламорган будет коронным владением вплоть до самой его смерти в 1216 г.⁶

Лландафф, в котором 15 марта 1188 г. англичан и валлийцев призывали отправиться в крестовый поход, был одним из четырех главных епископальных центров Уэльса⁷. Диоцеза Лландаффа охватывала два графства валлийской Марки — сам Гламорган и Гвент, иными словами — весь юго-восток Уэльса. Местные епископы соперничали с епископами Бангора, Сент—Азафа и, конечно же, могущественного Сент—Дэвидса. В 20-е гг. XII в. здесь была даже составлена т.н. «Книга Лландаффа», которая содержала исторические обоснования (практически все — сфабрикованные) претензий местных епископов на первенство среди других диоцезов Уэльса. Инициатором этого начинания был епископ Лландаффа Ур-

бан — нормандец, назначенный на пост по инициативе английской короны; первый глава валлийской диоцезы, признавший верховную власть Кентербери в качестве церковной метрополии⁸. До Урбана епископами Лландаффа были местные уроженцы, которые настаивали на автономии валлийской церкви. В 1188 г. епископом был англо-нормандец Вильям, при котором напряженные отношения между диоцезами Лландаффа и Сент—Дэвидса сохранялись. Следует также отметить, что церкви, а в данном случае — Лландаф, были чуть ли не единственным местом, где пересекались два параллельных мира Марки: валлийский и англо-нормандский. Именно так произошло и 15 марта 1188 г.

Теперь о том, *что же именно* произошло в Лландаффе в тот день. Для этого следует отступить на три года назад. В 1185 г. Гераклий, патриарх Иерусалима, прибыл в Англию, чтобы склонить короля Генриха II к участию в новом крестовом походе⁹. К тому времени крестоносному движению было чуть меньше ста лет и его пик остался позади. Владения крестоносцев на Ближнем Востоке стремительно сокращались под натиском новой силы — турок-сельджуков, которых возглавлял султан Саладин. Саладин угрожал самому важному крестоносному завоеванию, Иерусалиму, с его главной христианской реликвией — Гробом Господнем. Чтобы остановить натиск турок, Гераклий отправился в Европу. Уже после начала его миссии в 1187 г. Саладин взял Иерусалим, и этот город был навсегда потерян для крестоносцев. Но вернемся в Англию. Генрих II сначала отказался отправиться на Восток, однако потом передумал и принял крестовый обет вместе с сыном Ричардом. После этого

тогдашний архиепископ Кентерберийский Балдуин отбыл в Уэльс проповедовать крестовый поход. Впрочем, поездка имела еще одну цель: Кентербери хотел еще раз продемонстрировать свой контроль над валлийскими диоцезами. Примаса в поездке сопровождал Геральд Камбрийский. Поездка по Уэльсу Балдуина началась 4 марта в Херефорде и завершилась там же 23 апреля — архиепископ объехал регион по периметру. Маршрут был составлен таким образом, что Балдуин смог проповедовать во всех четырех епископальных центрах Уэльса и встретиться практически со всеми важнейшими политическими фигурами — с лордами и валлийскими правителями Марки, а также с независимыми валлийскими принцами юга и северо-запада. Лландафф находился в самом начале маршрута. Балдуин со своими спутниками прибыл сюда из Кардиффа, где накануне они провели ночь. На следующее утро после проповеди 15 марта архиепископ отслужил в Лландаффе мессу и отправился дальше — в аббатство Маргам.

Перед тем, как перейти от события в Лландаффе к его описанию в книге Геральда Камбрийского, к его исторической интерпретации и к самому автору, — несколько слов в завершение сюжета с третьим крестовым походом. Английский король Генрих II не смог принять участие в походе в Палестину, т.к. был вынужден начать военные действия против собственных сыновей Ричарда и Джона, которые составили заговор против него. Преследуемый их войсками, Генрих умер во Франции, в Шиноне 6 июля 1189 г. Королем стал Ричард, на следующий же год отправившийся с войском на Восток в союзе с французским королем Филиппом II Августом и герман-

ским императором Фридрихом I Барбароссой. Геральд, который тоже дал крестоносный обет в 1188 г., был освобожден от него архиепископом Балдуином, т.к. новый английский король направил его с неким дипломатическим поручением в Уэльс. Сам Балдуин принял участие в экспедиции, где и умер в лагере крестоносцев, осаждавших сирийский город Акра. Печальные итоги третьего крестового похода известны: Фридрих Барбаросса утонул при переправе через реку в Сирии, а Филипп Август из-за разногласий с Ричардом Львиное Сердце покинул Восток и вернулся во Францию. Оставшись один, Ричард вел довольно успешные военные действия против Саладина, однако взять Иерусалим не смог. Заключив почетный мир с султаном, он решил вернуться в Англию, где за него правил брат Джон. Но на обратном пути английский король был заключен под стражу в Зальцбурге австрийским герцогом Леопольдом, который потом передал пленника новому германскому императору Генриху VI. Важнейшую роль в этом заговоре сыграл и старый недруг английского короля Филипп II Август. Ричард Львиное Сердце, в конце концов, был освобожден за гигантский выкуп. После возвращения он открыл военные действия во Франции и в 1199 г. был убит там при осаде замка¹⁰.

Но вернемся к пассажиру из книги Геральда Камбрийского. «Англичане стояли по одну сторону, и валлийцы — по другую; многие из обоих народов приняли обет нести Крест». Во дворе церкви в Лландаффе стоят — отдельно! — англичане и валлийцы. Геральд, говоря о том, что на призыв Балдуина откликнулись многие из присутствующих, не забывает отметить — это были представители каждого из этих

народов. Ситуация типичная для границы, для Марки — и для валлийской, и для испанской, и для любой другой: несколько «народов» рядом. Но что подразумевалось в те времена под словом «народ», и в чем виделось как различие между народами, так и принадлежность к одному из них? Тут следует сделать пространное отступление, хронологическое и географическое, и обратиться к процессам большего исторического масштаба и длительности.

Около 900 г. н.э. монах Регино из города Прюм так определил разницу между одним народом и другим: «разница в происхождении, в обычаях, в языке и законах»¹¹. В противоположность новому и новейшему времени, когда заговорили о «крови и почве», в Средние века существенными считались последние три различия из определения Регино; так что чисто теоретически можно представить себе средневекового человека, принявшего чужие обычаи, язык и законы и, тем самым, сменившего свою принадлежность к определенному народу. Поясним, о чем идет речь, когда мы говорим об «обычаях», «языке» и «законах».

Под «обычаями» понимали одежду, внешний вид, правила гигиены, кулинарию, привычки, манеру поведения и так далее. Все эти вещи воспринимались в Средние века как важнейшие — недаром тогдашние путешественники уделяли им много внимания в описаниях собственных странствий. С одной стороны, свои обычаи защищали от чужаков — известны законодательные запреты перенимать обычаи соседей. Особенно часто такие законы принимались в пограничных колонизованных землях.

Другим принципиальным пунктом дифференциации народов была разница языков. Средневековые церковные писатели, поддерживая, естественно, идею единого происхождения человечества, считали именно Вавилонское смешение языков исходным моментом формирования разных народов. Знаменитый энциклопедист второй половины VI—начала VII в. Исидор Севильский писал: «Народы произошли от разных языков, а не языки от разных народов»¹². Пограничные районы и различные Марки — районы, где в ходу было сразу несколько языков, так что там в самых маленьких селениях можно было услышать самую разную речь. Богемский хронист Петер из Циттау отмечает: «Многие наши люди говорят сейчас на улицах на разных языках»¹³. Речь здесь идет о Богемии, где местное чешское население соседствовало с немецким и еврейским. Во время поездки архиепископа Балдуина по Уэльсу ему пришлось нанимать переводчиков, иначе он не смог бы объяснить с валлийцами¹⁴. Заметим, что в валлийской Марке были люди, которые получали во владение землю в обмен на переводческую службу. Подобные примеры можно привести и в отношении других европейских приграничных территорий. Некоторые из правителей таких земель вынуждены были даже применять в государственном управлении двуязычие: последние чешские короли из династии Пржемысловичей носили как чешские, так и немецкие имена. Пржемысл Оттокар II даже имел сразу две королевские печати: одну для своих чешских владений (с чешским именем Пржемысл), вторую — для немецких (с немецким именем Оттокар)¹⁵. Естественно, во всех приграничных землях и Марках разные

языки выстраивались определенным иерархическим образом: языки колонизаторов были выше языков колонизируемых. Однако подобная иерархия часто осложнялась разными побочными обстоятельствами; например, в Марке Уэльса территории, находящиеся выше определенного количества метров над уровнем моря, были, как мы уже отмечали, чисто валлийскими, и эти анклавные территории существовали внутри лингвистически смешанного равнинного общества. И, наконец, последнее обстоятельство, касающееся языков в пограничных землях. Иногда колониальные власти предпринимали попытки ограничить использование местного языка и даже в ряде случаев запретить его (как в случае деятельности английской администрации в Ирландии¹⁶), но все эти примеры относятся к времени после начала XIII в.

Третье принципиальное различие между народами, как это виделось в Средние века, — разница в законах. Еще с Раннего Средневековья само понятие «закона», «законодательства» носило ярко выраженный этнический характер — об этом говорят сами их названия: «Салическая правда», «Бургундская правда», «Русская правда». Соответственно, в приграничных землях, в Марках разные правовые обычаи сосуществовали рядом и чаще всего человека судили (за исключением преступлений против короны и церкви) на основании права того народа, к которому он принадлежал. Та же практика существовала и в валлийской Марке, а после завоевания остального Уэльса английским королем Эдуардом I в 1282—83 гг. — и в валлийских землях, отошедших к короне. Данный принцип (за одним, но очень важным исключением, о котором мы поговорим позже) отражен и в итогов-

вом правовом документе этого завоевания: «Валлийском статуте» Эдуарда I¹⁷. Существовали, конечно, и исключения из правила: например, хартия города Зальцведель, основанного на славянских землях, гласила, что и немцы, и славяне будут одинаково отвечать перед одним законом. Но этот документ датируется 1247 г.¹⁸ и подобные случаи характерны, скорее, для XIII—XIV вв., нежели для более раннего периода. Колонизаторы, власти пограничных земель порой вводили и некоторые новшества — наперекор традициям; иногда эти новшества даже не воспринимались отрицательно (т.е. так, как обычно в Средние века относились к инновациям). Эдуард I ввел в «Валлийском статуте» право женщин на свою долю в наследстве — такого права в Уэльсе не знали. Подобное же новшество было принято немецкими администраторами в Пруссии XIII в. Наконец, можно привести целый ряд примеров того, как люди сознательно переходили из-под юрисдикции «своего» закона, закона своего народа под действие закона соседей. Тем самым, они делали решительный шаг в смене принадлежности к определенному народу.

Подводя итог нашим рассуждениям о существовании разных «законов», «правд» на пограничных территориях, в Марках, выделим три основных варианта их соотношения:

1. Случай этнически-юридических анклавов. Например, немецкие колонисты в славянских монархиях Центральной и Восточной Европы (в Чехии или Польше) обладали почти полным юридическим иммунитетом.

2. Случай, когда власти пытаются вытеснить местное право, не уравнивая население конкретной

территории с колонистами, принесшими свои юридические нормы. Речь идет об Ирландии, точнее — той ее части, которая была колонизована английской короной¹⁹.

3. Случай долгого сосуществования разных «законов» и систем права. Так это было на валлийской Марке, отчасти даже после присоединения остального Уэльса к английской монархии.

Кратко остановимся теперь на еще одном важном аспекте жизни средневековых пограничных областей, всевозможных Марок — от валлийской до испанской. Имеется в виду институция, в которой и проходило событие, описанное в книге Геральда Камбрийского — церковь. В церковном отношении европейские приграничные области можно разделить на две категории: те, где живущие там разные народы принадлежали к разным религиям (например, в Испании и Прибалтике), и те, где они исповедовали одну религию. Впрочем, и во втором случае были свои различия — в церковной организации. В Уэльсе (в меньшей степени) и в Ирландии (в большей) это было различие между местной («кельтской») церковью и унифицированным иерархическим католицизмом с папой во главе. «Реформа церкви» — одно из важнейших идеологических обоснований захвата английской короной кельтских земель. Как уже говорилось выше, свое появление в Ирландии Генрих II объяснял ссылкой на папскую буллу 1155 г. “Laudabiliter” и представлял эту экспедицию чуть ли не как крестовый поход. Англо-нормандцы не только навязывали валлийцам и ирландцам иную церковную модель²⁰, они принципиально не назначали на высшие должности в реформированной церкви представителей мест-

ного клира. В высшей степени показательна здесь судьба самого Геральда Камбрийского.

И вот мы переходим к третьему вопросу, поставленному в начале нашего рассуждения. «Почему Геральд Камбрийский описал (и именно *так*) это событие?». Кто такой Геральд, уже много говорилось выше — клирик, ученый, церковный писатель, автор множества книг, потомок влиятельных валлийских и нормандских фамилий Уэльса, племянник епископа Сент—Дэвидса, архидьякон Брекона и т.д. Геральд Камбрийский существовал в языковом, политическом и культурном пограничье. Для этого, как сказал бы Жак Ле Гофф, «средневекового интеллектуала»²¹, который учился в Париже, довольно долго жил в Риме и служил английской короне, родиной была небольшая область, разделявшая английское королевство и кельтскую окраину Британии. Область, где бок о бок жили два (иногда и больше) разноязычных народа, каждый по своему обычаю, закону, однако такое соседство (чаще всего выразившееся во вражде) создавало некое иное качество, резко отличающее эту территорию от соседних²². Англичане и валлийцы, порознь стоящие во дворе церкви в Лландафе, — очень точная и емкая метафора валлийской Марки. Геральд Камбрийский дал эту метафору, не подозревая, что она является таковой. Он просто описывал земляков, компатриотов, соотечественников — тех, для которых пределы родины были определены границами валлийской Марки, валлийской Границы. Но, в отличие от них, только Геральд осознавал, что именно Граница — вся, как феномен — является его родиной. Описав ее как родину, он в каком-то смысле изобрел родину для себя.

Примечания

- ¹ *Gerald of Wales. The Journey Through Wales.* P. 126.
- ² *Ibid.* P. 36—39.
- ³ Истории валлийской Марки в целом (и Гламоргана, в частности) посвящено множество работ; называю здесь самые общие: *Davies R.R. Kings, Lords and Liberties in the March of Wales, 1066—1272 // Transactions of the Royal Historical Society, 5-th series, 1979. Vol. XXIX. P. 41—61; Davies R.R. Frontier Arrangements in Fragmented Societies; Edwards J.G. The Normans and the Welsh March.*
- ⁴ *Davies R.R. Kings, Lords and Liberties.* P. 273.
- ⁵ *Ibid.* P. 470.
- ⁶ Кажется, лучшая до сих пор биография Иоанна Безземельного: *Warren W. L. King John.* London, 1964.
- ⁷ Помимо глав в работах Венди Дэвис и Риса Дэвиса, посвященных валлийской церкви в Средние века, см.: *A History of The Church in Wales / Ed. by D. Walker.* Cardiff, 1990.
- ⁸ *Davies R.R. Kings, Lords and Liberties.* P. 183.
- ⁹ *Gerald of Wales.* *Op. cit.* P. 15—16.
- ¹⁰ Самая исчерпывающая на сегодняшний день биография Ричарда I: *Gillingham J. Richard I.* London, 1999.
- ¹¹ Цит. по: *Bartlett R. The Making of Europe: Conquest, Colonization and Cultural Change, 950—1350.* Harmondsworth, 1993. P. 197.
- ¹² Цит. по: *Bartlett R. The Making of Europe.* P. 198.
- ¹³ *Ibid.* P. 199.
- ¹⁴ *Gerald of Wales.* *Op. cit.* P. 29. О языковой ситуации в средневековом Уэльсе см.: *Richter M. Sprache und Gesellschaft in Mittelalter.* Stuttgart, 1979; *Smith L.B. The Welsh Language before 1536 // The Welsh Language before the Industrial Revolution.* Cardiff, 1997; *Pryce H. Lawbooks and Literacy in Medieval Wales // Speculum.* 2000. Vol. 75. P. 29—67; *Фалилеев А. Круг чтения в условиях многоязычия: Уэльс в конце XIV в. // Новое литературное обозрение.* 2004. Т. 68.
- ¹⁵ *Bartlett R. The Making of Europe.* P. 201.
- ¹⁶ О деятельности английских колонизационных властей в средневековой Ирландии см. соответствующие разделы в: *Walker D. The Normans in Britain; Richter M. Medieval Ireland: The Enduring Tradition.*
- ¹⁷ *Smith L. The Statute of Wales, 1284 // The Welsh History Review.* 1980. Vol. X. № 2. P. 127—153.
- ¹⁸ *Bartlett R. The Making of Europe.* P. 206.

- ¹⁹ Ирландия, действительно, представляет собой уникальный случай юридической и лингвистической дискриминации местного населения. После появления на острове англо-нормандцев в 1171 г. во всех здешних королевских владениях власти вводили то же законодательство, которое действовало и в Англии. До смерти Иоанна Безземельного речь шла только о владениях короны, однако потом действие Common Law начали распространять на всю Ирландию. В XIII в. корона пыталась строго следить за этим процессом. Но, на самом деле, действие английского права имело отношение только к поселенцам, а не к ирландцам. Именно по поводу такой дискриминации жаловались ирландские вожди в письме римскому папе в 1317 г. Там говорится, что любой не-ирландец может подать жалобу в суд на ирландца, но не наоборот. В результате, местное население Ирландии — в глазах английской правовой системы — было юридически неполноценным. Не говоря уже о том, что ирландцы не имели права на «вдовью часть наследства», права составлять завещание; формально за убийство ирландца колонисту не полагалась никакого наказания. Впрочем, в последнем случае в силу вступал уже другой механизм. За убитого мог быть выплачен штраф — лорду убитого. Здесь мы видим вторжение ирландского права (подобного рода выплата, «вергельд», известна всем «варварским правдам»). Такая эрозия английского Common Law объясняется довольно просто — за пределами зон английского контроля (да иногда и внутри них) в Ирландии господствовали местные правовые обычаи. См.: *Bartlett R. The Making of Europe. P. 214—215.*
- ²⁰ В Шотландии — особый случай, здесь новые церковные порядки вводили сами местные короли: *Barrow G.W.S. Kingship and Unity. P. 69—93.* Очень важная работа по церковному праву в средневековом Уэльсе: *Pryce H. Native Law and the Church in Medieval Wales. Oxford, 1993.*
- ²¹ *Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века. СПб., 2003.*
- ²² О проблеме национальной идентичности в Уэльсе и на валлийской Границе: *Davies R.R. The Peoples of Britain and Ireland 1100—1400 I. Identities // Transactions of The Royal Historical Society. 6th series. 1994. Vol. IV. P. 1—20; Davies R.R. The Peoples of Britain and Ireland 1100—1400 II. Names, Boundaries and Regnal Solidarities // Transactions of The Royal Historical Society. 6th series. 1995. Vol. V. P. 1—20; Davies R.R. The Peoples of Britain and Ireland 1100—1400. III. Laws and Customs // Transactions of The Royal Historical Society. 6th series. 1996. Vol. VI. P. 1—23; Davies R.R. Frontier Arrangements in Fragmented Societies; *Walker D. Cultural Survival in an Age of Conquest.**

Глава III
Медиевистика:
несколько случаев
рефлексии

Эрнст Канторович над историей: дробящиеся тела власти

«... среди медиевистов весьма многие уважают Канторовича “платонически” — зная его труд в основном по пересказам, отдельным цитатам или отрывкам. Осилить несколько сотен страниц, наполненных знаниями весьма специального свойства, непросто, даже несмотря на юмор, которым Канторович пытается, в доброй старой англосаксонской традиции, иногда сдобривать свою работу. “Обычного” читателя может отпугнуть уже один только вид огромных “подвалов” с цитатами и ссылками на источники и научную литературу, украшающих едва ли не каждую страницу. Что касается академической публики, то справочный аппарат в книге Канторовича лишил дара речи американских, а позже и французских интеллектуалов своей пространностью, точностью и обстоятельностью. Уже из-за него одного о “Двух телах короля” нередко отзывались с восторгом как о недостижимом эталоне научного тщания. Правда, в Германии восклицаний такого рода не звучало — в тамошнем научном сообществе искони считалось само собой разумеющимся, что любое всерьез высказываемое утверждение следует снабжать исчерпывающими обоснованиями»¹.

М.А. Бойцов

«Ницше предложил две меры против “исторической болезни”: во-первых, строгое ограничение Исторического: с одной стороны Неисторическим (*das Unhistorische*), с другой — Надысторическим (*das Uberhistorische*). Неисторическое — это забвение, важнейшая жизненная сила (как писал Ницше в 1874 г., “без забвения жить вообще совершенно невозможно”). Надысторическое же — это те силы, которые отвращают взор от Становления и направляют его на то, что вечно и значение чего не меняется, а именно — на искусство и религию. Таким образом — и в этом заключается второе требование Ницше — истории, чтобы она могла вновь встать на службу жизни, следует перестать быть наукой. Именно такую позицию занимали в годы Веймарской республики члены кружка Георге»².

О.Г. Эксле

Книга, которую мало кто *на самом деле* прочел от корки до корки, книга знаменитая и, как сейчас любят говорить, «влиятельная», книга на самую актуальную в западном гуманитарном знании тему последних сорока примерно лет — о власти, впервые вышла в русском переводе в 2014 г. Семь с половиной сотен страниц, снабженных монструозными сносками, библиографией, именным указателем, превосходным предисловием со-переводчика и научного редактора (который и сам крупный медиевист) — кто бросится изучать все это в сегодняшней России? Тот, кто хотел, уже раньше открывал английский оригинал «Двух тел». Тот, кому было лень или недосуг — сейчас вряд ли примется изучать даже русское издание. «Широкая гуманитарная публика», понаслышке знающая о каких-то «двух телах» монарха (одно, скажем, принимает ванну, а другое заседает в Государственном Совете) и встретившая у Фуко ссылку на некоего «Канторовица», русский перевод откроет и тут же закроет. Дело не в качестве перевода — он, по моим скромным наблюдениям, превосходный. И не в стиле автора; как точно указывает Михаил Бойцов, Канторович пишет очень хорошо (иногда скучновато, но одно другому не мешает). Получается, что в природе «Двух тел короля» есть нечто, отвергающее саму идею коммуникации как с академическим сообществом, так и с образованным читателем вообще. Эта книга кажется герметичной, но вовсе не предметом исследования. Более того, первая работа Эрнста Канторовича, «Император Фридрих II», сразу по публикации стала очень популярной, в частности, увы, среди не самых приятных людей того времени (и XX в. вообще) — ее читали и перечитывали Гиммлер и Гитлер, а Геринг подарил

«Фридриха II» Муссолини. Если стиль Канторовича и изменился за двадцать с лишним лет между «Фридрихом II» и «Двумя телами короля», то только в сторону бóльшего оттачивания. Плюс переход с немецкого на английский способствовал общей читабельности.

Писать сегодня нечто вроде рецензии на книгу, которая вышла 57 лет назад, только из-за того, что ее перевели на еще один европейский язык — глупо и даже оскорбительно для российской гуманитарной публики. Но большой труд Эрнста Канторовича требует большого разговора — а он начался еще в конце пятидесятых и продолжается до сих пор. Мне кажется, еще одна реплика здесь не помешает — и вот в таком случае выход русского издания³ предлагает хороший повод. Одним из базовых представлений, когда мы говорим/думаем об обществе, является коммуникация. Оттого особенно интересно попытаться понять, почему в «Двух телах короля» отсутствует возможность какой бы то ни было внешней коммуникации. Собственно, это тема о взаимоотношении истории, историографии и общества.

Итак, главный объект: книга Эрнста Канторовича «Два тела короля» как вещь в себе, как страшно сложный, избыточный жест в неведомой окружающим игре. Главная моя гипотеза (высказываю ее здесь априори): возможность коммуникации, обсуждения, воспроизводства и передачи знания в «Двух телах» отсутствует. Причем, как уже отмечалось, это не отсутствие коммуникации с «широкой публикой», а исключение самой идеи связи даже с собственным академическим сообществом (см. высказывание, приведенное в эпиграфе М. Бойцова). При этом любой, кто пишет о «Двух телах короля», попадает в странную, почти безвыходную си-

туацию. Замысел книги и ее выводы можно спокойно описать в нескольких фразах — мол, в Средневековье и раннем Новом времени, в результате смешения античной политической и юридической традиции и Христианства сложилась концепция двуприродности короля, правителя. Двуприродность эта, исходящая как из христианской концепции двуприродности человека вообще (душа и тело), так и из двойственности легалистских представлений о Правосудии, Законе (Потенциальный Закон и Закон в Действии, Воплощенный), в течение семи-восьми веков, начиная с европейского Раннего Средневековья, сильно менялась, наполнялась разными элементами, характерными для конкретного исторического контекста, и так далее. Однако сам принцип оставался неизменным: есть физическое тело, собственно, короля, которое существует во времени, а есть его так называемое «политическое тело», которое является совокупностью разных элементов, оно, по сути, мистическое, освящено благодатью и пребывает в вечности. Апофеозом такого дуализма стали события Гражданской войны в Англии, когда решением парламента король Карл I был казнен. Трактовалось это событие не как сюжет «восставшие подданные судили и убили монарха», а как вполне законное действие политического тела короля (в частности, того элемента, что называется «король в парламенте») в отношении его физического тела. Грубо и очень приблизительно говоря, таково содержание этой книги. При том, в ней почти восемьсот страниц, битком набитых фактами, их интерпретациями и интерпретациями интерпретаций. Некоторые разделы «Двух тел» представляют собой чистый экфразис — соответственно, в книге представлен богатый изобразительный материал. Читая труд Кан-

торовича, понимаешь, что это изобилие всего — слов, страниц, фактов, сносок, иллюстраций и прочего — неслучайно. Дело не в неспособности автора справиться с накопленным им богатейшим материалом, что бывает очень часто. Наоборот, книга сделана продуманно и даже элегантно, если гиганты бывают элегантными. О том, что стоит за всем этим, с какой странной разнообразностью историографии нам в данном случае приходится иметь дело — обо всем этом я буду говорить позже. Сейчас же, для начала очень простой вопрос: как писать о такой книге? Пересказ основной ее идеи годится для популярного радио- или телеобзора книжных новинок. Чтобы более серьезно говорить о «Двух телах», нужно идти след в след за автором с первой и до последней страницы. Так как заметок, рассуждений, вопросов у внимательного читателя возникает не меньше, чем суждений и фактов у Канторовича, то такое «серьезное суждение» грозит оказаться величиной в сам читаемый труд. Получится уже не статья или эссе, а объемистое историографическое исследование. Патовая ситуация в квадрате: не только эту книгу читать дьявольски тяжело, о ней почти невозможно написать. Тем более, написать сегодня на русском по поводу первого русского перевода «Двух тел». Обратить свой разум в *tabula rasa*, прикинувшись, что эта книга только появилась, в связи с чем затеять ее обсуждение — наивный и ложный ход. Что же остается посередине, между заметкой в дюжину фраз и огромным тщательным исследованием, шедевром «искусства для искусства»? Почти ничего. Разве что вот такой вариант. Учитывая (и это отмечает в своем предисловии М. Бойцов), что каждая глава (а иногда даже и каждая подглавка) «Двух тел короля» есть вполне заверченный сюжет в себе,

где отражена вся книга целиком, то можно попытаться проанализировать лишь ее часть, один или несколько из мегасюжетов средней величины. Предпринять это, имея в виду сразу три историко-культурных контекста. Контекст конкретной эпохи, с которой в данный момент (в данной части книги) работает Канторович, контекст (и идейная биография) самого автора и сегодняшний контекст, пятидесяти с лишним лет спустя после первого издания «Двух тел».

Попытавшись понять, как сделан определенный кусок книги, мы поймем, как сделана вся она, не рискуя впасть в гигантоманию биографа или прилежного интерпретатора. Более того, возникает возможность обсудить тот самый главный вопрос — зачем нужно было создавать историографический шедевр, исключаящую любую коммуникацию? Если это действительно был жест, то почему столь монструозно-сложный? К кому он был обращен? В итоге, мы можем перейти к более общей проблеме, весьма сегодня актуальной — о границах того, что называют «историей», «историографией». Что такое «Два тела короля»? Сделанное с параноидальной немецкой тщательностью историческое исследование или что-то иное, лишь прикидывающееся академической штудией? Рассуждение на эту тему имеет отношение к нашим представлениям о функционировании, производстве и воспроизводстве знания о прошлом в XX в. — что не только совершенно необходимо для любого члена содружества гуманитариев, но также помогает понять историю (в частности, интеллектуальную) прошлого столетия и даже сегодняшнюю ситуацию.

Перед началом основной части анализа следует обратить внимание на несколько обстоятельств, каса-

ющихся самого автора и времени, в котором он жил. Эрнст Хартвиг Канторович родился в богатой еврейской семье промышленника-винокура в 1895 г. в Познани, городе, бывшем тогда частью Германской империи. Неизбежный для тех времен и территорий выбор между идентичностью собственной (еврейской), локальной (в данном случае, польской) и универсально-имперской (немецкой) был, естественно, сделан в пользу последней — точно так же, как в славянской части другой немецкоязычной империи, Австро-Венгерской, подобный же выбор был сделан в отношении юного Франца Кафки (хотя его отец «сконструировал» самому себе иную — чешскую — идентичность). Еврейство Канторовича, думаю, почти никак не сказалось на его интеллектуальной биографии, зато сильно отразилось на физической биографии его семьи и (в меньшей степени) его самого. Мать и двоюродная сестра Эрнста погибли в Терезине во время войны, сам он — несмотря на успех его первой книги среди нацистской верхушки и собственные крайне националистические взгляды — едва успел бежать из Третьего рейха в 1938-м. Так или иначе, Канторович воспитал себя, сделал себя немецким «культурным националистом», разделявшим элитистскую идею т.н. «Тайной Германии», которую культивировали в кружке знаменитого поэта и «учителя» Штефана Георге⁴. Не получив сколь-нибудь серьезного образования, Канторович воевал на самых разнообразных фронтах Первой мировой, потом, после ее окончания, участвовал в боях с красными и поляками в Познани, а затем — в подавлении спартаковского восстания в Берлине и Мюнхене (был даже ранен). После установления презираемой им Веймарской республики он доучился-таки в

университете (но не по той специальности, в которой потом прославился, не по медиевистике), познакомился с Георге и его окружением и принялся сосредоточенно трудиться над историческими сочинениями, благо средства семьи тогда позволяли ему не работать. До рубежа 20—30-х гг. Канторович вообще не принадлежал к академической среде, да и потом, когда его приняли сначала «гонорар-профессором», а позднее и полным профессором во Франкфуртский университет, так и остался белой вороной. Отметим это очень важное обстоятельство — историк, чьи труды, как считается, представляют собой плоды невероятной академической учености, на первом этапе своей деятельности был в Академии почти посторонним. Да и потом, уже в Америке, сохранял от нее некоторую дистанцию — хотя и прославился в Беркли как мужественный боец за невмешательство государства в университетскую автономию. Первый том «Фридриха II» вышел в 1927-м, к удовольствию непрофессионального читателя и ярости профессионального, без единой ссылки. Второй том, состоящий из одних ссылок и всей научной машинерии, скрытой за блестящим нарративом первого, увидел свет в 1931-м. Потом последовал приход нацистов к власти, амбивалентные отношения Канторовича (и его учителя Георге) с новым режимом, смерть Георге, начало преследований еврея-немецкого националиста, наконец, бегство сначала в Британию, а потом в США. В Соединенных Штатах Канторович осел в Беркли, где в 1946 вышла его вторая книга “*Laudes Regiae: A Study in Liturgical Acclamations and Mediaeval Ruler Worship*”, никакого шума не вызвавшая как в силу очень узкого предмета исследования, так и наступивших новых времен, когда

мало кому было дело до средневековых способов восхваления правителей. С правителями, даже в США, у Канторовича случались нелады; в 1949—1950-м он вместе с коллегами по Беркли выступил против маккартистских притязаний на свободу взглядов членов университетских корпораций и покинул Калифорнию. До самой смерти в 1963 г. Эрнст Канторович работал в Принстоне. Там же в 1957 г. вышли «Два тела короля». После войны Канторовича (который до декабря 1941 г. получал оклад профессора-эмеритуса во Франкфурте) звали вернуться на родину. Естественно (и по разным причинам, в которые сейчас нет смысла вдаваться), никакого энтузиазма это предложение не вызвало.

Обратим внимание на несколько пунктов биографии Канторовича, интеллектуальной и политической, которые могут нам пригодиться. Прежде всего, случай еврея, сознательно ставшего крайним немецким националистом, точнее, *сделавшего себя таковым*, был в 20-е—30-е гг. нередок. Сошлюсь лишь на два примера. Пауль Витгенштейн, брат философа Людвиг Витгенштейна, пианист-любитель, потерявший руку в Первой мировой войне, поддерживал австрийских крайне правых до самого аншлюса Австрии. Его семья преследовалась Гитлером, сам же Пауль оказался гонимым и из-за еврейского происхождения, и из-за тесных связей с соперниками Гитлера на крайнем правом политическом фланге. Другой случай — Пауль Ландсберг, член кружка Штефана Георге, автор нашумевшей в свое время книги «Средневековье и мы» (там есть все расхожие правые идеи того времени — «консервативная революция», «революция Вечного» и даже «новое Средневековье»). Ландсберг раньше Канторовича понял, чем лично ему грозит приход к власти нацистов,

поэтому с 1933 г. он жил в Париже, Барселоне (откуда бежал во время Гражданской войны), в начале Второй мировой скрывался под чужим именем во Франции, но его-таки арестовали и отправили в Заксенхаузен, где певец Средневековья, критик либерализма и демократии погиб в 1944 г. Перед нами не истории страшного персонального заблуждения нескольких людей, а примеры того, куда заводила логика конструированной идентичности эпохи модерна — в тех случаях, когда такая «искусственная» культурная идентичность сталкивается с архаикой этнического национализма и расизма. Это очень важно понимать, имея в виду одну из главных тем «Двух тел короля» — сконструированную сакральность власти монарха. В каком-то смысле, данная книга рассказывает несколько десятков сюжетов о том, как людьми конструируются некие идеологии и юридические концепции («политическая теология», как сказано в подзаголовке работы), выдаваемые за сакральные и вечные. Самое любопытное, что сами авторы подобных конструкций искренне считали их действительно сакральными.

Второе, «биографическое», соображение касается первой и последней книг Канторовича. Как они соотносятся — историко-идеологический шедевр, имевший самого разного читателя, в основном, восторженного, и очень странное чисто академическое сочинение («малочитабельное»), тем не менее, на сегодняшний день, прославившее автора гораздо больше первого? Разница между «Фридрихом II» и «Двумя телами короля», безусловно, гигантская, не в последнюю очередь, из-за разницы исторических контекстов написания и позиции самого автора. Между молодым наследником большого состояния, который

мечтает о «вечном Средневековье» и «тайной Германии», и блестящим европейским профессором-эмигрантом в послевоенном Принстоне — пропасть. Но будем иметь в виду — это один и тот же человек, который последовательно додумывает одни и те же мысли и видит все написанное им в качестве частей единого замысла. Если с кем и сравнивать здесь Эрнста Канторовича, так это не с историками, а с героями литературного модернизма — разница между «Фридрихом II» и «Двумя телами короля» есть разница между «Портретом художника в юности» и «Улиссом» (и даже, в каком-то смысле, «Поминками по Финнегану»). Более того, есть еще одно сходство. Главные столпы европейского литературного модернизма были «любителями»; никого из них, ни Кафку, ни Джойса, ни Пруста, нельзя назвать «профессиональными писателями», «беллетристами». Точно так же Шпенглер не был «профессиональным историком» или «философом», да и Витгенштейн тоже. Иными словами, речь идет о людях, которые участвовали в огромном проекте по радикальной перестройке тогдашней культуры (и основы ее, мирозерцания) — а необходимость этой перестройки можно было увидеть только со стороны, находясь на дистанции от устоявшейся буржуазной области профессиональной деятельности. Такое «аматерство», конечно, вызывало определенные комплексы, приходилось его маскировать — как Канторович прикрыл идеологический мессидж первого тома «Фридриха II» вскрывающим машинерию историописания вторым томом. Тогда возникает вопрос — а как в таком контексте прочитываются избыточно-оснащенные академическим орнаментом «Два тела короля»⁵?

М. Бойцов выделяет в книге «ядро», из которого, собственно, можно вычитать замысел «Двух тел» — это третья, четвертая, пятая и восьмая главы. Главы же первая и вторая составляют как бы введение, в ходе которого Канторович увлекается и «забывает», куда, собственно, ведет читателя (С. 43). Действительно, похоже на правду, только и само ядро можно разделить на несколько отдельных базовых сюжетов. Здесь я попробую, на примере первых четырех глав (из них, по классификации М. Бойцова, две орнаментальные, а две принадлежат к разряду ключевых) проанализировать устройство и логику одного из таких сюжетов, а именно: рассуждения Канторовича о христианских и легалистских основаниях концепции «двусоставности» короля и его власти. Исходная точка — любопытная (чуть ли не курьезная) концепция английских юристов раннего Нового времени о двух телах короля, физическом и политическом (С. 82—84). Что такое «физическое тело»⁶ более-менее понятно. «Политическое тело» состоит из собственно «короля» (в его политической ипостаси, т.е. речь здесь идет об идее наследственной королевской власти как таковой, причем государь — и эту тему Канторович подробно разберет в третьей главе — может быть приближен к ангелическому статусу⁷) и его подданных. Ситуация с телом (телами) подданного исключительно интересна. Она намечается вот в этом рассуждении: «Тем не менее, форма, в которой судья Сауткот изложил эту старую идею — “он инкорпорирован с ними, а они — с ним”, прямо указывает на политико-экклезиологическую теорию *corpus mysticum* (мистического тела), действительно упоминавшуюся судьей Брауном в деле “Хэйлс против Пети”».

Суд в этом случае рассматривал юридические последствия одного самоубийства, которое судьи стремились определить как фелонию. Лорд Дайер, главный судья, указал, что самоубийство является тройным преступлением. Оно представляет собой преступление против природы, так как противоречит закону самосохранения; преступление против Бога, так как нарушает шестую заповедь; наконец, оно суть преступление, совершенное «против короля, поскольку он теряет подданного и (как формулирует Браун), будучи главой, лишается одного из своих мистических членов»» (С. 83—84). Что еще более интересно, так это соответствие между корпоративным политическим (и даже «мистическим») телом короля и английской политической системой, где существовало такое понятие как «король в парламенте» (С. 89). Как представляется, это и объясняет причину пристального внимания и активного использования английскими юристами раннего Нового времени концепции двух тел короля, ведь состав «политического тела» монарха оказывается чрезвычайно сложным. При этом такая сложность касается обеих частей дуальной системы «король» vs. «поданные»; подобно телу короля, делятся, дробятся тела его подданных. Линий деления несколько. Например: физическое тело подданного и его политическое тело. В отличие от короля, физическое тело подданного тоже частично является политическим, ибо составляет — вместе с другими — мистическое тело королевства. Физическое тело подданного подчиняется королю. Политическое тело подданного тоже не едино. Оно есть часть политического тела короля непосредственно — а также опосредованно, будучи представлено своими из-

бранными представителями в парламенте. Более того, если часть политического тела подданного входит в политическое тело короля, то другая часть — в «политическое тело королевства»⁸. Тел подданного оказывается не два, а больше! Изначальное деление приводит к дальнейшему; все это начинает напоминать ядерную реакцию, которая, тем не менее, не приводит к взрыву, а продолжается бесконечно. Так задается настоящая тема книги — тема невозможности ухватить распадающуюся материю исторического описания и анализа, они заводят в тупик, изначальная идея «двоичности» оказывается поверхностной, прикрывая истинную монотонную дурную бесконечность. Король и подданный, составляя пару, в свою очередь, дробятся на два тела, эти новые тела распадаются еще на два — оценить дальнейший ход распада невозможно. Для читателя, идущего за автором, в каждой отдельной точке текста все кажется вполне логичным и понятным. Но стоит из этой точки оглянуться назад или посмотреть вперед, как становится ясно, что мы не следуем по некоему пути, нет, мы просто нигде.

Главный сюжет третьей главы книги — рассуждение о сакральном статусе средневекового короля как основе для формирования его «политического тела». Здесь Канторович делает хронологический прыжок из раннего Нового времени назад к анонимному нормандскому трактату примерно 1100 г. Данное сочинение почти целиком посвящено именно двойственной природе короля — природной и благодатной (цитата из документа приведена в «Двух телах короля»): «Власть царя есть власть Бога. Ведь она — Бога — по природе, а царя — по благодати. Следовательно, и царь тоже есть Бог и Христос, но по благодати; и что бы он

ни делал, он делает это не только как человек, но как тот, кто стал Богом и Христом по благодати» (С. 120). Исключительно интересный пассаж, особенно, в его собственном историко-культурном контексте. Власть от Бога — «по природе», т.к. Бог создал все, в том числе и власть. Т.е. власть есть часть природы, по сути, часть *порядка вещей*. В то же время, власть царя «по благодати» — это вещь как бы обходящая порядок вещей, точно так же как Христос вмешался в порядок вещей своим рождением, проповедью, смертью и воскрешением, он *обошел порядок вещей, установленный Творцом*. Получается, что у нормандского анонима царь есть как бы Христос, берущий на себя ответственность за грехи порядка вещей, оттого и происходит его благодать. Канторович (мимоходом) отмечает связь с обожествлением правителей в Античности, эллинистических государствах и Риме. Отчасти, как представляется, эта связь действительно существует; к тому же источник тут один — ведь обожествление Александра Македонского началось под восточным, ближневосточным и египетским влиянием. Но есть, конечно, и огромное отличие христианской традиции. Оно заключается вот в этом моральном содержании «благодати»: благодать дается не для «величия», а именно для «огибания» порядка вещей, преследуя цель Спасения. А ограниченность царя, его отличие от священника, заключается в том, что он спасает ограниченный контингент людей, только своих подданных.

Вот здесь и можно нащупать некоторую теологическую, концептуальную, но вовсе не историческую связь между идеями нормандского трактата 1100 г. и концепцией «двух тел короля», возникшей пятьсот лет спустя. Сам же Канторович резюмирует так:

«Король есть двойное существо — человеческое и божественное, точно так же как и Богочеловек, хотя король двухприроден и удвоен только по благодати и во времени, а не по природе и (после Вознесения) в Вечности: земной король не является удвоенным существом, а становится им в результате своего помазания и посвящения» (С. 121). Иными словами, Канторович берет только формальную схему уподобления правителя Христу — двухприродность, трактуемую исключительно диахронически («благодать», последовательно передающаяся от Бога), отказываясь видеть в его фигуре совмещение диахронического с синхроническим. Синхроническое же здесь выглядит так: Христос существует как бы параллельно, синхронно Богу-Отцу, возможность «огибания» ветхозаветного порядка вещей уже заложена в Его фигуре и в самом порядке вещей с самого начала. Идея власти, будучи частью божественного порядка вещей, содержит в себе возможность персонификации в лице одного человека, который лично берет на себя ответственность за многих, «огибая», опять-таки, порядок вещей, стягивая его на себя и обходя — ибо власть не только от Бога-Творца, но и от Христа-Спасителя. Замечание же о «временности» двухприродности короля, на самом деле, относится и к Христу — Он же «открывает», «начинает» время, родившись и воскреснув. Историческое время начинается с Христа точно так же как историческое время правления того или иного короля начинается с его помазания на престол. По сути, перед нами два случая перехода от времени мифа (природного, вечного, ветхозаветного) к времени истории (Рождества, Воскресения, помазания, времени Нового Завета). Вот это и есть самое

интересное здесь: ведь короли становятся «христианнейшими» только с момента помазания, с какой-то точки, и дальше история их правления вполне может соотноситься с жизнью Христа. В то же время, здесь заложена довольно тонкая диалектика: начав персональную историю, будучи помазан и получив благодать, царь в то же время становится частью вечной власти Бога в профанном времени своих подданных, своего рода капсулой, внутри которой запаяна вечность. Здесь он не только подобен Христу, который есть та же человеческая капсула, в которую запаян Бог, он подобен человеку вообще, который носит в теле частичку бессмертной души. Если вообще стоит искать истоки концепции «двух тел короля», я бы обратил внимание именно на это обстоятельство — точка единства мистических (что, в данном случае, значит политических) тел короля и подданного именно здесь. Но в таком случае предмет исследования Канторовича окончательно растворяется. С одной стороны, если речь идет просто о двуприродности человека и его институций (в том числе власти), то идея двух тел короля становится невыносимо банальной, ибо и так все понятно, кроме нескольких деталей. С другой стороны, бесконечное деление каждого из тел (короля и подданного; о последнем, заметим, у элитиста Канторовича написано мало, а жаль) приводит к полному их исчезновению. Последнее не значит, что тема многоприродности власти в Средние века неважна, неинтересна или даже абсурдна. Отнюдь. Просто в таком случае сама дуалистическая метафора представляется крайне непродуктивной для разговора на эту тему. Впрочем, все вышесказанное имеет смысл, если речь идет об обычном историческом ис-

следовании. Как мы видим, «Два тела короля» — труд несколько иного рода.

Тема эта продолжается в четвертой главе «Двух тел короля». Согласно Канторовичу, к пику Высокого Средневековья образ короля-двуприродного аналога Христа, «короля-викария Христа» превращается в образ короля-помазанника Божьего и «викария Бога» (Бога Отца, а не Христа). Тут возможно немало интерпретаций, однако самая очевидная (хотя и небесспорная) такова: подобие Христа стремится превратиться в своего рода самого Христа; отношения короля с Богом становятся параллельными отношениям Христа с Богом Отцом. Сам Христос в дальнейших теоретических и теологических выкладках уже не упоминается, т.к. данное звено становится теперь избыточным: «Однако даже чисто потенциальная связь короля с двумя природами Христа стала исчезать, когда титулы “*rex imago Christi*” (“король образ Христа”) и “*rex vicarius Christi*” (“король викарий Христа”), обычные в Высоком Средневековье, начали выходить из употребления, уступая место формулам “*rex imago Dei*” (“король образ Бога”) и “*rex vicarius Dei*” (“король викарий Бога”). Конечно, представление о государе как подобии Бога или исполнителе его воли опиралось как на древний культ правителя, так и на Библию» (С. 166). Через две страницы Канторович совершенно справедливо указывает на одну из причин этого (и здесь нечастый случай, когда он, действительно, прочно стоит на позициях историзма): борьба за инвеституру постепенно лишила королей духовного, мистического авторитета как «викариев Христа», все больше превращая их в «императоров», т.е. представителей Бога, помазанных Им для *правления* народом. В свою очередь название «викарий Христа» в результате этой борьбы переходит к папам (а

иногда даже и просто к священникам). В подтверждение своих суждений Канторович приводит в примечании очень важное свидетельство (см. прим. 12. С. 168): «... цитата из Амброзиастера (...), где говорится, что человек вообще имеет “власть от Бога и является его викарием” (“*imperium Dei quasi vicarius eius*”), но в “Декрете” опущены следующие за этим слова “*quia omnis rex Dei habet imaginem* <поскольку любой король несет в себе образ Бога>”. Эти места характеризуют учение Амброзиастера, согласно которому король является викарием Бога Отца, а священник — викарием Христа». Дальше этот процесс доходит до логического предела (С. 169) и происходит окончательное размежевание в способах сакрализации папской и императорской власти: папа есть викарий Христа, император (правитель, монарх, король) — наместник Бога в мире. «Христоцентричный образ» правителя исчезает, отмечает Канторович, из-за чего, казалось бы, должна отойти тема соотношения ранненововековой концепции «двух тел короля» и раннесредневековой концепции уподобления короля Христу. Но не все так просто. Как уже было отмечено выше, в Высоком Средневековье король есть наместник Бога на земле, но в то же самое время он как бы и Христос в собственном человеческом теле (С. 250). А в раннесредневековое время, как мы уже отмечали, король — наместник Христа на земле, а не триединого Бога и не Бога Отца. Христос как бы исчезает из дискурса о короле и природе его власти, но в то же самое время он все время присутствует, воплотившись в самого государя. Христос есть фигура умолчания, в отличие от ситуации с иерархами Католической церкви, которые называются теперь Его наместниками. С другой стороны, как уже отмечалось, король — Христос в его человеческой ипостаси, подчи-

ненный римскому закону и императору; точно так же король подчиняется закону, которого он, в то же самое время, выше: «Другими словами, король вместе со своими судьями представлял собой Бога Отца, восседающего вместе с божественным Христом на троне небесном. Но король есть одновременно и образ Христа-человека — всякий раз, когда он является не судьей, а тем, кто подчиняется закону. В одно и то же время он подобен Богу и стоит выше закона (когда судит, издает законы и толкует их) и подобен Сыну или любому рядовому человеку, стоящему ниже закона, поскольку он тоже подчиняется ему» (С. 252). Получается так: двуединость Христа все равно остается главным свойством короля при переходе от Раннего к Позднему Средневековью. Только теперь эта двуединость как бы задана самим фактом существования королевской власти в качестве заместительства Бога, плюс к чему, она несколько ограничена функцией хриstopодобия: как Христос во время своей земной жизни был своего рода представителем Бога на земле, так и король является таковым же. В этом — и только этом — смысле король обладает мистическим телом. И здесь у Канторовича можно обнаружить противоречие. Он считает, что в Позднее Средневековье произошло смещение сакрального понимания королевской власти — от «богочеловеческой сущности», т.е. от хриstopоцентричной к божественной вообще: «позднесредневековые теории королевской власти “по божественному праву” следовали образцу Отца на Небесах, а не Сына на Алтаре и сосредоточивались скорее на философии права, нежели на еще античной физиологии двухприродного Медиатора» (С. 171). На первый взгляд, все верно; более того, можно даже добавить, что постепенно теория королевской власти приобретает дохристианский харак-

тер, смесь ветхозаветного (Бог Отец в центре) и римского (традиция Римской империи и так далее). Но повторим: не напоминают ли (в каком-то смысле) отношения между королем и Триединым Богом отношения Христа с Богом-Отцом?

Канторович не отвечает на этот вопрос; здесь он бросает «чистую теологию», после чего неспешно и величественно перемещает предмет разговора в юридическую плоскость. В книге возникает давно ожидаемый персонаж — Фридрих II: «Помимо указания на вдохновение с небес, Фридрих II, как и любой другой средневековый правитель, утверждал, что он является наместником Бога. В самом важном месте — большом прологе к его “Liber augustalis” — император заявлял, что после грехопадения природная. Необходимость, так же как и божественное Провидение, создали царей и князей и что им была поставлена задача “быть властителями жизни и смерти для своих народов, устанавливать, какими должны быть состояние, удел и положение каждого человека, являясь как бы вершителями божественного Провидения”» (С. 197). Получается, что источником богоподобной власти монарха является еще и необходимость создания и поддержания порядка в ситуации, возникшей после Грехопадения. Власть, таким образом, носит как бы вынужденный характер — должен же кто-то взять на себя заботу о потомках Адама и Евы и внести в их жизнь возможность следованию Правосудию и Справедливости! Символически принося себя в жертву этой обязанности, короли оказываются еще на одном пути хриstopодобия. Только сейчас жертва прочитывается уже не теологически, а юридически. Более того, говорит дальше Канторович, само

отправление правосудия все более принимает характер религиозной службы, мессы, а юристы и знатоки права претендуют на тот же статус, что и священники. Они и считают себя своего рода священниками, отправляющими культ Божественного Правосудия и Справедливости. «Юридическое наступление» на теологию и область священного знания происходит в легальных документах; Канторович отмечает: «Другими словами, светский авторитет сводов римского права представлялся юристам (именно как юристам) более ценным, важным и убедительным свидетельством, нежели священные книги, так что даже прямые цитаты из Библии приводились преимущественно круглым путем, а именно при посредничестве цитат из томов римского права» (С. 198). Применительно к роли короля это выглядит как процесс окончательного превращения хриstopодобного короля в агента, жертву и жреца Правосудия в одном лице: «По аналогии, государь уже не был *christomimētēs* — проявлением Христа, вечного Царя; но он пока еще не был и представителем бессмертной нации; свою долю в бессмертии он получал в качестве ипостаси бессмертной идеи. Новая модель *persona mixta* (смешанного лица) родилась из самого права как такового, где *Iustitia* стала образцовым божеством, а государь превратился одновременно и в воплощение этого божества, и в его *Pontifex maximus* (верховного жреца)» (С. 231). Но при всех изменениях, функционально статус короля тот же — ведь и Христос есть и жертва, и жрец, приносящий жертву; Он своего рода агент Бога Отца — и самого себя тоже. Чуть позже, уже в главе, посвященной английскому юристу XIII в. Брактону, Канторович показывает, как в разных легалистских конструк-

циях конкретно меняется наполнение данной схемы; например, Закон заменяет Бога, оставляя неизменной роль короля: «в тексте Брактона вновь появляются хорошо известные отношения между королем и Законом: король, сын Закона, становится его отцом. Это тот самый вид взаимодействия и взаимозависимости закона и короля, который можно обнаружить практически во всех политико-правовых теориях того периода» (С. 244). Иными словами, одна и та же двуприродность имеет разные импликации.

Но вернемся в исторический контекст раннего Нового времени, в котором разворачивается действие первой и отчасти второй главы книги Канторовича. Политическое тело короля и политическое тело королевства, как получается у Канторовича, вещи разные. Политическое тело короля составляет с подданными «мистическое тело», которое частично и образует политическое тело королевства. «Король в парламенте», по Канторовичу, есть глава политического тела королевства. Отношения монарха и подданных, таким образом, если даже оставить все малопостижимые логические дробы, строятся с помощью нескольких параллельных путей. Непосредственный путь — мистический; король и подданные — одно тело, которое, впрочем, то ли часть политического тела короля, то ли тела королевства. Опосредованный путь — через парламент, где король находится в качестве функции своего политического тела (и тела королевства тоже). Там между монархом и подданными располагаются члены обеих Палат. Любопытно, что чисто исторически Канторович, хотя ему такого рода рассуждения не очень свойственны, ибо довольно традиционны с точки зрения историографии, трак-

тует подобную ситуацию как двойственность, характерную для феодальных отношений вообще. Речь об этом идет в четвертой главе книги и связан данный поворот сюжета с вопросом о двойственности короля в отношении времени.

Канторович связывает двойственность с разницей между двумя ролями правителя. Один король находится в вечности; вне времени — тот, который владеет своим доменом и собирает налоги с подданных. Король «имеет отношение ко всем», здесь проявляется его прямая власть (мое выражение), не опосредованная сеньориально-вассальными отношениями. И это власть (и владение доменом) не может быть отчуждена, даже самим королем. Перед нами область так называемого «фиска» (“fisc”). Другой король находится внутри времени и власть его опосредованна всей системой феодальных связей: «Это новое удвоение (*geminatio*) короля проистекает из установления внутри королевства особого, так сказать, экстерриториального или экстрафеодального королевства — “вечного домена”. Его существование на протяжении более длительного срока, нежели жизнь отдельного короля, стало предметом общего и публичного интереса, потому что сохранность и целостность этого домена представляли собой вопрос, “касающийся всех”. Соответственно, разделительную линию следует провести между делами, затрагивавшими только короля в его отношениях с отдельными подданными, и делами, касающимися всех подданных, т.е. всей политики, всего сообщества королевства. Правильнее было бы проводить различие не между королем как частным лицом и королем как лицом публичным, а между королем-феодалом и королем-фиском — при условии, что под “феодальны-

ми” мы понимаем преимущественно дела, затрагивающие личные отношения между сеньором и вассалом, а под “фискальными” — дела, которые “касаются всех”» (С. 264—265). Исключительно интересное рассуждение имеет сразу несколько последствий и делает возможными довольно смелые выводы. Прежде всего, неожиданная параллель «короля хриstopодобного» (о котором у нас шла речь выше) и «короля фискального»; тот и другой свят (хотя второй *как бы* свят), что заставляет задуматься о происхождении высочайшего статуса фиска в европейской средневековой традиции вообще. Канторович лишь обозначает сюжет: «Однако прежде всего он приписывает неизменность и вечность не только церковной собственности, *res sacrae* или (как выражались другие) *res Christi*, но и *res quasi sacrae* или *res fisci*. Здесь и возникает кажущийся диким антитезис или сопоставление *Christus-Fiscus*, ранее совсем или почти совсем не привлекавшее внимания, — сравнение, которое, однако, отчетливо указывает на центральную проблему политической мысли в период перехода от Средних веков к Новому времени» (С. 265). Другой вывод связан не с темой исследования Канторовича, а с самой его книгой, с размытием, «обесконечиванием» ее предмета. Двойственность человекобожественная, двойственность короля-человека и короля-Бога, короля в роли викария Христа и короля в роли викария Бога-Отца, короля, который выше Закона, и короля, который его ниже, короля-воплощения Закона и короля-его создателя и, наконец, вот это (причем, далеко не последнее!): король вечный (владелец неотчуждаемого домена и собиратель подати) и король временной (сеньор — лишь элемент, пусть и важнейший, феодальных связей).

Итак, перед нами еще один пример дробящейся до бесконечности двойственности тел короля, и самой идеи королевской власти. Таких сюжетов в книге Канторовича множество; как уже было отмечено, тщательно разбирать каждый из них в пределах нашего эссе невозможно. Впрочем, таких примеров уже достаточно, чтобы обратиться к следующему нашему вопросу — к проблеме нечитабельности «Двух тел короля», к отсутствию у книги интенции коммуницировать с аудиторией, к загадке жанра этого труда. Завораживающий образ нескончаемо дробящихся тел, который изобрел автор, делает чтение книги Канторовича увлекательным и невозможным одновременно. Увлекательным в каждой отдельной точке — и невозможным как процесс, который к чему-то приводит. Канторович перебирает разные сюжеты двойственности, изоощренно, тончайшим образом анализирует и интерпретирует один, после чего переходит к другому, который связан с предыдущим только этой самой формальной идеей двойственности. По сути, мы уже на первых страницах заранее знаем «чем кончится книга», но важен не результат, а ее чтение, которое носит столь же двойственный, как и тело короля, характер: одновременно оно очень интересно и совсем неинтересно. Более того, каждый из использованных сюжетов вполне самодостаточен; самое удивительное, что Канторович не делает из них никаких, собственно, исторических выводов. Скажем, идея «вечного» фискального, чуть ли не христоподобного тела короля идеально ложится в изложенный в начале книги сюжет с телами короля в юридической практике Англии раннего Нового времени, прежде всего, с рассуждениями о «короле в парла-

менте». Ведь английский парламент и создавался, прежде всего, для реализации идеи фиска, как вечной власти короля; «король в парламенте» и есть воплощение этой вечной власти, сильно отличающейся от временной власти короля-феодалного сеньора. Тогда получается, что в ходе Гражданской войны в Англии «вечный король», представленный в парламенте и парламентом как частью его политического тела, воевал с временным, феодальным, физическим телом короля. Но это только с одной стороны. С другой, Карл I (как и его предшественник Яков I) исходил из концепции божественного происхождения королевской власти, которая, судя по всему, не замечала у монарха никакой двуединости. Об этом у Канторовича ни слова — точно также как и о том, было ли у подданных Карла I тоже «два тела», как и у их короля?

Примеров равнодушия Канторовича к главному условию его профессиональной деятельности, к историзму, в его труде множество. К примеру, во второй главе, где анализируется «Ричард II» Шекспира, можно встретить короткое наблюдение, которое следует за отрывком из монолога короля Ричарда:

«Готов сменять я свой дворец на келью,
Камень драгоценные — на четки,
Наряд великолепный — на лохмотья,
Резные кубки — на простую миску.
Мой скипетр — на посох пилигрима.
Весь мой народ — на грубое распяты,
И всю мою обширную страну —
На маленькую, тесную могилку,
На тесную убогую могилку.

(III, 3, 147—155)

За дрожью этих анафорических противопоставлений следует множество ужасающих образов из *macabresse* «Высокой готики» (С. 102). Удивительно, откуда здесь взялась Высокая готика? Канторович пишет о пьесе, сочиненной в 1595 г., т.е. в эпоху позднего Ренессанса. События в ней происходят в конце XIV в., уже после завершения периода Высокого Средневековья, на излете стиля «Высокой готики». Трудно считать Шекспира, при всем его гении, столь тонким и добросовестным историком, чтобы он мог так точно реконструировать (или угадать) мироощущение культурной эпохи, завершившейся за двести лет до него; особенно, если учесть, что его познания в предмете явно ограничивались хроникой Холиншеда (1587 г.). Получается, что для Канторовича «*macabresse* Высокой готики» является столь же общей, неизменяемой идеей — как «два тела короля» и многое другое. Впрочем, строго говоря, эти идеи не «вечные», т.к. имеют начало (невозможно говорить о *macabresse* высокой готики до высокой готики), но вот уже конец их открыт. Такого рода идеи, один раз возникнув, уже никуда не исчезают, существуя на *горизонте* сознания европейского⁹ общества, горизонтом, с которым это сознание имеет возможность соотносить себя и свою конкретную историческую эпоху. Для Канторовича они находятся где-то между чистым историзмом, областью переменчивого, актуального, детерминированного, и такими вечными понятиями как «власть», «человек» и прочие.

Второй мини-сюжет из второй главы кое-что проясняет в, как мне представляется, почти неизменных политико-философских и даже идеологических установках Эрнста Канторовича. Думаю, следует привести его здесь в качестве иллюстрации к нашим рассужде-

ниями о разрыве/непрерывности между «Фридрихом II» и «Двумя телами короля». «Когда наконец созерцание “бренного величия” своего лица заставляет Ричарда разбить зеркало оземь, на части разлетаются не только его прошлое и настоящее, но и все грани его сверхмира. Его множественные образы исчезли. Черты лица, отраженные в зеркале, выдают, что он лишился всякой возможности обладания вторым, или сверхтелом — величественным политическим телом короля, богоподобием наместника Господня, шутством шута и даже большинством человеческих печалей, присущих “внутреннему” человеку. Разбитое зеркало означает устранение любого возможного дуализма или же является таким устранением. Все прежнее многообразие сведено к одному: к заурядному лицу, незначительной *physis* жалкого человека, к *physis*, теперь полностью утратившей какую-либо метафизичность. Это и меньше, и больше, чем смерть. Это *demise* — преставление Ричарда и возвышение нового природного тела» (С. 110—111). Если следовать данной логике, то *только власть может сделать человека незаурядным, не жалким, метафизическим* (в прямом смысле, т.е. *поверх физиса*). Не Знание, не Бог, не Добродетель, не Просвещение, нет, лишь власть может это. Отказавшись от власти, Ричард теряет не только свои ипостаси богоподобия или шута, не только свой «сверхмир», он теряет и «внутреннюю» человеческую сущность, по-старому, — «душу». Остается лишь «незначительный *physis* жалкого человека». Отсюда можно сделать два вывода. Первый — касательно не короля, а его подданных. Канторович явно не отказывает им в т.н. «внутренней сущности», думаю, он предполагает, будто «внутренняя сущность» есть та часть подданного, что входит в «политическое тело короля»,

образуя вместе с ним «мистическое тело». Второй вывод относится к предмету, который отдельно, без предикатов и различных контекстов, Канторович избегает даже называть. Я имею в виду власть. У Канторовича получается, что власть есть такая субстанция, нечто вроде идеи, или даже скорее некоего энергетического поля, в котором можно находиться (как это делает король своим политическим телом, и как это делают его подданные тою частью собственного тела, что имеет отношение к монарху), и которое можно покинуть, как это делает в пьесе Шекспира Ричард II. Другой герой второй главы книги — Карл I — не следует примеру короля Ричарда, он, в отличие от шекспировского героя, не сдается. В случае Карла, как мы уже отмечали, политическое тело королевства в союзе с частью политического тела короля отстраняет другую часть политического тела короля и убивает его физическое тело.

Последнее рассуждение получает любопытную иллюстрацию из заключительного пассажа второй главы «Двух тел»: «Не следует удивляться и тому, что сам Карл I размышлял о своей трагической судьбе, используя выражения шекспировского “Ричарда II” и идею исконной двойственности природы короля. В некоторых копиях “Eikon Basilike” напечатана длинная печальная поэма, называемая “Величие в несчастье”, которая приписывается Карлу I. В ней несчастный король, если, конечно, он в действительности был ее автором, совершенно ясно намекает на образ “двух тел короля”:

Мой сан моей же властью унизив,
Сорвали с короля венец во имя Короля.
Вот так алмаз был пылью сокрушен» (С. 112).

Казалось бы, все верно: в судьбе Ричарда II можно прочесть судьбу Карла I, но только если отказаться от историзма и не отличать короля, свергнутого аристократами в ходе междоусобной борьбы, от короля, против которого, используя терминологию Канторовича, взбунтовалось собственное политическое тело и политическое тело королевства. Ричард после отречения — «некто», чистый “*physis*”; Карл же остается королем до конца. Его физическое тело гибнет в результате войны между разными частями его политического тела, войны разорвавшей политическое тело его королевства. Канторович все это игнорирует; его интересует только универсальный характер власти, который как бы не зависит от исторических обстоятельств.

* * *

В завершение — о том, к какому жанру можно отнести «Два тела короля» и отчего эта книга не предполагает коммуникации и не учитывает наличие читателя. В способе мышления Канторовича мне видится если и не намеренный жест, то констатация нежелания мыслить «как историк». Точнее — «как обычный историк». Похоже, что прошлое Канторович трактует (и так устроена его книга) как довольно темное и бесформенное пространство, стянутое к нескольким важным сияющим точкам, где производятся и воспроизводятся универсальные смыслы. Эти точки коррелируют между собой, почти никак не обращая внимания на окружающий контекст. «Обычный историк» прокладывает дескриптивно-интерпретационные маршруты-по этому пространству, часто включая в себя эти точки, но совершенно не понимая их значения. Ему важно описать прохождение из пункта А в пункт Б, обстоятель-

ства этого прохождения, побудительные мотивы и так далее, плюс вывести из всего некую мораль (в широком смысле слова). Канторович предлагает совершенно иной способ; строго говоря, у него получается не историография, а нечто другое, к чему сложно подобрать название¹⁰. Отсюда, кстати, и страсть к избыточным примечаниям, отдельным томам библиографических сносок (как с «Фридрихом II») и прочему совершенно барочному академическому орнаменту. К сияющим точкам универсальных смыслов тяготеет абсолютно все из того пространства прошлого, что лежит между ними; само это пространство не структурировано, оттого его элементы стягиваются к зонам напряжения, как все, что содержит в себе железо, притягивается к магниту. К магниту могут притянуться совершенно разные металлические изделия и даже вещи, в которых есть лишь элемент металла. Вот так же причудливо притягиваются к теме Канторовича ссылки, цитаты, иллюстрации. Я уже не говорю о том, что во многом Канторович — наследник и одновременно оппонент великой юридической школы английской историографии второй половины XIX—начала XX в. с присущими ей бездонными «подвалами» сносок. Но там они выполняли роль фундамента монументального здания позитивистского Знания, здесь же роль их переосмысливается — точно так же, как модернистский роман переосмыслил реалистический, психологический роман середины-второй половины XIX в. Здесь, как мне кажется, и можно найти общую точку отсчета у Канторовича и современного ему модернистского искусства и литературы.

Чего добивался автор «Двух тел короля»? Какой эффект хотел произвести, на какую коммуникацию с публикой рассчитывал? Академический? В каком-то

очень ограниченном смысле на него он и надеялся — на уровне отдельных, частных, тщательно и тонко описанных сюжетов. Впрочем, релевантность некоторых из них оспаривается, как, в частности, в случае с тем же нормандским анонимом, или, что уже совсем очевидно, миниатюрой из Аахенского Евангелия. Идеологический мессидж здесь тоже присутствует; судя по всему, он не изменился со времен «Фридриха II», потеряв только национальную окраску. Власть по характеру своему вечно двусоставна, причем ее мистическая вечная часть придает смысл временной, невечной, опосредованной. Впрочем, размыты и бесконечно дробятся оба тела, уловить и закрепить их с помощью рационального описания невозможно. Остается эстетическая область. В кружке Штефана Георге — вслед за Ницше — «историческое» и преходящее считали болезнью, лекарствами от которой могло стать Неисторическое и Надысторическое. Физическое тело власти, *physis* вообще и есть то самое Неисторическое, бесформенное забвение исторического. Надысторическое — то, что «отворачивает взор от Становления и направляют его на то, что вечно, и значение чего не меняется, а именно — на искусство и религию». Истории надо перестать быть историографией, превратившись в искусство и религию. Эрнст Канторович выполнил завет учителей — создал сложнейшее, отвлеченнейшее, самодостаточное произведение искусства о религии вечной власти, о политической теологии.

Примечания

¹ Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. с англ. М.А. Бойцова и А.Ю. Серегиной. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. — 752 с.

Далее страницы из этого издания будут указываться в самом тексте в скобках.

- ² Эксле О.Г. Немцы не в ладу с современностью. «Император Фридрих II» Эрнста Канторовича в политической полемике времен Веймарской республики // *Одиссей* 1996. М., 1996. С. 223.
- ³ Оно является еще одним наглядным опровержением разговоров о безнадежности ситуации в русском академическом книгоиздании. Переводческая и редакторская работа М.А. Бойцова и А.Ю. Серединой — образцовая.
- ⁴ На русском языке подробное описание отношений между Канторовичем и Георге, а также общий анализ идей этого кружка — в предисловии к «Двум телам» и цитировавшейся статье О.Г. Эксле.
- ⁵ Есть еще один пункт сходства, очень важный, но, за неимением места, я не буду его здесь подробно обсуждать. Классические произведения европейского литературного модернизма обычно упрекают, в лучшем случае, в «скуке», в худшем — в «нечитабельности». «Улисс» или «В поисках утраченного времени» неприлично не читать, но, на самом деле, мало кто их осилил (и мало кто в этом признается). Как мы видим, то же произошло с «Двумя телами короля» («Фридриха» читали много, но и «Портрет художника в юности», а особенно «Дублинцы» — книги широко читаемые). В то же время, никто не может упрекнуть Кафку или Джойса в том, что они «плохо и скучно пишут». Скука, нечитабельность, равнодушие к аудитории, стремление отказаться от внешних коммуникаций есть важнейшая *сознательная* черта европейского модернизма. Сегодняшняя слава «Двух тел короля» очень похожа на известность, к примеру, «Замка» или «Finnegans Wake». Я бы назвал две причины этой славы. Первое — персональная история автора, ибо все, что связано с поведением немецких интеллектуалов в 20—30-е гг. по понятным причинам вызывает неиссякающий интерес. Второе — тема власти. Власть и ее анализ становится важнейшей темой постструктурализма, в частности, в силу того, что до этого процветала «историческая антропология» анналистов, которую сама по себе власть интересовала мало (и это при том что библия анналистов — блоковские «Короли-чудотворцы»). Анналистов занимал отдельный человек, их привлекало социальное, их привлекали «процессы большой длительности», наконец, анналистов интересовала история идей, но почти исключительно применительно к обществу. *Анналы*

и их союзники, по сути, были очень демократическим, левым, связанным с марксизмом, в то же время — национально-ориентированным (у французов) проектом гуманитарного знания. Только Филипп Арьес составляет им исключение. Канторович же является полной противоположностью анналистам — правый консерватор, мистик, равнодушный к социальной истории, сосредоточенный на власти и особенно — на фигуре и статусе ее носителя. В каком-то смысле, он равнодушен и к «историзму» как таковому; М. Бойцов отмечает в предисловии: Канторовича критиковали за подход к используемым им историческим документам, в котором не было места для конкретного контекста их создания. Тут уместно задать вопрос, отчего в 70-е—80-е гг. прошлого века такой подход и такой интерес к власти вдруг стали столь важны для континентальной Западной Европы, прежде всего, для Франции? Наконец, как верно отмечает М. Бойцов (С. 55), в моде на эту книгу Канторовича еще много от увлечения «телом» и «телесным» во французской мысли того времени. Любопытно, что этот интерес происходит из контекста совершенно Канторовичу чуждого, являясь явным следствием мая 1968 г. и «сексуальной революции».

⁶ «Природное» тело, мне кажется, более точным описанием ситуации, нежели «физическое».

⁷ Мало какой пассаж из «Двух тел короля» дает столь точное представление об а-историзме автора, как этот, посвященный ангелическому статусу короля: «Нимб далее означал, что его конкретный “носитель” является представителем какого-то более общего “прототипа”, чего-то Неизменного посреди изменчивого земного времени, а также что в единении и связи с этим конкретным человеком состоит определенный образ власти, идущий из той бесконечной протяженности, которую в Средние века стали называть аевум. Поскольку же аевум считался обиталищем идей, Логосов или прототипов, как и “ангелов” (согласно христианской философии александрийцев), становится понятным, почему “политическое тело” короля у тюдоровских юристов получает в конце концов так много сходства со “святыми духами и ангелами” и почему rex christus Нормандского анонима также наделялся высшей природой Посредника — короля, являющегося человеком по природе и богом по благодати» (С. 160—161).

⁸ «Ясно, что это король в своем политическом теле и глава политического тела королевства — король в парламенте, чья задача состоит в том, чтобы выступать заодно с лордами и

общинами, причем, если понадобится, даже против собственного природного тела» (С. 90).

⁹ За пределы европейского общества Канторович здесь не заглядывает, несмотря на свой юношеский интерес к Востоку.

¹⁰ М. Бойцов пишет: «При желании можно заметить общее даже в основополагающем подходе к историческому рассказу: ведь хотя каждое отдельное суждение в “Двух телах” само по себе подкрепляется подробной ссылкой, связь между этими суждениями (как и между отдельными темами и частями книги) выстраивается порой на основаниях, остающихся для внешнего наблюдателя сокровенными. Когда читатель перестанет улавливать сквозную мысль автора, теряющуюся, как ящерица среди камней, во все новых и новых ярких деталях, тонких наблюдениях и увлекательных примерах, — не стоит ни злиться на предполагаемую неискренность переводчика, ни терзаться сомнениями в собственных интеллектуальных способностях. Если отдельные блоки Канторович делает “честно”, на глазах у всех, то здание из них он возводит в глубокой тайне — и не на прежнем ли основании главным образом интуитивного ощущения “внутренней логики” исторического развития? А последнее уже очень близко по сути к принципам создания “Фридриха Второго”, сколько бы тысяч идеально сделанных сносок эту суть ни затемняли». (С. 42).

Как важно читать медиевистов

Перед нами первая на русском языке книга Отто Герхарда Эксле¹, который, впрочем, хорошо известен в российском историческом сообществе (за последние полтора десятка лет переведено несколько его статей). Сборник включает 8 текстов, которые расположены, что очень важно, не по хронологическому, а по содержательному принципу и, таким образом, составляют некоторый сюжет. Впрочем, об этом чуть позже.

Отто Герхард Эксле родился в 1939 г., начал публиковать научные работы в 1967-м, с 1985 г. почти 20 лет возглавлял Институт истории им. Макса Планка. Он принадлежит к поколению европейских историков, которое начало свою деятельность на известном политическом и идеологическом фоне, определенном, с одной стороны, драматическими трансформациям в сознании западного общества в конце 60-х-первой половине 70-х гг., а с другой, — радикальными послевоенными изменениями в гуманитарных науках. Книга О.Г. Эксле «Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья» демонстрирует нам европейского гуманиста, занявшего очень редкую позицию в отношении этого контекста: Эксле *принимает его к сведению, учитывает его*, но не больше. В текстах исследователя сложно найти прямую полемику с господствовавшей в последние три десятилетия «теорией» (структурализмом, постструктурализмом, постмодернизмом,

«новым историзмом», неважно), точно так же, как и открытую манифестацию солидарности с ней. В то же время, Эксле вовсе не «старомоден» (тем более, не «нарочито старомоден») — он точно указывает на теоретические положения, заимствованные у Макса Вебера (которому очень обязан), но это, конечно же, не эпигонство и не рабская зависимость. Перед нами уверенная интерпретация и развитие тех веберовских позиций, которые автор считает необходимым интерпретировать и развивать. Такое же отношение у Эксле к Марку Блоку и некоторым другим французским «анналистам» — что, кстати говоря, не мешает ему убедительно полемизировать с Жоржем Дюби в тексте, посвященном средневековым схемам истолкования действительности. И тут стоит отметить еще две особенности этой книги. Во-первых, осторожность и даже определенную «скромность» оценок и выводов Эксле. Подобный подход — удивительная и редкая в современном гуманитарном сообществе черта его исследовательского стиля, которая, помимо всего прочего, отличает Эксле от французских «анналистов» и социальных историков, работающих в известных традициях галльской риторики и красноречия. Во-вторых, отметим довольно необычную для континентального историка осведомленность в англоязычной историографии; Эксле ссылается на работы таких (не очень известных за пределами англоязычного мира) авторов, как Боуэн, Элбоу, Лоуренс, Лейзер и др., не говоря уже об использовании англо-саксонского и англо-нормандского материала в «Схемах истолкования социальной действительности в Раннее и Высокое Средневековье», «Средневековых гильдиях» и «Гильдии и коммуне». И первое, и второе

обстоятельство дает нам понять, что перед нами — настоящий европейский ученый, воспринимающий гуманитарную европейскую традицию как «свою», вне зависимости от традиционных делений на «национальные школы». Об этом же говорят и многочисленные ссылки Эксле на работы А.Я. Гуревича.

Книга Отто Герхарда Эксле начинается с теоретической статьи, анализирующей «средневековые схемы истолкования социальной действительности», и заканчивается эссе «"Образ человека" у историков». Между ними шесть статей, посвященных более конкретным историческим проблемам; но точно так же, как «теоретические тексты» основаны на интерпретации самого разнообразного фактического материала, «конкретно-проблемные» тексты являют собой образец авторефлексии историка в процессе работы с фактами. Так складывается сквозной сюжет книги: рефлексия историка над собственной рефлексией (и рефлексией коллег) по поводу своей работы — по мере производства самой этой работы. Иными словами, данный сюжет разворачивания образа «действительности» по мере создания «знания» о ней и, одновременно, разворачивания «знания» о «действительности», определенной развитием и фокусировкой того же самого «знания». В первой статье рассматривается релевантность средневековой «интерпретационной схемы» (определение Эксле — К.К.) «функционального трехчастного деления общества» самой социальной действительности. Сюжет классический для послевоенной историографии — особенно после известной работы Жоржа Дюби «Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом» (1978). На первый взгляд, статья Экс-

ле, написанная через 9 лет после этой книги, является полемическим жестом в отношении нее. Но это не так, или не совсем так. Эксле выступает против неверных, с его точки зрения, представлений о том, что «трехчастная схема» есть прямое отражение «социальной действительности» Средневековья и, более того, что она есть его непосредственное представление о себе самом (заметим в скобках, что, по нашему мнению, Дюби прямо этого не утверждает). Эксле ставит под сомнение «пассивность», «статичность» подобной модели взаимодействия. Если позволить себе кратко переформулировать рассуждение автора «Действительности и знания», то получается примерно следующее: «схемы истолкования социальной действительности» есть не *статичное* отображение чего-то, существующего *само по себе*, а *процесс*, который не только определен этой «действительностью», но и является составной ее частью (или даже трансформирует ее). Именно поэтому Эксле пишет: «... речь идет о том, чтобы отказаться от бесплодной альтернативы «"копия" ("отражение") социальной действительности или "ирреальность" ("идеал")» (С. 45—46). Любопытно, что такой процесс, отбрасывающий ретроспективное влияние (задним числом объясняя что-то, бывшее до начала объяснения), в то же время направлен вперед, перспективно. Он конституирует, что социальная действительность и дальше будет устроена *таким образом* (или, хотя бы исходит из этой убежденности). Более того, с точки зрения современного наблюдателя, он (процесс, «схема истолкования») задает будущее понимание того прошлого, которое во многом определено им. Здесь как раз и находится источник недоразумения, в ре-

зультате которого средневековая схема «трехчленного деления общества» была в XX в. принята на веру. Нынешний наблюдатель исходит из того, что данная схема статична и, в принципе, неизменяема, между тем, как она существовала более пятисот лет, — и уже сам этот факт ставит под сомнение то, что она была «копией», «отражением» тогдашнего общества. Ведь за это время общество менялось — и Эксле указывает на столь очевидное несоответствие (С. 46—47). Так или иначе, нынешний исследователь находится под влиянием этой схемы не в меньшей степени, чем ее средневековые *воспроизводители*; он, увы, часто не может занять позицию, внешнюю не только к «Средневековью», но и к «сегодняшнему мышлению о Средневековье» и, таким образом, отразить свое отношение к этим «средневековым схемам»².

Впрочем, не со всеми положениями статьи можно согласиться. Эксле пишет: «В современном обществе (*Moderne*) рефлексия об обществе больше не носит метафизического характера. ... И поэтому она больше не может задавать неоспоримые и общепризнанные нормы поведения» (С. 44). Но ведь достаточно вспомнить ту очевидную нынешнюю мифологизацию (и даже своего рода онтологизацию) т.н. «среднего класса», который давно перестал быть скромным *топологическим* определением и превратился в главного спасителя и опору современного западного общества и демократии, в опору, которую *следует* растить и укреплять. «Средний класс» сегодня имеет однозначно положительную коннотацию, именно он задает сейчас нормы поведения, его ценности преподносятся как единственно возможные и позитивные; в этом смысле, средневековый автор значительно объектив-

нее (пожалуй, даже трезвее) современного социолога: для него все сословия хороши, потому как воплощают созданный Богом порядок.

Вторая и третья статьи книги Эксле посвящены т.н. «клятвоным сообществам», которые, по мнению автора, стали основой не только гильдий, но и коммун (сельских и городских). В такого рода «горизонтальных» социальных структурах (сообществах), которые параллельны существующим «вертикальным» (сословным) структурам, он видит одну из главных черт средневекового европейского общества (и не только средневекового, достаточно вспомнить название третьей статьи: «Гильдия и коммуна: о возникновении “объединения” и “общины” как основных форм совместной жизни в Европе»). Для специалиста, знакомого с творчеством Эксле, это, пожалуй, самый важный сюжет немецкого историка. Обратим поэтому внимание лишь на один аспект, сколь бы неожиданным он ни казался — на сам феномен «параллельности». Дело в том, что в истории периодически возникают не только параллельные «социальные объединения», но также политические и властные структуры. И те, и другие появляются как следствие неудовлетворенности уже существующими сообществами и структурами. Они могут возникнуть в ситуации военной опасности, роста беззакония и насилия (в какой бы области жизни это ни происходило), или же в условиях, когда встают новые государственные задачи. В качестве примера последнего случая укажем на начало царствования Николая I, когда предпринимались попытки создания параллельных государственных структур; при функционировании уже существующих ими стали отделения Его Император-

ского Величества личной канцелярии. Главный вопрос заключается в следующем: почему одни проявления недовольства (что очень важно, осмысленного и отрефлексированного) существующими структурами приводят к их вытеснению (или даже уничтожению), а другие — к созданию «параллели»?

Еще две статьи книги посвящены некоторым религиозным движениям Высокого Средневековья. Если в первой из них речь идет о том, как связаны идея (и практика) «добровольной бедности» с идеей «мира» (“*рах*”), то вторая («Бедность и призрение бедных около 1200 г.: к вопросу о понимании добровольной бедности Елизаветы Тюрингской») представляет собой, некоторым образом, иллюстрацию к первой и развитие отдельных ее положений. Последний из этих двух текстов можно было бы отнести к жанру «история контекста»: сам по себе «контекст» не имеет формы, «история» придает ему внутренний сюжет. Как почти всегда бывает у Эксле, сюжет этот скорее теоретический: соотношение «социально-экономического» и «религиозного», и (или) — «действительности» и «знания». Трактую его в понятиях «действительности» и «знания», можно сказать, что речь идет как о нынешнем знании о *той действительности*, так и о знании современников Елизаветы Тюрингской об окружающей их действительности. Если же перейти от теоретического уровня к, так сказать, жанровому, то Эксле дает здесь удивительно тонкий психологический портрет героини. Он создает у читателя ощущение присутствия Елизаветы Тюрингской в своем сознании и мышлении; это *нынешнее* знание о психологической реальности жизни средневековой святой можно было бы назвать «производством

(или — «воспроизводством») присутствия» — кстати говоря, именно такую задачу ставит перед историком другой гуманитарий, профессор Стэнфордского университета Ханс Ульрих Гумбрехт³.

Гумбрехт вспоминается и в связи с двумя статьями Эксле, посвященными различным формам памяти в Средние века, — мемориальной традиции Раннего Средневековья и аристократической “*memoria*” семейства Вельфов. Эти тексты можно рассматривать как диптих (между их написанием прошло почти двадцать лет): первый носит более теоретический характер, второй представляет собой конкретный анализ фактического (в том числе, и изобразительного) материала. Впрочем, мы знаем, что отделить «написание истории» и рефлексию по поводу этого занятия у Эксле невозможно — мы имеем дело с динамическим синхроническим процессом. Во второй из двух статей («*Memoria* Вельфов: домовая традиция аристократических родов и критерии ее изучения») речь, казалось бы, идет о совсем другой разновидности “*memoria*”, нежели в первой («*Memoria* и мемориальная традиция в раннее Средневековье»). Однако не все так очевидно. Эксле вступает в полемику с Г. Альтхоффом, утверждающим, что в случае аристократической “*memoria*” мы имеем дело не с манифестацией самосознания самих аристократов, а с творчеством монахов, ученых клириков, которые могли быть враждебны этим знатым семьям (в данном случае, Вельфам). Эксле, помимо всего прочего, обращает внимание на то, что даже «сомнительные персонажи» из рода Вельфов (например, нортхаймский граф Отто) упоминаются только потому, что они в истории рода *были* (С. 279—289). Этого, с его точки

зрения, вполне достаточно для того, чтобы развеять все сомнения в коннотации данного упоминания, сам факт которого уже говорит обо всем. И вот это соображение отсылает нас к первой из опубликованных в сборнике «мемориальных» статей, где говорится, что упоминание имени в “*memoria*” включает его в некое *существующее сейчас* сообщество. А это значит, что дело не в оценке деятельности и личности имярека, а в самом факте нахождения его в истории сегодняшнего аристократического дома, в его присутствии. В «*Memoria* и мемориальная традиция в Раннее Средневековье» Эксле, анализируя разницу между «памятью» и «воспоминанием», пишет: «Поэтому речь здесь идет не только о воспроизведении в настоящем прошлого, как отсутствующего во временном смысле, но и вообще о всякой форме воспроизведения присутствия в настоящем отсутствующего, прежде всего тогда, когда *memoria* имеет отношение не к делам или событиям, а к людям. Воспоминание как воспроизведение присутствия в настоящем — основная категория истории» (С. 248). И вот здесь опять можно вспомнить некоторые работы Гумбрехта, который как раз и выдвигает «производство присутствия» в качестве главной задачи современного историка. Как это «присутствие» может производиться, механизм «производства» он пытается показать в довольно экстравагантной (с сугубо академической точки зрения) книге «В 1926 году: на острие времени»; о теоретических предпосылках Гумбрехт рассуждает в другом своем сочинении — «Производство присутствия: Чего не может передать значение». Возникает даже любопытный интеллектуально-биографический сюжет, связывающий Отто Герхарда Эксле с Хан-

сом Ульрихом Гумбрехтом. Рассказывая о том, как ему пришла в голову сама формулировка «производство присутствия», Гумбрехт пишет: «Если рассказ в эпизодах и лицах об эпистемологических сдвигах в гуманитарных науках содержит в себе какое-либо событие, то произошло оно на семинаре, который автор вел в университете штата Рио-де-Жанейро в середине 90-х годов. Едва лишь он добрался в своих лекциях до того — уже вполне усвоенного им — момента в повествовании, где он признавал, что не знает специфических (не связанных со значением) эффектов, производимых материальными факторами коммуникации, как вдруг один из студентов словно нечаянно заметил, что такие эффекты можно было бы писать как эффекты “производства присутствия”. Эти португальские слова до сих пор звучат в голове у автора — а вот сам неопознанный студент, своей репликой инициировавший для него настоящий интеллектуальный порыв, так и не появился больше в аудитории (вероятно, как будущий гений, он посчитал зряшным делом ходить на семинар к человеку, который годами безуспешно бьется в поисках того, что вполне очевидно ему самому)»⁴. Итак, словосочетание «производство присутствия» снизошло на Гумбрехта в середине 90-х гг., а до этого он годами бился, пытаясь найти формулировку. Если мы заглянем в конец статьи Эксле «*Memoria* и мемориальная традиция в Раннее Средневековье», где говорится о «воспроизводстве присутствия» в контексте «истории», то обнаружим дату «1976». Все-таки, надо чаще читать медиевистов.

Примечания

- ¹ Эксле О.Г. Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья / Пер. с нем. и пред. Ю.Е. Арнаутовой. М.: Новое литературное обозрение, 2007. — 360 с. Далее страницы из этого издания будут указываться в самом тексте в скобках.
- ² Здесь возникает искушение пойти еще дальше в этом рассуждении — скажем, в таком направлении: любопытно, что средневековая модель тройственного функционального деления общества (молящиеся, воюющие, работающие) странным образом конгруэнтна знаменитой триединой схеме графа Уварова «Православие, Самодержавие, Народность». Не вдаваясь в подробности, укажем, что уваровская схема явилась результатом интерпретации средневековой, явленной в прекрасно известном Уварову делении французских Генеральных Штатов на три сословия. Но нас здесь интересует другой аспект: не соотносится ли средневековая схема истолкования социальной действительности с самой действительностью точно так же, как уваровская триединая формула с современной ему действительностью? Если мы не истолковываем историю России второй трети XIX в. через эту формулу, то почему же подобная процедура возможна в отношении Средних веков?
- ³ Русские переводы его работ: Гумбрехт Х.У. В 1926 году: на острие времени / Пер. с англ. Е. Канищевой. М., 2005; Гумбрехт Х.У. Производство присутствия: Чего не может передать значение / Пер. с англ. С. Зенкина. М., 2006. Сборник О.Г. Эксле вышел в той же серии «Интеллектуальная история» издательства «Новое литературное обозрение», что и книги Гумбрехта.
- ⁴ Гумбрехт Х.У. Производство присутствия: Чего не может передать значение / Пер. с англ. С. Зенкина. М., 2006. С. 29. Надо сказать, что в примечании к данному пассажиу Гумбрехт уточняет, — уже после написания черновика книги ему напомнили, что этим «безвестным» студентом был, на самом деле, его тогдашний ученик, а сейчас коллега и друг Жуан Сезар ди Каштру Рош. Но в нашем случае, это ничего не меняет.

К истории одной апологии (Марк Блок между историей и исторической антропологией)

Мысль — как я сейчас понимаю, довольно опрометчивая — написать этот текст пришла мне в голову, когда я перечитывал русский перевод «Апологии истории» Марка Блока. Второе дополненное издание 1986 г. сопровождается подробной статьей Арона Яковлевича Гуревича «М. Блок и “Апология истории”», где рассказана биография автора и интерпретируется его последний, незаконченный труд. Гуревич, сопоставляя «Апологию истории» с позднейшими трудами тех, кто «впал в (...) крайность иррационализма и субъективизма или вообще отрицания возможности исторического познания», сравнивая ее автора с «виднейшими представителями идеалистической историографии периода ее острого кризиса», пишет о Блоке: «... мы убедимся, с какой спокойной уверенностью смотрит он на возможности исторического познания» (С. 194)¹. Каждый раз, доходя до этой фразы в послесловии Гуревича, я начинаю нервно листать только что перечитанные блоковские страницы. Дело в том, что «Апология истории» вызывает у меня ощущение не «спокойной уверенности в возможности исторического познания», а, наоборот, крайней неуверенности, беспокойной незавершенности, даже своего рода тихого, пусть и хорошо скрытого отчаяния. Естественно, я всегда списывал

свое расхождение с замечательным советским историком на собственное невежество и неумение понять довольно простой текст — но сейчас пришло время додумать до конца. А именно: почему, на каком основании мне представляется, что «Апология истории» совсем об ином, нежели кажется многим в историографическом цехе? Можно ли как-то объяснить — очевидную для меня — двусмысленность и даже неуверенность интонации этой книги? И, если мое предположение верно, то в какой именно плоскости лежат эти причины?

Затея довольно рискованная и действительно опрометчивая, прежде всего, имея в виду огромную литературу, посвященную Марку Блоку, его трудам и «школе Анналов». Один ее обзор может составить объемный том, а в дополнительные тома войдет критика и интерпретация написанного предшественниками. Более того, отношение к наследию «Анналов» очень разное, да и сами представители этой школы (на самом деле, словосочетание «школа Анналов», как мы знаем, также вряд ли имеет сегодня особый смысл) во многом друг с другом не были согласны. Даже пример самого серьезного, глубокого единомыслия — тандем Марка Блока и Люсьена Февра — демонстрирует, что противоречий здесь не меньше, чем единства; а уже о следующих поколениях «анналистов» и говорить нечего. Наконец, помимо внутренней рефлексии и критики — внутренней в смысле самой «школы», а также, чуть шире, французской историографии, гуманитарной мысли и культуры — существовала и существует внешняя. Это и иные «национальные школы историографии», и общие позднейшие интеллектуальные моды. Говоря о

России, где широкое знакомство² с трудами и идеями Марка Блока, его коллег и последователей произошло с некоторым опозданием, отклики «моды» на них можно услышать до сих пор — несмотря на то, что авангард постсоветской российской историографии действительно находится уже далеко. В любом случае, серьезно говорить об «Апологии истории» в контексте «истории историографии», «истории школы Анналов» и так далее имеет смысл лишь в большой монографии — и с совершенно иной позиции, нежели предыдущие исследователи. У автора этого текста подобных претензий, конечно же, нет.

Ниже я попробую проанализировать намерение Блока приняться за «Апологию истории» в трех пересекающихся, но отдельных контекстах. Эти контексты таковы. Первый: история Франции, французского общества и французской гуманитарной интеллигенции в конце XIX-первой половине XX в. Второй контекст: история самого Марка Блока, его мировоззрения, миросозерцания и взглядов на историю. И, наконец, третий контекст: история исторической науки, или, как я бы предпочел выразиться (вслед за англо-саксонской традицией), история гуманитарного знания. Поэтому из необъятного корпуса текстов, посвященных этим проблемам, я буду выбирать только самые необходимые. Остальные же останутся не упомянутыми — в нарушение, увы, всех академических принципов.

Из трех вышеупомянутых контекстов следует определить главный для нашего рассуждения. Не в том смысле, что он важнее прочих, отнюдь, просто с помощью его нам будет легче ими оперировать. Иными словами, один из контекстов является как бы клю-

чом для использования других. Таким ключом, безусловно, является контекст номер два, биографический, персональный контекст Марка Блока, сквозь который мы как бы «пропустим» и остальные. В конце концов, что бы ни говорили в предыдущие десятилетия о «смерти автора» и «исчезновении человека» как начертанной на морском песке фигуры, «Апология истории» сочинялась конкретным человеком в конкретных обстоятельствах его собственной и общественной жизни, этот труд имел определенную цель, которая, кстати говоря, недвусмысленно указана в авторском введении. На нем и сосредоточимся.

* * *

«Введение» следует за посвящением, которое открывает книгу. Сначала мы читаем фразу «Памяти моей матери-друга», а затем — большой абзац, адресованный другу, коллеге и соратнику Марка Блока Люсьену Февру. «Вместо посвящения» датировано 10 мая 1941 г., оно написано в городе Фужер, где Блок оказался после военной катастрофы 1940-го. Как известно, в начале Второй мировой войны Марк Блок, несмотря на немолодой возраст, пошел в действующую армию, летом 1940 г. оказался в Дюнкерке, вместе с британцами и некоторыми французскими сослуживцами был эвакуирован в Великобританию, но захотел (и смог!) тут же вернуться во Францию, чтобы соединиться с женой и детьми. В Фужере находился летний дом Блоков, там он в начале 1941 г. проводил часть времени, уехав из Парижа, работать в котором историк уже не мог по понятным причинам. Дальнейшая судьба Блока известна: Клермон-Ферран, Монпелье (за пределами оккупированной немцами французской территории, под

властью вишистского правительства), а затем Лион. До Лиона Марк Блок работал в университете (сперва — в Страсбургском, переведенном после второй немецкой аннексии этого города в Овернь, а затем — в университете Монпелье), но после окончательной оккупации нацистами всей Франции он перешел на подпольное положение, вступив в Сопротивление. В конце весны 1944 г. Марк Блок был по доносу местного жителя схвачен гитлеровцами, отправлен в гестапо, его пытали и вместе с еще шестнадцатью узниками 16 июня 1944 г. расстреляли в окрестностях Лиона. Блок вел себя героически. Что касается его профессиональной деятельности, то после возвращения из Британии он, как уже было сказано, преподавал, писал для основанного им совместно с Февром журнала «Анналы» (но под псевдонимом) и сочинял две книги. Одна, состоящая из заметок и рассуждений о случившемся в 1939—1940 гг., написана в 1940 г., а издана в 1946-м уже после войны и гибели автора под названием «Странное поражение». Вторая, «Апология истории», своего рода трактат о ремесле историка, была начата весной 1941-го, но по каким-то причинам автор остановился на полпути³. В общем, перед нами почтенный известный историк, настоящий патриот и храбрец, который только что — вместе со своей страной и армией — испытал унижительное поражение и капитуляцию. Он не остался в Британии, где вполне мог рассчитывать на хороший прием в академическом сообществе (Блока островные медиевисты читали, сам он прилично изъяснялся на английском, так что, думаю, найти там работу в университете ему было бы несложно), вернулся в оккупированную страну, с парижской работы его изгнали, библиотеку разграбили, а основанный им

журнал сменил название по требованию властей Виши с «Анналов экономической и социальной истории» на «Статьи по социальной истории» и убрал имя Блока с обложки⁴. Персональное унижение наложилось на национальное; изгнаннику из метрополии (в том числе, и из академической метрополии) пришлось работать в некогда родном Страсбургском университете, который был также изгнан из своего города, писать в собственный журнал под псевдонимами и, следует особо подчеркнуть, иметь все причины опасаться унижительной смерти в силу происхождения. Марк Блок был евреем, точно также, как и его жена Симона Видаль, дальняя родственница известного капитана Альфреда Дрейфуса⁵. Такова жизненная ситуация, в которой Блок принялся сочинять «Апологию истории». Как мы видим в посвящении, работа была начата в конце весны 1941 г., а из дошедших до Февра записей Блока мы узнаем, что 11 марта 1942 г. он закончил четвертую главу «Апологии» и начал пятую, которую никогда уже не завершил. До вступления в ряды Сопротивления оставался еще примерно год, поэтому нельзя утверждать, что книга не дописана из-за ухода ее автора в партизаны. Работу Блока остановило что-то другое, возможно, причины носили не внешний, а внутренний характер. Так или иначе, рукописи («три толстые папки») оказались после войны у Люсьена Февра, который привел материалы в порядок и опубликовал в 1949 г. «Апология истории, или Ремесло историка» (ее полное название) — книга известная, в каком-то смысле даже образцовая; ее слава подкрепляется трагическими обстоятельствами написания и судьбы автора.

«Люсьену Февру вместо посвящения» — так озаглавлен долгий абзац, открывающий «Апологию

истории». Намерение Блока очевидно — имя друга и коллеги стоит на первом листе рукописи следующим за «матерью-другом»; более того, далее он пишет: «единственное упоминание, которое может позволить себе нежность, настолько глубокая и священная, что ее словами не высказать». Сама предваряемая книга названа здесь «простым противоядием», в котором автор «пытается найти немного душевного спокойствия». Казалось бы, все просто. Но, если вчитаться, то за обычной для французской словесности немного высокопарной риторической интонацией слышна если не обида, то хотя бы тень ее. Несколько странное упоминание «имени» друга, которое, согласно воле Блока, должно не просто «появляться здесь только случайно, в каких-то ссылках», а сразу, следуя за именем автора и упоминанием его матери — это, как представляется, намек на то, что сам-то Марк Блок был вынужден публиковаться в основанном им журнале под псевдонимом, а его журнал потерял свое оригинальное название и имя отца-со-основателя. Имя же Февра на обложке бывших «Анналов» по-прежнему фигурировало. Блок не упрекает Февра, он утверждает: «наше дело подвергается многим опасностям. Не по нашей вине», надеясь, что «настанет день, когда наше сотрудничество сможет полностью возобновиться, как в прошлом, открыто и, как в прошлом, свободно» (С. 5). Тем не менее, пусть в результате работы «большой истории» и по не зависящим от Блока и Февра обстоятельствам, дела на тот момент были таковы, что имя Февра в контексте французской «новой истории» существует, а Блока — нет. И в каком-то смысле «Апология истории» — попытка возобновить, вернуть тот период, когда оба имени

были вместе. На страницах бывших «Анналов» это невозможно. Значит, — рассуждает Блок, — пусть это будет книжка, «наша книжка», в которой спрессован опыт «нашего сотрудничества». Иными словами, Блок намерен сконцентрировать, отжать, изложить максимально кратко историографический сюжет межвоенного периода в его и Февра интеллектуальной биографии, на какое-то время заменив «Апологией» хромающий на одну ногу журнал, написать «настоящие Анналы», но, воспользовавшись моментом, одновременно и подвести персональные предварительные итоги. Перед нами не «научное завещание» великого историка, а как бы отчасти профессиональный и даже экзистенциальный проект, попытка рефлексии нынешнего момента «науки о прошлом», из которого, как любил сам Блок, можно ретроспективно проводить самые разнообразные сюжетные линии в поисках причин, обстоятельств и даже закономерностей.

Гипотеза выглядит тем убедительней, если вспомнить последовательность сочинительских проектов Марка Блока времен Второй мировой. В самом начале, в период т.н. «странной войны» Блок, как утверждает Февр, тяготился праздностью, будучи прикомандирован к одному из эльзасских штабов. Там он принялся было за труд под названием «История французского общества в рамках европейской цивилизации», посвятив его памяти своего старшего коллеги, знаменитого бельгийского медиевиста Анри Пиренна. Напомню: Пиренн в годы Первой мировой оказался в Германии в лагере для военнопленных. Там он читал лекции по истории русским пленным, на основе которых и сочинял «Историю Европы». Марк Блок успел написать всего лишь несколько страниц, после

чего ход и характер войны решительно изменились и работа над «Историей французского общества в рамках европейской цивилизации» была прекращена. Осталось лишь дюжина листков с предварительными методологическими рассуждениями и посвящением «Памяти Анри Пиренна, который в то время, когда его страна сражалась рядом с моей за справедливость и цивилизацию, написал в плену “Историю Европы”» (С. 115). Обратим внимание на несколько обстоятельств в связи с этим, казалось бы, не очень важным фактом. Прежде всего, название. История именно «французского общества» и именно в рамках «европейской цивилизации». Один из отцов «социальной истории» — Марк Блок — подтверждает свое кредо, говоря об «обществе», а не «государстве». Здесь все понятно и логично. Но вот использование термина «цивилизация» как оценочного, имеющего положительную коннотацию — вот это-то как раз странно. Марк Блок был не только одним из создателей «социальной истории», он — один из отцов «исторической антропологии», которая исключает применение подобных терминов иначе, нежели в нейтральном контексте и смысле. В наброске же Блока «европейская цивилизация» предстает несомненным благом, содержанием и одновременно целью европейской истории. Точнее — содержанием и целью ее как бы правильной, лучшей, главной ветви. И, безусловно, «французское общество» находится в рамках таким образом оцененной цивилизации. Иными словами, предполагается, что перед нами история поступательного развития, прогресса, которые имманентно свойственны французскому обществу. Французское общество имеет свое наивысшее воплощение в Третьей республике,

возникшей после краха Второй империи — и, с другой стороны, — подавления Парижской Коммуны. В силу своего происхождения она как бы наследует всей истории Франции, монархической и республиканской, христианской и революционной⁶. В качестве таковой Третья республика противостояла в Первой мировой Германской империи, и победила. Отсылка к Пиренну, сочиняющему в лагере «Историю Европы», вполне понятна — он, находясь в плену варваров, составляет историю настоящей, «нашей», «цивилизованной» Европы, за которую в это самое время сражался сначала сержант, а потом лейтенант и капитан Марк Блок. Сейчас, осенью 1939 г., через четыре года после смерти Анри Пиренна — снова война, снова за «справедливость и цивилизацию» и снова против Германии. Таким образом, «История французского общества» должна как бы подвести исторический фундамент под нынешнюю войну с Германией.

Все рухнуло буквально через несколько месяцев после начала этого труда. Франция стремительно проиграла и позорно капитулировала. Для Блока, наверняка, это был страшный удар — не только человеческий и служебный (он в шутку называл себя «самым старым капитаном французской армии»); вся концепция «французского общества» как одного из базовых для самого существования европейской цивилизации, эта основа его собственного несомненного патриотизма была поставлена под вопрос. В «Странном поражении» Марк Блок пытается объяснить, что унижительный провал Третьей республики есть следствие провала французского общества, которое не было достойно себя и своей истории. «История» воспринимается Блоком как последняя

ценность в этой ситуации; если общество подвело, а Республика рассыпалась при первом же дуновении, то вот прошлое подвести не может. Соответственно, следует внимательно посмотреть, а что же в конце концов мы можем знать о прошлом, какие у нас есть инструменты познания и так далее. Еще раз — «Апология истории» задумывалась не как завещание поседшего в архивах историка, а в качестве придирчивой ревизии наличных способов работы с прошлым. Отметим еще одно обстоятельство. Под «прошлым», прежде всего, имеется в виду «прошлое французского общества», под «историей» — «наша история», главным образом, средневековая. Последний довод настоящего французского общества — не того, что капитулировало и замарало себя коллаборационизмом, а истинного, «здорового», идеалистически-республиканского и патриотичного — не пушки. Пушки были последним доводом королей, да и вообще все пушки давно отданы немцам. Последний довод — история, точнее, умение ее «добывать» из прошлого.

В таком ряду рождение замысла «Апологии истории» кажется логичным и закономерным. Столь же логичным и закономерным выглядит и подзаголовок «Ремесло историка». Но откуда слово «апология» в первой фразе названия? Почему «историю» нужно оправдывать? И перед кем?

Ответ можно найти в начале «Введения» к книге. Блок вспоминает: «Это было в июне 1940 г., в день — я хорошо помню — вступления немцев в Париж. В нормандском саду, где наш штаб, лишенный войск, томился в праздности, мы перебирали причины катастрофы: “Надо ли думать, что история нас обманула?” — пробормотал кто-то» (С. 7). Казалось бы,

нелепое рассуждение. Если скверные генералы и слабое правительство при апатии немалой части населения сдают врагу собственную страну, то разве «история» виновата, разве ей, а не генералам, министрам и гражданам вообще надо предъявлять претензии? Но вот если мы подставим к слову «история» притяжательное местоимение первого рода множественного числа «наша», то смысл появляется — и исключительно любопытный. Здесь я предлагаю перенестись на пару десятилетий назад и поговорить о другой войне, о Первой мировой в связи с французским обществом и с интеллектуальной биографией Марка Блока.

Блок был призван в армию сразу после начала Первой мировой, провел почти год в окопах со своим пехотным полком (сначала в чине сержанта, потом — лейтенанта и капитана), затем оказался из-за тифа в госпитале, получил несколько ранений, некоторое время был расквартирован со своим же полком в Алжире, где вспыхнуло восстание местных кочевых племен, затем его вернули на фронт, там его и застало перемирие, а в конце и капитуляция Германии. Демобилизовался Марк Блок лишь в мае 1919 г., с января того года он был приписан к Министерству безопасности Эльзаса и Лотарингии, базировался в Страсбурге, выполняя функции офицера разведки и контрразведки. Период с 1914 по 1919-й характеризует молодого историка как образцового патриота и прекрасного офицера, что подтверждается и приказами по его части, а также отзывами сослуживцев и производством в более высокие чины. Блок испытал все прелести войны «маневренной», потом — войны нового типа, «окопной», поучаствовал в малоизвестном колониальном сюжете Первой мировой, жил

среди солдат, а чуть позже — среди офицеров повыше⁷. Обратим также внимание на факт его послевоенной службы в Страсбурге. Как известно, Эльзас и Лотарингия были аннексированы Германской империей в результате войны 1870—1871 г. и реваншистские настроения французского общества сыграли немалую роль в подготовке и развязывании Первой мировой. После поражения Германии эти две провинции были заняты французами, которые принялись восстанавливать здесь свои порядки. В этой работе по ре-офранцузиванию Эльзаса Марк Блок принял самое активное участие — сначала как служащий Министерства безопасности возвращенных земель, а затем — как преподаватель Страсбургского университета, который стал (это отмечают все биографы Блока, начиная с Люсьена Февра) своего рода витриной лучших и наинovelейших достижений французского гуманитарного знания. Блок перебрался из Страсбурга в Париж лишь в 1936 г., получив место в Сорбонне. Любопытно, что после капитуляции 1940 г. Марк Блок, как уже отмечалось выше, преподавал в том же Страсбургском университете, но переехавшем в Овернь. В самом Страсбурге немцы проводили в то время политику «разфранцузивания» и «ре-германизации».

«Страсбургская тема» в судьбе Марка Блока — семейная. Его отец, историк-антиковед Гюстав Блок был родом из расположенного неподалеку департамента Нижний Рейн и защищал Страсбург от немцев в 1870 г. После подписания мира и аннексии Эльзаса и Лотарингии он перебрался в Лион, не желая оказаться поданными германского императора. Если углубиться еще дальше в прошлое, то мы обнару-

жим прапрадеда Марка Блока, Габриеля, воюющего с пруссаками в 1793 г. в рядах французской революционной армии⁸. Марк Блок — французский патриот, отпрыск семьи французских патриотов, выполнял свой гражданский долг и в 1914—1919 гг., и с 1939 по роковую весну 1944 г.. Собственно, он и погиб в бою, как истинный патриот, только в бою подпольщика. Во многих смыслах, значительная часть творчества Блока-историка тоже может характеризоваться как «патриотическое». Первая мировая сыграла огромную роль в сюжете «Марк Блок-французский патриот» и, в конце концов, определила отношение его не только к событиям 1939—1940 гг., но и к его профессиональной работе, что отразилось, как представляется, на замысле и содержании «Апологии истории», а также на отказе от завершения этой книги. Чтобы проверить наше предположение, попробуем разобраться в «содержании» патриотизма Марка Блока, в его типологии и сопровождающих исторических обстоятельствах.

Марк Блок причислял себя к т.н. «короткому поколению», выросшему между поражением в войне 1870—1871 г. и оправданием Дрейфуса в 1906 г. (и даже, быть может, чуть позже)⁹. Характерным для многих представителей этого поколения было сочетание «культурного патриотизма», идеалистического либерального республиканизма, веры в идеи просветителей, а также характерного для периода «конца века» космополитизма и представлений об «общей Европе». Добавим еще особое отношение к «культуре», ее, если позволить себе такой каламбур, «культ», который можно проследить во взглядах большинства деятелей того времени. Кажется, именно тогда впервые

под «культурой» стали понимать не просто набор артефактов и книг, но и стиль, устройство повседневной жизни и даже общества. Подобное отношение было характерно для представителей художественного стиля «модерн» («ар нуво», «сецессион»), которые смешали панэстетизм с левыми социальными (чаще всего социалистическими) идеями. В Британии главным пропагандистом такого подхода был известный художественный критик и теоретик Джон Рескин (1819—1900) и его наследники из «Движения искусств и ремесел». Этот набор идей, пусть в несколько ином виде, несомненно, оказал влияние и на Блока¹⁰.

Еще раз: патриотизм Марка Блока был наследственным. Как отмечает Финк, его отец Гюстав трактовал это качество как исключительно положительное, и непременно составляющее стержень народовластия, Республики. В «Римской республике» (1913 г.) Гюстав Блок как одну из причин гибели римской демократии называет растущую турбулентность и сервильность масс, «без удержу, без достинства и даже, можно сказать, без *patrie*»¹¹. Поэтому историю Франции Блок-старший и Блок-младший — и их коллеги республиканских взглядов (особенно, подобно Блокам, еврейского происхождения) — рассматривали как процесс развития (или даже продвижения) свободы. Этот процесс, согласно их представлениям, был теснейшим образом переплетен с процессом формирования французской нации. К примеру, в статье, написанной накануне Первой мировой, Марк Блок увидел в истории «провинциального патриотизма в его величии и упадке ... незаменимое введение» в историю французского патриотизма¹². И 17 лет спустя (в 1931 г.) Блок отмечает, что — в отличие от

немецкой историографии и пропаганды — для французов важнее «этническое единство» французского народа, нежели «государство»¹³. Кэрол Финк подводит итог: государство для Марка Блока всего лишь средство или орудие, а не особая (концептуальная) ценность¹⁴. Для Блоков, старшего и младшего, важнее всего роль самих граждан, схожая с той, что была у граждан республиканского Рима, или в Средние века у представителей французского рыцарства, остававшихся не только «добрыми французами», но и «добрыми европейцами».

И вот здесь возникает концепция “noblesse” — слово, которое сложно перевести на русский. Это смесь качеств, которые приписали определенному социальному классу, «средневековому рыцарству», причем, далеко не сразу. Смесь «доблести» и «благородства» была основой блоковского патриотизма и представлялась как характернейшая черта именно граждан республики. В этой точке «Франция реймских коронаций» сходится с «Францией праздников Федерации», Франция монархическая, рыцарская, христианская с Францией республиканской, демократической, атеистической. Идея “noblesse” как именно *психологической характеристики* связана с социальным статусом (социальный историк Марк Блок не мог это отрицать, конечно), но очень опосредованно. Во втором томе «Феодального общества» Блок утверждает: культурная гегемония Франции в Средние века была основана на том, что в ней царил самое «предприимчивое рыцарское благородство» в Европе¹⁵. Поведение Блока выстраивалось в соответствии с его же представлением о “noblesse”. Блок, действительно, следовал пути “noblesse” как психоло-

гической характеристике. Это подтверждают многочисленные свидетели, знавшие его как в Первую мировую, так и позже, не говоря уже о героизме Блока в гестаповском застенке и перед расстрелом.

Еще одно важное обстоятельство патриотизма Марка Блока — то, что он происходил из еврейской семьи. Антисемитские традиции французского общества известны; даже если не вспоминать «дело Дрейфуса», которое чуть было не вызвало гражданскую войну в стране, стойкий антисемитизм аристократии, католического духовенства, части буржуазии и крестьянства делал жизнь французских евреев непростой. Тем не менее, большинство из них, особенно представители среднего класса и интеллигенции, считали себя истинными французами, а культуру и историю этой страны «своими». Об этническом происхождении они вспоминали редко; известна фраза Блока из «Странного поражения»: «Я еврей, но не вижу в этом причины ни для гордыни, ни для стыда, и отстаиваю свое происхождение лишь в одном случае: перед лицом антисемита»¹⁶. Патриотизм евреев-представителей «короткого поколения» не был попыткой скрыть свое происхождение, наоборот, происхождение давало им возможность свободно говорить о преобладании интересов общества, «французов» как таковых над интересами этнически ограниченного народа. Выбор французской культуры в качестве своей был сделан не ими, а их предками — и никаких связей с еврейством Восточной и Центральной Европы, с иудаизмом, с культурой идиша, а затем и сионизма они не ощущали. К примеру, для Франца Кафки еврейство было важным сюжетом его жизни, то благоприятным, то драматическим и даже тра-

гическим, но если мы говорим о Марке Блоке, или, скажем, о Марселе Прусте, все было совершенно не так. В их случае социальное (средний класс, интеллигенция) и национально-культурное (Франция) определяли все, в том числе и политические взгляды (применительно к Блоку в гораздо большей степени, конечно).

Второе упоминание в этом тексте Марселя Пруста требует небольшого пояснения. Он был старше Марка Блока на 15 лет, но оба принадлежали к «короткому поколению», хотя Пруст явно тяготел к поколению предыдущему, тому, что появилось до 1870 г. Оба имели еврейские корни, оба принадлежали «среднему классу» (впрочем, Прусты были гораздо богаче семьи скромного историка Гюстава Блока, также они входили в высшее общество). Казалось бы, кроме вышеперечисленного никакого сходства нет. Один — литератор, другой — историк, один — принципиальный великосветский дилетант, второй — истинный профессионал, первый никогда и нигде постоянно не работал, второй — служил в армии и всю жизнь провел на педагогическом и исследовательском посту. Между тем, если оставить в стороне очевидные обстоятельства и присмотреться поглубже, мы увидим удивительную вещь. На самом деле, оба были и выдающимися историками, и тончайшими социальными психологами. Многие упускают из вида, что в «Поисках утраченного времени» — роман исторический. Действие его начинается лет за тридцать до публикации первого тома эпопеи и хотя оно с каждым томом «догоняет» время написания, временная дистанция сохраняется до конца. «В поисках утраченного времени» именно об истории, которая и есть

«утраченное время» — более того, в качестве такового выступает belle époque, довоенные салоны времен формирования и взросления Третьей республики. Там же во всей сложности представлена тема «Франции реймской коронации и Франции праздников Федерации». Первая Франция — это условные «Германты». В самом начале романа рассказчик говорит, что в Комбре из летнего дома родителей всегда было два пути — в «сторону Сванов» и в «сторону Германтов». Первый путь есть метафора Франции буржуазной, страны, возникшей в результате череды революций, Франция дрейфусаров. Второй — по направлению к Франции аристократии, королей и церкви, Франции средневековой, Франция антидрейфусаров. Мальчик Марсель очарован обеими Франциями, собственно, его Франция состоит из этих двух частей; много лет спустя повествователь Марсель тщательно распутывает социально-психологическую паутину этого очарования. В конец концов, миры, которые казались совершенно несовместимыми, оказываются одним миром, две Франции слипаются в одну, символом чего стала женитьба герцога Германтского на госпоже Вердюрен. Высокомерный аристократ соединяется с буржуазкой, салон которой принципиально противостоял «высшему свету» и одновременно иступленно ему завидовал. «История», «время» обретается в конце повествования тогда, когда все нити прошлой жизни распутаны, мотивы установлены, тайные желания вскрыты, довоенный мир объяснен исчерпывающе. Собственно, такая Франция и возникает в последних томах прустовской эпопеи. Роман, на первой странице которого читаешь, как герой-повествователь засыпает в детстве, видя средневековые, историче-

ские сны о Франции¹⁷, роман, где уже через несколько страниц с невероятным тщанием и точностью описана средневековая церковь в Комбре, где десятки абзацев посвящены алчбе Марселя, обращенной к аристократическим титулам знакомцев Свана (ему кажется, что все эти фамилии ведут происхождение от эпохи Каролингов), кончается гигантскими пушками немцев, бьющими по Парижу, и всеобщим измельчением нравов, банальностью, триумфом посредственности и низкого порока. Такая «новая» Франция — даже ее прошлое — уже не «своя» для Марселя, она всеобщая, универсальная, как везде, она *ничья*. Очарование исчезло, осталась дистанция.

В 1924 г. 38-летний преподаватель филологического факультета Страсбургского университета Марк Блок публикует работу под названием «Королей-чудотворцы». Это одно из самых знаменитых исследований прошлого века, многократно проанализированное и, несомненно, оказавшее немалое влияние на развитие современного гуманитарного знания. «Королей-чудотворцев» многие считают отправной точкой т.н. «исторической антропологии», как нам представляется, совершенно справедливо. Жак Ле Гофф в предисловии к переизданию работы «Королей-чудотворцев» в 1982 г. приводит перечень авторов, повлиявших на «антропологический поворот» Марка Блока. Прежде всего, речь идет о тех, на кого ссылается сам Блок — Джеймс Фрэйзер и Люсьен Леви-Брюль. К этим именам Ле Гофф добавляет Эмиля Дюркгейма, оказавшего, как признавал сам историк, огромное на него воздействие. Для того чтобы дополнить научный контекст «Королей-чудотворцев», Ле Гофф рассказывает еще о нескольких книгах, которые Блок не

упомянул и, судя по всему, не читал. Речь идет о «Наброске общей теории магии» Марселя Мосса и Анри Юбера, а также об исследовании Арнольда Ван Женнепа «Обряды перехода»¹⁸. Нет ничего удивительного в том, что Блок, не считавший себя специалистом в области антропологии, не знал всех важных работ того времени. Нас интересует другое — тот шаг, который он сделал от просто «истории» (пусть и новаторской) к применению антропологических методов к истории. Ведь для того, чтобы совершить этот шаг, требовалась принципиально важная смена — отход от взгляда на «историю» как на «нашу историю» с последующим выстраиванием дистанции между собой и прошлым собственной страны, да и всей Европы тоже. Жак Ле Гофф в качестве заслуги Марка Блока в «Королях-чудотворцах» называет следующее: «Блок (...) избежал отождествления людей Средневековья с “дикарями”, на которое могло натолкнуть знакомство с идеями Леви-Брюля»¹⁹. Похвала довольно сомнительная и не очень оправданная, если вдуматься. Да, Блок был далек от того, чтобы счесть средневекового француза «дикарем» в оценочном смысле, т.е. человеком, не вкусившим еще всех плодов прогресса на новейшем витке цивилизации. Но дело в том, что «Короли-чудотворцы», которые исследуют чудо исцеления золотухи от прикосновения монаршей руки, посвящены анализу не «французской истории» как становления «нашего общества», а изучению (структурному и историческому) магического ритуала в *некоем обществе*. Смена точки наблюдения приводит к смене области знания, как таковой — от «истории» к «антропологии», пусть и «исторической». Антрополога интересует то, как устроено общество и каково по-

ведение в нем людей. Его не занимает ни телеология этого общества, ни его «особая роль» в складывании сверхобщности — скажем, «Европы». Его не беспокоит вопрос «уроков» прошлого, которые данное общество преподает «нам». *С этой точки зрения* антропологу все равно, с каким именно социумом он имеет дело — оно находится от него на том же расстоянии, что и остальные. «Исторической» такая антропология становится тогда, когда статический срез сменяется изучением распространенных ритуалов, обычаев и устройства жизни в ходе некоего времени; научные орудия историка выкладываются на стол рядом с уже лежащими там орудиями этнографа, антрополога и так далее. Сложно сказать, понимал ли до конца Марк Блок, что именно он сделал своей книгой; в любом случае, к подобному типу исследования он уже никогда не обращался.

У «антропологического поворота» Марка Блока, судя по всему, было три причины. Одна — биографическая и профессиональная, одна — мировоззренческая, даже философская, и одна, как представляется, этическая, возникшая в результате Первой мировой. Первая находится на поверхности. Марк Блок перед войной был стипендиатом Фонда Тьера вместе со своими друзьями, эллинистом Луи Жерне и синологом Марселем Гране. Европейские медиевисты вообще не отличались особенным интересом к Античности — и особенно к древностям других уголков Земли, не связанных прямо с Европой. Дружба и тесное общение Марка Блока с Жерне и Гране как бы открыли ему границы собственного исторического мышления²⁰. Но дело даже не в том, что всегда полезно сравнивать область, которую изучаешь, с другой,

регион с регионом, один хронологический период с другим. Здесь важно еще и то, что Жерне и Гране как раз подошли к самой идее «исторической антропологии»; первый — в таких работах, как «Праздники и песни Древнего Китая» (1919 г.) и «Религия китайцев» (1922 г.). Луи Жерне, который имел несчастье оказаться на преподавательской должности в Алжире, был также близок к подобному исследовательскому подходу; не зря же выпущенный посмертно сборник его статей называется «Антропология Древней Греции»²¹. Позволю себе тут одно замечание, впрочем, довольно уязвимое: если для европейского ученого описывать китайские древности с точки зрения антрополога было не очень сложно²², то вот проделывать ту же операцию в отношении Древней Греции — уже совсем иное, учитывая, что «Античность» для человека западной культуры прочно занимает место «нашего основания» и «нашего истока»²³. Представляется, что для Марка Блока пример Марселя Гране и Луи Жерне был исключительно важен. Плюс к этому, Жак Ле Гофф в качестве фактора благотворного влияния на Блока — автора «Королей-чудотворцев» отмечает²⁴ атмосферу Страсбургского университета, куда после Первой мировой съехались молодые и не очень молодые гуманитарии разных специальностей; свежесть обновленного после победы в войне учебного заведения и относительная открытость позволили расцвести в Страсбурге междисциплинарным контактам. Судя по всему, в Сорбонне, да и в других «старых университетах»²⁵ такой возможности не было. Наконец, как пронизательно отметил Ле Гофф, не следует забывать и чисто семейное влияние на «Королей-чудотворцев». Книга ведь посвящена риту-

алу излечения от болезни; соответственно, сам (в те годы довольно редкий) интерес историка к медицинской процедуре, пусть и магической, мог возникнуть из разговоров с братом-врачом.

Вторая причина тоже довольно очевидная — это мировоззрение Марка Блока, его героический гуманизм, ведущий начало от просветителей и от французской республиканской традиции. Во главе всего стоит Человек, который в своем историческом развитии представляет главный, даже единственный интерес для исследователя. Человек и его «производные» — ритуалы, религии, экономические отношения, все остальное, общество, наконец. Как мы уже отмечали, антропоцентрическая вселенная Марка Блока была ограничена лишь его патриотизмом; под «человеком», чаще всего, негласно подразумевался «француз» или «европеец». В этом можно усмотреть нестыковку двух главных источников мировоззрения Блока — универсалистского Просвещения²⁶, которое видело «человека вообще», и националистического романтизма последующей эпохи. Стоило хотя бы ненадолго ослабнуть «патриотическому» (читай, романтическому) элементу этого мировоззрения, и на сцене тут же появился «человек вообще» с его странными ритуалами. А раз он «вообще», а не «француз», к примеру, то можно анализировать данные ритуалы не из точки нахождения «француза», а немного со стороны, т.е. антропологически.

Возникает вопрос: а при каких обстоятельствах вышеназванный «патриотический элемент» ослабевает? Когда и почему он ослабел в мировоззрении Марка Блока настолько, что тот взял и написал «Королей-чудотворцев»? Здесь следует вспомнить

о последней, третьей причине — о Первой мировой войне. Нельзя сказать, что о том, как она повлияла на создание «Королей-чудотворцев» ничего не написано. Наоборот, об этом, помимо прочих, говорит и Ле Гофф в уже упоминавшемся эссе, и Кэрол Финк, и — особенно — Карло Гинзбург в предисловии к итальянскому переводу книги²⁷. Однако все они сосредоточены на том, как война «открыла» для Блока мир «устной истории», слухов, мир стремительной культурной архаизации — именно в том историческом, романтическом, прогрессистском значении, которое можно сюда вложить. Иными словами, речь идет о впечатлении, что произвела на Блока происшедшая на его глазах деградация современного мира с его способами коммуникации, прессой, распространением информации. Все верно, если учесть, что после войны Блок даже написал статью под названием «Размышления историка о ложных слухах военного времени»²⁸. Но следует обратить внимание и вот на что. Деградация, которую Марк Блок наблюдал, сидя в окопах Первой мировой, была «культурной» не только в смысле нарушения привычных путей распространения информации, активизации слухов и прочего. Унизительный для представлений о человеческом достоинстве характер нового способа ведения войны, тотальный характер конфликта, его бессмысленность в политическом, экономическом и ином аспектах — все это оказало, как известно, гигантское влияние на сознание «короткого» и последующего поколений во Франции (и в Европе вообще)²⁹. Было бы неверным думать, что Марк Блок оказался от такого влияния закрыт. Конечно, он принадлежал к породе людей, не выставляющих наружу своих непо-

средственных реакций. Более того, он, кажется, действительно считал войну 1914—1918 гг. справедливой для Франции. Однако не различающий национальностей и культур, аннигилирующий, сводящий боевые действия к кропотливому неспешному перемалыванию живой силы противника способ ведения этой войны явно должен был склонить его в сторону более универсалистской концепции человека. Страдание, массовое уничтожение, смерть, которая равно приходит и к хорошему, и к плохому солдату, и к трусу, и к храбrecу — разве это не говорило в пользу того, что есть только «человек вообще», а не француз, немец и так далее? В любом случае, окопная деградация уж точно не была деградацией исключительно «французской современности». Именно в этой точке возникла возможность посмотреть на «нашу историю» как не на «нашу», а на «историю вообще», а точнее — как на комбинацию социальных механизмов, ритуалов и привычек некоего общества такого-то времени. Ле Гофф пишет: «Шарль-Эдмон Перрен вспоминает, что в феврале 1919 г., когда они с Блоком, еще не демобилизованные, вместе совершали поездку в Вогезы, будущий автор “Королей-чудотворцев” сказал ему: “Когда я покончу с моими аграриями, я займусь историей помазания и коронации в Реймсе”»³⁰. Только, в конце концов, это оказалась уже не «наша» коронация, а «их» ритуал.

Собственно, война изменила и Францию. Некогда центр цивилизованного мира стал столицей крупного, но не столь уж важного для жизни человечества государства. «Германты» и «Сваны», «Реймская коронация» и «Праздник Федерации» окончательно, до неразличения смешались в одно общество обыва-

телей. Помимо всего прочего, это имело одно очень важное последствие. Тем, кому подобное неразличение не нравилось, стремились к своего рода «чистоте», двигаясь все быстрее и радикальнее к краям. Так возникли французский крайне правый национализм, антисемитский, протофашистский и французский коммунизм. Люди, вроде Блока, бывшие некогда в середине, в сознательном республиканском мейнстриме, почувствовали себя в этой ситуации страшно старомодными — «их» Франция довоенных времен осталась по ту временную сторону фронтов Первой мировой, она стала «утраченным временем». Из чего следовало два соперничающих между собой вывода: либо ностальгия, либо холодная дистанция, своего рода «новая трезвость». Собственно, последние тома эпопеи Пруста и колеблются между этими двумя точками.

Марк Блок тоже колебался. Сначала он сочинил «Королей-чудотворцев», а потом вернулся к обновленной версии своего предвоенного взгляда на историю как на «нашу». Создав поле для будущей «исторической антропологии», он покинул его. Причин тому было немало — прежде всего, как мне кажется, профессиональная и общественная эйфория, которая вернулась к нему, когда непосредственное впечатление от Первой мировой ослабло. В конце концов, Франция победила, немецкие варвары потерпели поражение, Страсбург возвращен и филологический факультет его университета прекрасен. История вновь становится историей Франции, феодальное общество — французским феодальным обществом, а «культурная гегемония Франции в Средние века была основана на том, что в ней царил самое предприимчивое рыцарское благородство в Европе». Судя по

всему, Марк Блок действительно верил в то, что “pobless” (в его французском варианте) вернет современной ему Франции культурную гегемонию в Европе и мире, а история, написанная новым образом, станет пьедесталом для этой гегемонии. Вполне возможно, что «Анналы» — помимо чисто профессиональных академических целей — должны были решать культурную, общественно-политическую в каком-то смысле задачу. По инерции в самом начале Второй мировой Марк Блок принимается сочинять «Историю французского общества в рамках европейской цивилизации», но капитуляция ставит крест и на этой затее, и на породившей ее психологической инерции.

Если хотя бы отчасти принять вышеприведенную гипотезу, многое становится понятно в творческих интенциях Марка Блока между июнем 1940-го и весной 1942 г. «Странное поражение» — попытка понять, отчего Франция-победитель («Франция» в широком, блоковском, культурно-историческом смысле, Третья республика как счастливая комбинация «Франции Реймской коронации» и «Франции праздника Федерации») не состоялась и так бесславно сгинула. «Апология истории» — попытка каталогизировать сухой остаток этой катастрофы — не военной, а мировоззренческой. Если «история нас обманула», то та ли это была «история»? Вдруг другая? Можем ли мы утверждать, что способны рассказать настоящую историю, которая бы не обманывала, историю, которая будет и «нашей» («французской»), и просто человеческой («универсальной», собственно, «исторической антропологией»). Оттого интонация и логический механизм первых пяти глав этой книги производят столь странное впечатление. Блок

пытается с помощью здравого смысла продемонстрировать, что изучение прошлого возможно, но по-новому, ибо если по-старому, то это уже не история. Но если изучать историю по-новому, то она — что можно увидеть почти на любой странице «Апологии» — либо перестает быть «историей», превращаясь то в ту же антропологию, то в социальные науки и т.д., либо само рассуждение историка заходит в тупик, останавливаясь на смысловом многоточии. Блок утверждает, что сейчас покажет, как надо по-новому изучать историю, но каждый сюжет остается незавершенным, ибо никакого окончательного ответа ни на один из поставленных вопросов не возникает. Условное наклонение «новой истории» заменяет номинатив старой — и в книге, действительно, нарастает странная неопределенная интонация благородной, но растерянной «апологии». «Нашу историю» как часть «нашей» (французской, европейской) истории оправдать невозможно, ибо она рухнула по причинам, далеким от академических, она кончилась в июне 1940 г., что было следствием триумфа 1918-го. Мне кажется, Марк Блок, поняв это, бросил книгу на полдороге, ибо ему стало ясно, что сама проблема поставлена неправильно. Если Францию (неважно, какую) надо защищать, то не книгой, а оружием. И он ушел в подпольщики.

Примечания

- ¹ Указание на страницы из «Апологии истории» даются в тексте в скобках. Цитаты в русском переводе Е.М. Лысенко приводятся по второму дополненному изданию: Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986.

- ² Именно широкое. Узкий круг московских и ленинградских историков был знаком с концепциями «анналистов» с конца 50-х-начала 60-х гг.
- ³ Лучшие краткие биографические очерки, посвященные Блоку, принадлежат Люсьену Февру (*Февр Л.* Марк Блок и Страсбург // *Он же.* Бои за историю. М., 1991. С. 130—145), Жаку Ле Гоффу (*Ле Гофф Ж.* Предисловие // *Блок М.* Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и Англии. М., 1998. С. 11—60.) и Кэрол Финк — автора предисловие к английскому переводу записей и дневников Марка Блока времен Первой мировой (*Bloch M.* *Memoirs of War, 1914—1915.* Cambridge, 1983). Здесь я опираюсь, прежде всего, на эти статьи, но некоторые детали взяты также из свидетельств самого Блока, в частности, из его «Странного поражения» (русский перевод: *Блок М.* Странное поражение. М., 1999).
- ⁴ История «Анналов» и отношений Блока с Февром во время немецкой оккупации изложена — апологетически — в упомянутой выше статье самого Февра. Более сбалансированный и аналитический подход см. в статье Натали Земон Дэвис. Русский перевод: *Дэвис Н.З.* «Анналы», Марк Блок и Люсьен Февр во время немецкой оккупации // *Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов».* М., 1993. С. 166—179.
- ⁵ После ареста мужа она также принимала участие в Сопротивлении. Умерла в июле 1944 г.
- ⁶ Чуть позже, в «Странном поражении» Блок напишет: «Две категории никогда не поймут истории Франции: те, кого не волнует память о коронации в Реймсе, и те, кто без трепета читает о празднике Федерации» // *Bloch M.* *L'Étrange Défaite.* P., 1957. P. 210.
- ⁷ Записи и дневники Марка Блока времен Первой мировой собраны в книгу «Воспоминания о войне»; к английскому переводу ее Кэрол Финк и написала свое предисловие. Благодаря «Воспоминаниям» мы можем проследить довольно подробно не только за военной карьерой Блока, но и за его рефлексией происходящих с ним и вокруг него исторических событий.
- ⁸ *Bloch M.* *Memoirs of War, 1914—1915.* P. 17.
- ⁹ *Ibidem.*
- ¹⁰ Любопытно, что ретроспективная утопия английских прерафаэлитов, связанного с ними Рескина и более молодых участ-

ников «Движения искусств и ремесел», была основана на идеализации Средневековья в противоположность Ренессансу и последующим эпохам. Культ ремесла, ручного, а не машинного труда, поклонение любой мелкой детали повседневного быта — все это не могло не оказать влияния на гуманитариев «короткого поколения», да и не только на них. Марсель Пруст, как известно, находился под огромным впечатлением от работ Рескина — и даже переводил их на английский. Мир исторической, старой, провинциальной Франции, столь идеально выраженный в устремлении юного Марселя к «Германтам» — это мир средневековый. Мы еще вернемся к сравнению взглядов Блока и Пруста, пока же отмечу, что последний написал после Первой мировой небольшую книгу о судьбе и разрушении французских средневековых церквей — «Памяти убитых церквей». В дневниках Блока 1914—1915 гг. есть очень подробное и любовное описание сельской церкви в местах, где стоял его полк и происходили постоянные обстрелы и стычки.

¹¹ Цит. по: *Bloch M. Memoirs of War. P. 28—29.*

¹² *Revue de synthèse historique. 1914. Vol. XXVIII. P. 356, 365.*

¹³ *Bloch M. Un tempérament: Georg von Below // ANES. 1931. Vol. III. P. 558.*

¹⁴ *Bloch M. Memoirs of War. P. 29*

¹⁵ *Ibid. P. 30*

¹⁶ *Bloch M. L'Étrange Défaite. P. 23.*

¹⁷ «... во сне я продолжал думать о прочитанном, но мои думы принимали довольно странное направление: я воображал себя тем, о чем говорилось в книге, — церковью, квартетом, соперничеством Франциска I и Карла V» // *Пруст М. По направлению к Свану / Пер. Н. Любимова. М., 1973. С. 33.*

¹⁸ *Блок М. Короли-чудотворцы. С. 53—54.*

¹⁹ Там же. С. 53.

²⁰ Напомню также, что отец Марка Блока был историком-антиковедом.

²¹ *Блок М. Короли-чудотворцы. С. 15—16.*

²² См. концепцию «ориентализма» Эдварда Саида и весь последующий корпус работ в рамках *postcolonial studies*. При всем осторожном и довольно критическом отношении к этим трудам и концепциям, следует отметить, что там вполне точно указаны главные особенности отношения европейца (да и вообще «западного человека») к условно-восточному Другому. Главная из них — отказ Другому в «истории», лишение его как ретроспективной, так и перспективной динамики, погружение

в «вечное прошлое», которое является одновременно и «вечным настоящим», приписываемый Другому фатализм и отсутствие изменений с течением времени. Иными словами, условный «Восток» изымается «ориенталистом» из исторического времени. При всей порочности «ориенталистского» подхода, когда мы говорим об изучении обществ за пределами Западной и Центральной Европы, он может привести к исключительно интересным выводам, будучи приложен к обществу самих «ориенталистов». Собственно, здесь и зарождается идея (назовем ее так) «авто-антропологии» — рассматривать, к примеру, современных британцев так же, как британские востоковеды рассматривали, к примеру, парсов.

²³ Тот самый «культ истоков», который Марк Блок критически проанализировал в «Апологии истории».

²⁴ Блок М. Короли-чудотворцы. С. 19—22.

²⁵ Естественно, Страсбургский университет, основанный в XVII в., сложно назвать «молодым»; речь идет о его офранцузивании после Первой мировой, которое сильно повлияло и на кадровый состав, и на работу, прежде всего, гуманитарных факультетов.

²⁶ Здесь, конечно, стоило бы уточнить, какое именно из влияний просветителей было для Блока важнее, но это уже несколько иная тема. Пока же можно указать на несколько наивный руссоизм в представлениях историка о «человеке», который в любых исторических обстоятельствах устраивается самым разумным образом, делая разумным (т.е. рационально понимаемым) любое общество любого периода. Получается, что здесь действует некий априорно-«естественный человек», который каждый раз по-новому применяет свое естественное умение выживать.

²⁷ Bloch M. *I re taumaturghi*. Turin, 1973. P. XI-XIX.

²⁸ Опубликовано сначала в журнале *Revue de synthèse historique*. 1921. Vol. XXXIII, а затем в посмертном сборнике статей: Bloch M. *Melanges historiques*. Paris, 1963. T. I. P. 41—57.

²⁹ См. замечательное исследование Роберта Вола «Поколение 1914-го»: Wohl R. *The Generation of 1914*. Cambridge, 1979.

³⁰ Блок М. Короли-чудотворцы. С. 19.

Научное издание

Кирилл Рафаилович Кобрин
Средние века:
очерки о границах, идентичности
и пефлексии

Макет и оформление Ю.В. Балабанов
Редакторы Г.А. Бабак, И.В. Румянцева
Корректор Н.С. Головин

Предложения и вопросы можно присылать на электронный
адрес серии:
medieval.books@mail.com

Подписано в печать 20.04.2016. Формат 84×108/32. Заказ № 144.
Тираж 500 экз. 7,0 п.л. 14,0 уч.-изд. л.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в Публичном акционерном обществе
«Г8 Издательские Технологии»

109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5.
Тел.: 8 (495) 221-89-80

По издательским вопросам обращаться:
«**Центр гуманитарных инициатив**»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра П.В. Соснов

Комплектование библиотек, оптовая продажа в России и странах СНГ
ООО «**Университетская книга-СПб**».

Контакты:

в Санкт-Петербурге: Тел. (812) 640-08-71, e-mail: uknigal@westcall.net
в Москве: ООО «Университетская книга-СПб». Тел. (495) 915-32-84,
e-mail: ukniga-m@libfl.ru

Рассылка по России:
Интернет-магазин Лабиринт.ру: <http://www.labyrinth.ru/>

Серия MEDIAEVALIA

Средневековые как историко-культурный феномен.

Основана в 2015 г.

Составитель и главный редактор А.К. Гладков

В 2016–2017 гг. в рамках серии
предполагается опубликовать:

**Политическая культура Средних веков
и раннего Нового времени / Сост. и отв.
ред. А.К. Гладков**

В сборнике собраны работы, посвященные изучению политической культуры средневековых цивилизаций Запада и Востока. Реконструируется система представлений о верховной власти, ее происхождении и функциях, выявляются правовые механизмы ограничения полномочий государя, стратегии удержания власти и низложения правителя («тираноборчество»), анализируются формы взаимодействия различных потестарных институтов, а также авторские приемы конструирования политических образов, выработка специфических моделей ведения полемики и построения системы аргументации в политической литературе. Особое внимание уделено исследованию политических ритуалов, церемоний, обрядов и процедур, демонстрировавших реализацию на практике теоретических представлений о сакральном характере светской власти и высоком достоинстве ее служителей.

На материале истории Италии, Англии, Франции, Скандинавских стран, Древней Руси и Византии, а также Индии, Японии, Монголии обнаруживаются как общие (типологические), так и особенные (уникальные) черты в развитии политической культуры различных регионов средневекового мира.

Сборник будет полезен не только историкам-медиевистам, но и филологам, философам, политологам, культурологам, искусствоведам, а также широкому кругу читателей, интересующемуся историей и культурой средневековых цивилизаций Запада и Востока.

Предложения и вопросы можно присылать
на электронный адрес серии: medieval.books@mail.com
или электронный адрес издателя: unikniga@yandex.ru

Серия MEDIAEVALIA

Средневековье как историко-культурный феномен.

Основана в 2015 г.

Составитель и главный редактор А.К. Гладков

В 2016–2017 гг. в рамках серии
предполагается опубликовать:

Браун Е.Д.
Войны Роз: История. Мифология.
Историография

В рамках данного исследования последовательно реконструируются три слоя восприятия Войн Роз: глазами джентри, живших во времена противостояния Йорков и Ланкастеров, с точки зрения англичан XVI в. и с позиции профессиональных историков.

За более чем пятьсот лет представления о Войнах Роз сделали почти полный круг. Современники принципиально не вникали в детали престолонаследия, уважительно относились ко всем королям и королевам. Они сетовали, что борьба за престол не лучшим образом сказывается на положении дел в королевстве, но не считали происходящее катастрофой.

В конце XV–XVI вв. конфликт Йорков и Ланкастеров все больше драматизировали и систематизировали. Шекспир прибавил полотну ярких красок, и следующие три столетия историки не критически воспроизводили драматическую версию тюдоровского мифа. В XX столетии стереотипы были сломлены, и в итоге исследователи пришли к тому же, что и современники. Как и людям XV в., нынешним историкам очень многое не ясно; подобно современникам они почти не критикуют участников конфликта; наконец, в оценке степени воздействия Войн Роз на повседневную жизнь исследователи теперь склонны полагаться на мнение очевидцев.

Книга будет интересна историкам, филологам и культурологам, а также широкому кругу читателей.

Предложения и вопросы можно присылать
на электронный адрес серии: medieval.books@mail.com
или электронный адрес издателя: unikniga@yandex.ru

Серия MEDIAEVALIA

Средневековье как историко-культурный феномен.

Основана в 2015 г.

Составитель и главный редактор А.К. Гладков

В 2016–2017 гг. в рамках серии
предполагается опубликовать:

В.Н. Ерохин

**Становление нации. Религиозно-политическая
история Англии XVI–первой половины XVII в.**

В монографии представлено современное понимание истории Реформации и религиозно-политической борьбы в Англии XVI–первые десятилетия XVII века. Данный период в британской истории был временем разрыва церковно-административных связей с римско-католической церковью, началом формирования национальной церкви и пуританизма, все эти факторы оказали большое влияние на развитие духовной культуры во всем англоязычном культурном мире. Под непосредственным влиянием Реформации приобрела свою идентичность британская политическая система, государственность во главе с монархом, сосредоточившим светские и церковные властные функции, а также активизировался Парламент как законодательное учреждение. В Англии сохранилось также католическое сообщество, ограниченное в правах, но не потерявшее свою вероисповедную идентичность, что стало одной из основ толерантности и культурного разнообразия. Период XVI–первой половины XVII в. во многих отношениях ознаменовал начало становления политической системы и складывания социо-культурной самобытности современной Великобритании.

Книга будет интересна всем тем, кого занимают вопросы религиозно-политической истории Англии XVI–первой половины XVII в., а также становления британской конфессиональной и культурной идентичности в целом.

Предложения и вопросы можно присылать
на электронный адрес серии: medieval.books@mail.com
или электронный адрес издателя: unikniga@yandex.ru

Серия MEDIAEVALIA

Средневековье как историко-культурный феномен.

Основана в 2015 г.

Составитель и главный редактор А.К. Гладков

В 2016–2017 гг. в рамках серии
предполагается опубликовать:

Софронова Л.В.

**Джон Колет: христианский мыслитель
ренессансной эпохи**

В центре данного исследования находится творческое наследие видного представителя христианского Возрождения Джона Колета (1467–1519). Ряд существующих в историографии образов Колета, по мнению автора, искажают его интеллектуальный и духовный облик. Попытка очистить его от «наслоений» различных интерпретаций составляет стержень данной книги. Особое внимание в монографии уделяется анализу его отношения к античной культуре, христианским текстам, исторической и философской мысли Ренессанса, корректируются представления о взаимоотношениях Колета с Марсилио Фичино и Эразмом Роттердамским. В книге раскрывается специфика его теологических взглядов по ключевым для протестантизма проблемам оправдания верой, божественного предопределения и свободы воли, папской супрематии, анализируется предложенный им проект церковной реформы, исследуется комплекс проблем, касающихся отношения Колета к ереси.

Для историков, специалистов по культуре Возрождения, преподавателей, аспирантов, студентов, а также читателей, интересующихся историей Ренессанса и Реформации.

Предложения и вопросы можно присылать
на электронный адрес серии: medieval.books@mail.com
или электронный адрес издателя: unikniga@yandex.ru

Серия MEDIAEVALIA

Средневековье как историко-культурный феномен.

Основана в 2015 г.

Составитель и главный редактор А.К. Гладков

В 2016–2017 гг. в рамках серии
предполагается опубликовать:

Тогоева О.И.

Еретичка, ставшая святой.

Две жизни Жанны д'Арк.

Монография посвящена одной из ключевых фигур во французской национальной истории, а также в истории западноевропейского Средневековья в целом – Жанне д'Арк. Впервые в мировой историографии речь идет об изучении становления мифа о святой Орлеанской Деве на протяжении почти пяти веков: с момента ее появления на исторической сцене в 1429 г. вплоть до рубежа XIX–XX вв. Исследование процесса превращения Жанны д'Арк в национальную святую, сочетавший в себе ее «реальную» и мифологизированную истории, призвано раскрыть как особенности политической культуры Западной Европы конца Средневековья и Нового времени, так и становление понятия святости в XV–XIX вв.

Работа основана на большом корпусе источников: материалах судебных процессов, трактатах теологов и юристов, хрониках XV в. и исторических сочинениях XVI–XVIII вв., художественных произведениях, материалах местного почитания Жанны д'Арк в Орлеане XV–XIX вв., трудах французских историков XIX в.

Для историков, литературоведов, культурологов и широкого круга читателей.

Предложения и вопросы можно присылать
на электронный адрес серии: medieval.books@mail.com
или электронный адрес издателя: unikniga@yandex.ru

Книга К.Р. Кобрин «Средние века: очерки о границах, идентичности и рефлексии», открывающая малую серию по медиевистике (series minor), посвящена нескольким связанным между собой темам:

новым подходам к политической истории, формированию региональной идентичности в Средние века (и месту в этом процессе политической мифологии), а также истории медиевистики XX века в политико-культурном контексте современной эпохи. Автор подробно разбирает политико-мифологические сюжеты из средневекового валлийского эпоса «Мабиногион», а также сочинений Гальфрида Монмутского.

Особое внимание уделено в работе изучению в широком историко-культурном и политическом контексте жизни и трудов знаменитого средневекового автора, церковного и государственного деятеля

Геральда Камбрийского (1146–1223).

В связи с исследованием его творчества, главным образом, ирландских и валлийских травелогов, была поднята и проанализирована проблема формирования коллективной и персональной идентичности в Средние века.

Наряду с детальным изучением собственно средневекового материала, проливающего свет на историю, культуру и политическую организацию Уэльса, автор также исследует историографический путь развития медиевистики XX в., обращаясь к работам М. Блока, Э. Канторовича и О.Г. Эксле.

17 Чел Читали-город РЧ
12.07.2016 000 "ГРАМОТА"

Средние века. очерки о границах идентичности... (MediæVallaSeriesMinor) Кобрин

9000025290357 ВК: 3865189
Код 2529035
ТБК 11-7112

Цена 443 руб.

9 785987 126448